РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(72)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

О понимании России
How to Understand Russia

Русский национализм
Russian Nationalism

Россия в рейтингах 2010 года
Ratings of Russia, 2010

ЕС, Россия и постсоветское пространство
EU, Russia and Post-Soviet Space

Музеи российской эмиграции
Museums of Russian Emigration

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2011

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Ред. колл.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2011. – ISSN 1726–5223. – № 3 (72). – 268 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Ю.С. Пивоваров
К вопросу о методологии понимания России 6

Yu.S. Pivovarov
On the Problem of Methodology of Studying Russian History

В.А. Ковалёв
Нормальный русский национализм (К вопросу об идеологии демократического государства в России) 27

V.A. Kovalev
Normal Russian Nationalism (On the problem of ideology of a democratic state in Russia)

Ю.А. Нисневич
Россия-2010 в зеркале исследований межгосударственных и неправительственных организаций 46

Yu.A. Nisnevich
Russia-2010 in the Mirror of Interstate and Nongovernmental Organizations

А.В. Шентякова
Федеральная элита: Качественный состав «президентского резерва» 61

A.V. Shentyakova
The Federal Elite: On the Quality of the «President's Reserve»

С.А. Королёв
Постсоветская фирма как микросоциум власти 69

S.A. Korolev
The Post-Soviet Firm as a Micro-Socium of Power

Е.А. Сидорова
Бюджетная политика как отражение социально-экономических проблем современной России 85

E.A. Sidorova
Budget Policy as a Reflection of Social and Economic Problems in Nowadays Russia

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Г.А. Антипов
Об историческом опыте в современном социально-проективном мышлении 99

G.A. Antipov
On Historical Experience in Current Socio-Projective Thinking

Ж. Людвиг
Беспокойный треугольник: ЕС, Россия и их общие постсоветские соседи 111

Zs. Ludwig
Troublesome Triangle: The EU, Russia and Their Common Post-Soviet Neighborhood 111

Т.В. Чубарова
Социальная ответственность бизнеса: Россия на фоне мирового опыта 131

T.V. Chubarova
Social Responsibility of Business: Russia Against the World Background 131

Х.Ф. Бингол
Российский вектор в энергетической стратегии Турции 145

H.F. Bingol
The Russian Vector in Turkey's Energy Strategy 145

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

А.Л. Литвин, А.А. Сальникова
Проблема сталинского террора в новейших зарубежных исследованиях 153

A.L. Litvin, A.A. Salnikova
Stalin's Terror in the Recent Foreign Studies 153

С.А. Ермолаев
Западный феодализм и русский общественный строй (Полемика с А.А. Горским) 165

S.A. Yermolaev
Western Feudalism and the Russian Social Order (Polemics with A.A. Gorsky) 165

И.А. Васильева
Плоская шкала налогообложения доходов физических лиц: Оценки «сверху» и «снизу» 176

I.A. Vasilyeva
The Flat Scale of the Physical Person Income Tax: Appraisals from «Above» and «Below» 176

Н.А. Тарасова, И.А. Васильева, Е.Д. Сушко
Использование системы НДП («население, доходы, потребление») для оценки социальной политики 182

N.A. Tarasova, I.A. Vasilyeva, N.Ye. Sushko
Employment of the PIC System («Population, Income, Consumption») for the Evaluation of Social Policy 182

О.В. Летов
Прогресс новых технологий как задача для России 193

O.V. Letov
Progress of New Technologies as a Task for Russia 193

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ | **FACTS. EVENTS. PEOPLE**

Л.П. Муромцева
Музеи российской эмиграции 199
L.P. Muromtseva
Museums of the Russian Emigration

И.А. Соков
Русские корни лидера канадских либералов Майкла Игнатьеффа 214
I.A. Sokov
The Russian Roots of Michael Ignatieff, Leader of Canadian Liberals

В.В. Леонидов
Выдающийся востоковед Ю.Н. Завадовский 221
V.V. Leonidov
Eminent Orientalist Yu.N. Zavadovsky

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ | **SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE**

А.М. Кулегин
Музей на перекрестке эпох 226
A.M. Kulegin
Museum at the Crossroads of Epochs

П.М. Шульгин
Вологда – столица русского Севера 238
P.M. Shulgin
Vologda, Capital of the Russian North

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ | **ESSAYS. DIGESTS**

Глобальный риски 2011 246
Global Risks 2011

Борьба с отмыванием капиталов 249
Fighting Money Laundering

Влияние финансового кризиса на страны Центральной и Восточной Европы 253
The Impact of the Financial Crisis on the Central and East European Countries

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 257 | **SUMMARIES**

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.С. Пивоваров

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ РОССИИ

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, директор ИНИОН РАН.

У каждого поколения, у каждой эпохи существует потребность в историческом самоопределении, собственном ви́дении прошлого. Поэтому каждый раз решенные (казалось бы) вопросы ставятся под сомнение, под пересмотр. Но бывают времена, когда историософская потребность ощущается особенно остро. Сегодня как раз такое время. Во всяком случае, в нашей стране, для нашей страны…

Это, с одной стороны. С другой – русское сознание всегда было ориентировано на философско-историческую проблематику. Все у нас решалось в ее контексте. Она стала «фирменным знаком», важнейшей характеристикой отечественной культуры. Однако несмотря на напряженность историософских поисков, на жар историософского горения, русская мысль и русская наука подобно иным (европейским) уложились – в общем и целом – в два подхода. Формационный и цивилизационный.

По сути, в русской традиции никому еще не удалось вырваться за их границы, сбросить эти шинели. Да никто особо и не стремился (может быть, только Лев Шестов и отчасти Соловьёв с Бердяевым; но, конечно, не их пути стали для русского ума магистральными). Впрочем, как и на вечноманящем и вечноненавидимом Западе.

Кратко рассмотрим существо и специфику этих двух господствующих типов осмысления и упорядочения исторического процесса. Без этого и вне этого, коль эти типы действительно господствуют, не подойти к теме самоопределения современного российского человека во времени и (социальном) пространстве.

Начнем с формационного как более привычного – о нем мы узнавали еще в школе. И на всю жизнь обязаны были запомнить, что мировая история, по Марксу, состоит из пяти сменяющих друг друга формаций. Все остальные подходы к истории объявлялись нашими учителями идеалистическими. За-

тем, став студентами, читали об «азиатском способе производства», об энергичной полемике вокруг него, которая не одно десятилетие шла (в основном) среди ученых-востоковедов. Должен сказать, что именно эта полемика посеяла во мне, студенте конца 60-х – начала 70-х годов, первые «историософские сомнения».

Но, как выяснилось впоследствии, не один лишь «азиатский способ производства» угрожал моему «школьному марксизму» с его жесткой пятичленной формулой. Оказалось, что наука (советская и зарубежная) обнаружила в классическом марксизме три варианта осмысления истории. 1. В соответствии со способом производства в истории человечества выделяются пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. 2. В зависимости от господствующего типа материальных отношений (т.е. воспроизводимым типом отношений собственности) историю можно разделить на три «крупные формации»: первичная, или архаическая, формация с господством общей (общинной) собственности; вторичная, антагонистическая формация с преобладанием частной собственности, третья – коммунизм – основана на общественной собственности. 3. Согласно выявлению исторических типов общественных отношений зависимости и свободы, когда за основу берутся исторические способы соединения в целое общественных индивидов (т.е. природа их социальности) и конкретно-исторические способы соединения работника и средств производства. В результате в истории прослеживаются три типа, три ступени развития общества: докапиталистические (в том числе и первобытные), капиталистическое и коммунистическое[1].

Конечно, эти три версии осмысления исторического процесса не противоречат друг другу, поскольку в основу положена **одна субстанция** – материальное общественное производство. И существуют они лишь потому, что сама **субстанция** рассматривается под различными углами зрения. Но мне важно подчеркнуть именно возможность различных углов зрения в рамках марксистского формационного подхода. Эта возможность, безусловно, расширяет поле историософского маневра и позволяет несколько иначе, чем в «школьном марксизме», увидеть ход исторического развития. Возникает си-

1. Эта, третья, версия обычно строится на следующей мысли Маркса: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на в е щ н о й зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 100–101).

туация, при которой в определенной степени снимается жесткость гомогенной стадиальности пятичленной формулы. Само формационное видение становится более гибким. Хотя, разумеется, я отдаю себе отчет в том, что вторая и третья версии разработаны гораздо менее первой и являются фактически ее вариантами.

Далее. Хорошо известно, что наряду с марксистским формационным подходом к истории существует множество иных формационных подходов. Вспомним, к примеру, Кондорсе с его десятью последовательно сменяющими друг друга эпохами мировой истории; Сен-Симона, говорившего о четырех этапах истории в соответствии с четырьмя этапами развития общечеловеческого разума: идолопоклонство (первобытное общество), политеизм (античное рабовладельческое общество), монотеизм (феодализм) и физицизм («промышленная система»). Вообще, роль Сен-Симона в становлении формационной философии истории огромна. Скажем, трудно переоценить его идею, что исторический процесс совершается путем постоянной смены созидательных эпох (данная общественная система развивает постепенно и до конца свои принципы и возможности) разрушительными эпохами (кризис данной системы, ее разрушение и начало построения на основе новой идеи более высокой общественной организации). Вспомним также Конта, сформулировавшего «позитивную теорию общественного процесса» (или социальную динамику). Он выделял в мировой истории три главные стадии, каждая из которых соответствовала определенной стадии в развитии человеческого ума, – теологической (или фиктивной), метафизической и позитивной. Сильное влияние на становление формационного мировоззрения оказал и Гегель (идея преемственности трех этапов мировой истории – восточного, греко-римского и германского). Вообще, позапрошлое столетие (и конец XVIII в.) было в Европе «золотым веком» формационного типа историософского мышления. Но и в XX в. западная мысль продолжала плодотворно разрабатывать эту жилу: теория модернизации (со всеми ее разновидностями), концепция «стадий роста» У. Ростоу и др.

Да, формационный подход многоцветен и разнообразен, его версии сильно отличаются друг от друга, а все вместе – от марксистского осмысления истории. И тем не менее они обладают рядом важных характерных свойств, позволяющих говорить о формационном подходе как таковом. Назову некоторые из них: «провиденциальность» общественного прогресса, универсальность (единство) истории, стадиальность исторического развития, европоцентризм (в большей или меньшей степени, в разных дозах, явный или подспудный). Причем я бы сказал, что европоцентризм (шире – западоцентризм) имеет «провиденциальную» окраску.

Что же из всего этого следует? Прежде всего то, что марксистская концепция истории возникла в уже пробитом русле формационного мышления и

на **определенной** стадии эволюции западного общества (историософская рефлексия именно этого общества и именно в этом его состоянии). Очень важно также помнить о его генетической связи с иудеохристианским пониманием истории. «Формационщики», безусловно, своим существованием обязаны этой традиции. Действительно, они позаимствовали (точнее – унаследовали) у христианской мысли важнейшие свои принципы и положения – универсальность истории, закономерность истории, периодизацию истории (каждый период отличается от предшествующего и имеет специфические особенности, в целом история делится на две эпохи – мрака и света), провиденциальность истории – и, следовательно, определенную ее направленность, однократность, неповторимость любого события и т.д.

Однако в формационной концепции появляются и принципиально новые идеи. И в первую очередь, идея прогресса. Здесь не откажу себе в удовольствии процитировать Макса Вебера: «Мысль о прогрессе может оказаться необходимой только в том случае, если возникнет потребность секуляризированному осуществлению судьбы человечества придать посюсторонний и все же объективный смысл». Сейчас я не стану комментировать эту замечательную мысль; к ней мы вернемся несколько позже…

Мне кажется необходимым указать и на следующее кардинальное отличие формационного типа мышления от иудеохристианского. В формационном подходе к истории в качестве основополагающего появляется принцип субстанциальности. Сошлюсь на Р.Дж. Коллингвуда, на его мысль о субстанциальности античного философско-исторического видения и несубстанциальности христианского. Коллингвуд говорит, что греко-римская историософия создавалась на базе метафизической системы, главной философской категорией которой была категория субстанции. Скажем, у Платона субстанции суть объективные формы, у Аристотеля – дух. Не буду дальше излагать идеи Коллингвуда – они давно уже стали общим достоянием. Отмечу лишь, что его рассуждения о принципиальной субстанциальности историософии античного мира в высшей степени убедительны.

В христианстве же происходит преодоление субстанциальности. Метафизическая доктрина субстанции «снимается» доктриной творения. Суть ее в том, что живоначален только Бог, все остальное сотворено Им. Человеческая душа не существовала всегда (ab aeterno), в **этом** смысле ее «вечность» отрицается. Каждая душа – новое творение Бога. Единственной субстанцией признается Бог, его субстанциальная природа – непознаваема. Впоследствии Фома Аквинский отвергает концепцию Божественной субстанции, для него Бог – чистая деятельность, actus purus. Но в рамках формационного подхода происходит возрождение субстанциальности, восстановление ее в правах. У Маркса субстанциальной основой истории является материальное общест-

венное производство, у Сен-Симона и Конта – общечеловеческий разум, у Гегеля – мировой дух и т.д.

Теперь о цивилизационном подходе. Здесь прежде всего следует назвать имена Н. Данилевского, К. Леонтьева, евразийцев, О. Шпенглера, А. Тойнби, А. Вебера, М. Вебера, Р. Макивера, П. Сорокина и др. Их концепции родились в лоне современной западной культуры (или, если речь идет об отечественных мыслителях, – в лоне «европейской культуры на русской почве»), и следовательно, здесь немало схожего с формационным подходом. Так, к примеру, сохраняется **принцип развития** – культуры (культурно-исторические типы, цивилизации, общества) развиваются, проходят различные стадии (*genesis, growth, breakdown, desintegration* – у Тойнби; стадии «первоначальной простоты», «положительного расчленения» или «цветущей сложности» и «вторичного смесительного упрощения» – у К. Леонтьева и т.п.). От ряда принципов, характерных для сторонников формационной концепции, теоретики этого круга отказались. Правда, одни принципы отброшены полностью, с другими окончательного разрыва не произошло.

Как ни странно, к таким принципам относится принцип единства мировой истории. Казалось бы, именно здесь один из центральных моментов расхождения между сторонниками формационного и цивилизационного подходов. Но, видимо, эта идея настолько усвоена европейским сознанием, что совсем избавиться от нее крайне трудно. Пожалуй, это удалось лишь одному Шпенглеру, у которого культуры – поистине лейбницевские монады. Что касается остальных, то у них наряду с отрицанием единства мировой истории (вернее, его догматизации и абсолютизации) в той или иной форме и в разной, конечно, степени этот принцип присутствует. Во всяком случае, он дает о себе знать, оказывает воздействие на логику и этос мышления. Ну а главная схожесть состоит, безусловно, в субстанциальности, она имманентна историософии Данилевского и Шпенглера не меньше, чем Конта и У. Ростоу. Только «материя» субстанций иная, и у каждой культуры она своя, неповторимая. Скажем, согласно Шпенглеру, в основе любой культуры – лишь ей одной присущие органическая структура, пластический «жест», инстинктивный такт, ритм, «повадка». В своей совокупности они и составляют субстанцию **этой** культуры. А уже субстанция придает человеку этой культуры (человеческая природа понимается как материал культуры) **собственную** форму. Каждая культура обладает **собственной** идеей, **собственными** страстями, жизнью, волей, манерой восприятия вещей и умирает собственной смертью.

Я думаю, что появление цивилизационных концепций связано и с осознанием определенной узости, «недостаточности», одномерности формационного подхода, и вообще с кризисом эволюционистского, прогрессистского, либерального, позитивистского сознания. Сыграло роль и развитие науки, в первую очередь – востоковедения. Наверное, не случайно и то, что крупным

очагом цивилизационного осмысления истории стала Россия. Уж очень трудно ее исторический путь уложить в формационные схемы. Не помещаются в них неповторимость и своеобразие русской судьбы. В еще большей мере это относится к культурам Востока (хотя и в русском, и в восточных обществах существовали и другие причины, стимулировавшие развитие цивилизационной историософии). Но, повторяю, мой тезис заключается в том, что эта группа цивилизационных теорий есть также продукт западного (или вестернизированного) историософского сознания.

Свидетельством, подтверждением **неантагонистичности** – на глубинном уровне, в самом важном – формационного подхода (если отсечь его наиболее радикальные и жесткие версии) и цивилизационной мысли служат весьма распространенные в западной науке «смешанные», компромиссные концепции. Их авторы пытаются, весьма небезуспешно, преодолеть недостатки и крайности обоих подходов и, используя сильные стороны как цивилизационного, так и формационного видения, создать некую третью, синтетическую и более адекватную теорию истории человеческого рода.

Таковыми – в самом общем и вынужденно-поверхностном виде – представляются мне формационные и цивилизационные подходы к истории. Какой из них предпочтительнее, за каким будущее? Я бы ответил на этот вопрос следующим образом. Формационный в значительной степени отражает исторический путь народов Европы. Цивилизационный много дает для понимания своеобразия той или иной культуры. Попытки некоторых сторонников цивилизационной теории поставить под сомнение единство мировой истории представляются мне неубедительными (особенно шпенглеровское направление – культура как монада). Хотя и жестко-догматический вариант формационного подхода, думаю, не менее ошибочен. Меня вполне удовлетворяет тезис, согласно которому «человечество имеет единые истоки и общую цель» (К. Ясперс). Серьезным подтверждением идеи единства мировой истории представляются концепции типа «осевого времени» того же Ясперса. И даже если он (или кто-то другой) в чем-то ошибается, в главном – в ощущении взаимосвязи, взаимозависимости различных отрядов человечества, в наличии у них «общего дела», – конечно, прав.

Однако при всех своих заслугах оба этих подхода, мягко говоря, несовременны, т.е. перестали быть историософской рефлексией, адекватной духу эпохи. И дело совсем не в том, что и у формационного, и у цивилизационного подходов есть противоречия, нерешенные проблемы, пределы (и географические, и собственно научные) применяемости. Этого как раз бояться не стоит. Когда-то Ханна Арендт заметила, что у второстепенных мыслителей трудно найти фундаментальные противоречия, у великих людей – противоречия в сердцевине творчества. То же можно сказать и о всякой крупной, подлинной попытке осознания исторического процесса. А ведь формационная и цивили-

зационная именно таковы. И я убежден, что не бывает непротиворечивых, не «ограниченных» тем-то и тем-то, если их продумать всерьез, теорий исторического процесса.

Да, неадекватность духу эпохи этих вариантов историософского видения объясняется не какими-то их частными изъянами. Все гораздо серьезнее. На рубеже XIX–XX вв. в результате открытий естественных наук, прежде всего физики, родилось принципиально новое понимание мира. Так, в ходе научной революции была утеряна материя (помните «Материализм и эмпириокритицизм»? Помните, как всполошился Ильич?). Точнее: исчезла материя в **старом** смысле. Зато была обретена в качественно ином, таком, что аж дух захватывало.

А за пропажей материи куда-то скрылась и **история** (в **этом** «гадов-физиков» винить, конечно, не стоит). Или то, что под историей привыкли **полагать** в XIX (и раньше) веке. Внезапно это полагание, этот **смысл** развоплотились. Оборвались историческое время и людская жизнь, которые соответствовали и вытекали из этого полагания. Оборвалось то, что летом 1903 г. наблюдал из окна купе второго класса поезда Оренбург – Москва одиннадцатилетний гимназист: «Все движения на свете в отдельности были рассчитанно-трезвы, а в общей сложности безотчетно пьяны общим потоком жизни, который объединял их. Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот. Но механизмы не действовали бы, если бы главным регулятором не было чувство высшей и краеугольной беззаботности. Эту беззаботность придавало ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мертвых, а еще в чем-то другом, в том, что одни называют Царством Божиим, историей, а третьи еще как-то» («Доктор Живаго»).

«После Освенцима не может быть истории». Эти слова Теодора Адорно могли бы быть эпиграфом к XX столетию. Не может быть истории в том смысле, какой придавали ей либералы и консерваторы, марксисты и позитивисты, социалисты и… остальные. К сожалению, средствами русского языка описывать эту ситуацию не очень просто. Зато есть смысл воспользоваться немецким, в котором «история» – это «Historie» и «Geschichte». То есть «история» передается двумя различными понятиями.

Коллингвуд как-то заметил: история – это действия (деяния) людей в прошлом. И не более того. Так вот история-*Geschichte* (родственный глагол *geschehen* – случаться, происходить) равна коллингвудскому определению. История-Historie есть философское осмысление, интерпретация того, что было действиями людей в прошлом. Другими словами, историософ (историк от Historie) **пишет** (именно так!) историю. Во-первых, с каких-то определенных мировоззренческих **позиций**, во-вторых, **зная**, что будет потом. А история

(от Geschichte), когда она свершается, если можно так сказать, не имеет позиции и еще не знает. Здесь коллизия, непримиримое противоречие. Где же выход?

В признании того, что история – это только Geschichte? (Кстати, пятнадцать лет назад я склонялся к этому; см., например, «Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997.) Разве можно действиям людей приписывать некие им (действиям и самим людям) внеположные смыслы, законы и пр., людей же выстраивать в колонны и заставлять маршировать по ступенькам формаций или в пределах своих цивилизаций? Да, этого делать не следует. В XX в. история обманула нас; и все историософии растаяли как в тумане (к сожалению, не в «сиреневом», а – в кровавом).

Но одновременно с этим никогда (и ни у кого) не получится свести историю лишь к Geschichte. Человеческая природа – хотим мы этого или нет – заставит нас историософствовать. Весь вопрос в том, **как**?

Первое. Наше отношение к истории должно перестать быть **субстанциальным**. Понятно, что субстанциальные подходы к истории (формационные, цивилизационные) притягивают к себе, завораживают, дают прочные опоры, казалось бы, подлинное знание, уверенность в наличии у истории объективного смысла, законов развития и т.п. Но субстанциальность – в **конечном счете** – означает, что **последняя ответственность** остается за некоей – исторической, надысторической – необходимостью. Человек (личность) в рамках таких подходов остается всего лишь индивидуальным проявлением какой-то высшей ценности, подчиненной частью какого-то иерархически организованного целого.

Второе (и оно тесно связано с первым). Следует признать, что история-Geschichte – процесс принципиально открытый. Это действо, не имеющее **расписания**, повестки дня. Отсюда – прямой путь к отказу от эсхатологического и прогрессистского типов осмысления истории.

Вот здесь как раз место и время для того, чтобы прокомментировать приведенную выше мысль М. Вебера о прогрессе. Вне всякого сомнения, идея прогресса придает истории **упорядоченность** и то внутреннее напряжение, без которого невозможны были «великие стройки» Запада. Но веберовская трактовка прогресса замечательна не только сама по себе. Она как бы отталкивается, отправляется от какой-то иной идеи, предшествовавшей прогрессистской. Конечно, подразумевается эсхатологическая идея – придающая потусторонний (и, безусловно, объективный) смысл судьбе человечества и отражающая потребность в религиозном, сакральном обосновании экзистенции. Так, помимо прочего, устанавливается содержательная и логическая связь между эсхатологизмом и прогрессизмом и открывается возможность

рассматривать прогресс как **обмирщенный** вариант эсхатологии. И не затушевывается их сущностное различие.

Сделаем здесь небольшое отступление. И зададимся вопросом: **как** происходит переход от идеи эсхатологии к идее прогресса (перевернутому обмирщенному эсхатологизму)? В свое время этот процесс на русском «материале» замечательно описал отечественный исследователь Г.М. Прохоров: «…В XVII в. культурный авангард Руси делает дальнейший поворот к будущему… Старообрядцы и никониане, равно тянувшиеся прежде к вечности, разошлись в дополнительных устремлениях, векторах “второго порядка”. Никон и его сторонники устремились как к идеалу к будущему – будущему всего православного мира (вечность-в-будущем), а старообрядцы к прошлому – прошлому русской национальной духовности (вечность-в-прошлом))»[2]. И далее, перебрасывая мостик от церковного раскола к Петру: «Если у Никона будущее как идеал (социальная задача) еще уступает вечности, то у Петра Первого политика (будущее) берет решительный верх над религией (вечностью). Самоопределение по вероисповедному принципу (в свое время потеснившее принцип родовой) сдает позиции самоопределению по политической принадлежности, что… в целом указывает на конец Средних веков» (там же).

Итак, политика берет верх над религией, становится предельной **социальной** ценностью. В Европе это оформляется Вестфальским договором 1648 г. То есть «отсталая» Русь и «передовой» Запад осуществляют эту коренную трансформацию практически синхронно.

И еще одно очень важное обстоятельство. И эсхатологизм, и наследующий ему прогрессизм покоятся на линейном понимании истории. Которое, и это хорошо известно, пришло на смену циклическому; вернее, пониманию истории как циклического круговорота (правда, в привычном христианско-научно-европейском смысле здесь нет истории, исторического времени, развития и т.д.; жизнь человека и основополагающая временная единица (к примеру, год) слагаются из раз и навсегда данных, неизменных, повторяющихся элементов; не человек владеет «историей», а «история» человеком, определяет его судьбу, поведение). Однако и оно, линейное видение, ныне мало что дает для уяснения происходящего. Ведь если отказаться и от эсхатологизма, и от прогрессизма, весь raison d’etre этого подхода исчезает. Не нагруженное этими идеями линейное развитие становится абсурдно-пустым, ничем, так сказать, не обеспеченным. Оно вообще тогда трудно представимо; не можем

2. Прохоров Г.М. Культурное своеобразие Куликовской битвы // Куликовская битва и подъем национального самосознания. – Л., 1979. – С. 16.

же мы всерьез считать, что этот автомобиль движется не из пункта «А» в пункт «Б», а просто из ниоткуда в никуда…

Так что же взамен? Что на место и вместо цивилизационно-формационного дискурса? Ну, во-первых, перед нами не стоит задача разрушения этого Карфагена. Его уже нет (и без нас). Ему, как сказала Н.Я. Мандельштам, размозжили голову тем же «железным ободком, которым проломили череп Тициану Табидзе». Во-вторых, прежде чем формулировать какую-либо историософскую альтернативу, мы должны определить свое **местоположение**. **Где** мы? Куда загнал нас XX век?

Предшествовавший ему XIX век был полон всяких «литературных» ужасов и сногсшибательных научных открытий (Дарвина, например). Однако и Кьеркегор, и Достоевский, и Ницше, и другие оставались в пространстве слова, текста. Следующее столетие трансформировало все это в **дело**. Люди подтвердили, что происходят от обезьян, что Бог умер, что бытие определяет сознание и пр. Применительно к России об этом весьма ярко написано на последней странице «Доктора Живаго»: «Так было уже несколько раз в истории. Задуманное идеально, возвышенно, – грубело, овеществлялось. Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией. Возьми ты это Блоковское “Мы, дети страшных лет России”, и сразу увидишь различие эпох. Когда Блок говорил это, это надо было понимать в переносном смысле, фигурально. И дети были не дети, а сыны, детища, интеллигенция, и страхи были не страшны, а провиденциальны, апокалитичны, а это разные вещи. А теперь все переносное стало буквальным, и дети – дети, и страхи страшны, вот в чем разница».

Да, вот в чем разница. «Литература» обернулась злом. «Самый человечный человек» (как наивно полагал Маяковский) – «зверем, лизнувшим крови» (Роза Люксембург о том же самом человеке). А все мы вместе оказались припертыми к последней черте, последним рубежам. Но именно это столетие и эти рубежи стали «местом и временем», на которых разворачивается, как сказал бы Лев Шестов, «“великая и последняя борьба” за смысл того, что значит быть человеком»[3]. Ушедший век был не только эпохой воцарившегося зла, когда миллионы и миллионы, целые народы уверовали в необходимость уничтожения себе подобных как в нечто абсолютно неоспоримое, он был эпохой героического сопротивления злу и мужества, которое, по справедливому мнению Пауля Тиллиха, есть категория онтологическая. «Эта борьба за человека, – пишет С. Лезов, цитируя Тиллиха, – и является “действием… ведущим в какое-то другое смысловое пространство”»[4].

3. Лезов С.В. «Освобождение или выживание» // Искусство кино. – М., 1991. – С. 99.
4. Там же. – С. 73.

На этих рубежах и надо строить новую философию истории. Необходимы новая антропология, новое понимание и самопонимание человека. Это и будет обретением «другого смыслового пространства». Иными словами, на смену социальной революции прошлого века должна прийти персоналистская революция. Именно революция, а не реставрация, восстановление в правах и тому подобное. Это будет антропология человека не просто заглянувшего в бездну, но и – хотя это кажется непредставимым – коснувшегося ее. Антропология человека, дотронувшегося до пылающих адским огнем и мертвенным льдом глубин.

Итак, или философия истории (тип исторического понимания) станет по-преимуществу **персоналистской**, или не нужна (не возможна) никакая.

В каком же смысле **научно** антропология должна предшествовать историософии? Отвечу на этот вопрос, используя пример науки мне близкой – *political science* (это, как уже неоднократно приходилось писать, не вполне то, что у нас полагают «политологией»). Более тридцати лет назад известный немецкий философ Г. Майер отмечал: «Не отсутствие концепции государства есть проблема нашей политической науки, проблема состоит в том, что до недавнего времени господствовала концепция, которая не основывалась на определенной, неизменной антропологии; это лишало политику и государство их всеобщего характера»[5].

Итак, антропология должна предшествовать политике и государству. Эти последние, по мнению другого крупнейшего немецкого мыслителя А. Гелена, наряду с семьей, языком, правом суть **антропологические институты**. То есть некие **сущностные возможности**, которые реализуются (или не реализуются) в истории[6]. Следовательно, **определенная** антропология влечет за собой **определенный** способ и тип манифестации человека в историческом процессе. Или, короче, – сам исторический процесс. В **этом** смысле антропология предшествует истории, историософии.

Однако здесь возникают некоторые сомнения. И связаны они вот с чем. Мы говорим: персоналистский подход к истории. Но персонализм, понятие личности суть родовые признаки исключительно одной религии: христианства. И, соответственно, цивилизаций, им порожденных, – византийской, европейской, русской. Другие религии темы «личность» не знают. Так же как и основывающиеся на них цивилизации (всю доказательно-объясняющую часть я опущу, она общеизвестна).

---

5. Maier H. Politische Wissenschaft in Deutschland: Aufsätze zur Lehrtradition und Bildungspraxis. – München: Piper, 1969. – S. 96.

6. См.: Grenz P. Adornos Philosophie in Grundbegriffen: Auflösung einiger Deutungsprobleme. – Frankfurt a. M.: Klostermann, 1974. – S. 245.

И в **этом** смысле, наверное, правы те исследователи, которые говорят об уникальности и одновременно универсалистской основе христианских культур. Прежде всего – западной. Иными словами, с одной стороны, западная цивилизация, с другой – все остальные. Действительно, если взять две основные категории философско-исторического знания – «время» (социальное время / вечность) и «пространство» (локальное / внелокальное), – мы убедимся в наличии этой фундаментальной несхожести:

Восток (нехристианские цивилизации)	Пространство	Локальность	Вечность-в-настоящем (в христианском смысле проблема времени / вечности не артикулирована, время не отделено от вечности)
Запад (или христианская цивилизация)	Время	Внелокальность	Вечность вынесена из настоящего (за пределы социального порядка, трансцендирована)[7]

Таким образом, все нехристианские цивилизации развиваются в локальном (ограниченном) пространстве и не знают социального времени. Христианская цивилизация полагает себя в социальном времени и внелокальном (неограниченном) пространстве. Она – по своим базовым установкам – всемирна и универсальна. Главным образом потому, что христианство впервые и единожды (в мировой истории) создало индивидуального (исторического) субъекта, независимого ни от каких локальных коллективно-племенных форм. Причем этот субъект носит персоналистский и социальный характер. Персоналистский, поскольку христианство – личностная религия: в ней, как уже говорилось, и возникает тема «личность». Недаром на известной картине Н.Н. Ге Христос молча опускает голову, когда Понтий Пилат спрашивает: «Что есть истина?» Ведь истина в христианстве не «что», а «Кто». Он, Христос, и есть Истина. Социальный, поскольку этот индивидуальный исторический субъект помещается в обществе. В то время как реальный субъект локальных азиатских цивилизаций вынесен за общественные рамки и существует в виде либо мировых безличностных законов (ме, карма, дао), либо зооморфных богов[8].

7. Настоящая таблица является усеченным и несколько «исправленным» вариантом таблицы, впервые опубликованной в работе «Русская Система» (авторы – Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов). См.: Политическая наука: Теория и методология. – М., 1997. – № 2. – С. 130.

8. Об этом также подробнее в «Русской Системе».

Отсюда-то и растут мои сомнения. Персоналистский подход к истории, персоналистская историософия возможны и органичны лишь в пределах христианского мира. Ведь социально-исторически христианство находится в неких границах. Его универсальность и всемирность только интенциональны.

А мы, русские, способны ли соучаствовать в формировании персоналистской историософии? Думаю, да. И даже, наверное, можем сыграть здесь особую роль. Во-первых, мы страна христианская (что бы там ни было). Во-вторых, православно-русский извод христианства имеет свою существенную специфику; и именно она окрасит персоналистское видение в те самые – неповторимые – тона. В-третьих, русский человек в последнем столетии так нахлебался горя, что, если сумеет извлечь из этого урок, он, не исключено, окажется небесполезным для всех. Все это так. Но и здесь есть сомнения. И состоят они в следующем.

Разумеется, русский коммунизм не был случайностью. И относиться к нему как к чему-то такому, о чем поскорее хотелось бы забыть, перевернув страницу, поскорее бежать прочь, нельзя. Напротив, в него стоит всмотреться. И тогда увидим не только коммунизм сам по себе, но и то, что зрело и, увы, вызрело в отечественной культуре, увидим многие родовые черты русского феномена.

Наше сознание (и наша мысль) не знает (в общем и целом) различения бытия (Sein) и долженствования (Sollen), на котором построены и западная философия, и западная социальная система. Русский опыт – это взаимопроникновение *Sein* и *Sollen*, их переплетение. Точнее: нет никаких отдельных друг от друга бытия и долженствования, есть некий социокультурный «андрогин» – *Sollen-Sein* (в одно несуществующее слово). Коммунизм и был апофеозом этого «андрогина».

Заметим: это не единственное химерическое с научно-европейской точки зрения явление, произрастающее на Великой русской равнине. Смею напомнить, к примеру, о властесобственности. Или вот еще: эсхатологизм-прогрессизм. В рамках отечественной культуры эсхатология сплетена с прогрессом. Одно переходит в другое, одно есть другое. Эсхатология парадоксальным образом лишена потустороннего измерения, а прогресс вырывается из границ посюсторонности. «Сказка» становится «былью», «быль» превращается в «сказку». То же самое можно сказать и об андрогине «Historie-Geschichte». У нас они сиамские близнецы (правда, пожирающие друг друга)…

Полной реализацией такой самобытности и стал русский коммунизм. Тенденции он превратил в железобетонные факты, мечтательную нерешительность – в грубый волевой напор, мягкотелый релятивизм – в стальной, закаленный арктическими вьюгами, детерминизм. Но главное: коммунизм был ударом в солнечное сплетение русского общества. Ударом в человека, в христианской стране – в личность. Однако ударом настолько коварным, что

сами человеки даже сегодня до конца не могут уразуметь происшедшего. Коварность же коммунизма в том, что он представляет собой абсолютную власть всех… над одним. Это предельно массовая власть, утверждающая неограниченное господство человека над историей и природой и требующая ради реализации этого безупречного социального порядка лишь одного, пустякового, – растоптать личность (в христианском смысле). Причем, когда мы говорим «власть всех над одним», этот один всегда – «ты». И ты, и ты, и ты тоже… Избежать не удастся (не удалось, свидетельствую) никому. Ни товарищу Сталину, ни другим товарищам, ни тем, кому тамбовский волк товарищ. Помните: «Ты, я, он, она, вместе целая страна»…

Впрочем, достаточно историософии и историософских предположений. Вместо выводов процитирую двух великих людей XX столетия. Раймон Арон: «L'homme est dans l'histoire, l'homme est historique, l'homme est histoure». Борис Пастернак: «История не в том, что мы носили, / А в том, как нас пускали нагишом». – Как говорится, привет историкам «повседневности», историкам «фактов», «рабам» архивов.

* * *

Но для наших целей – понимание российского общества в разных его измерениях – одной историософии мало. И далеко недостаточно «сменить вехи» в ней. Хотя, конечно, необходимо. Надобно вообще перейти на какие-то иные методологические позиции. На какие – ясно и определенно не скажу. Как и прежде, нахожусь в постоянных методологических сомнениях. Вместе с тем привычные для отечественной науки подходы, еще недавно как будто бы всех устраивавшие, на глазах становятся контрпродуктивными, теряют свою объяснительную силу. Дело, наверное, в том, что изменился Zeitgeist, и эти подходы перестали ему соответствовать. Ну и, наверное, феномен «СССР» настолько феноменален, что требует методологической ревизии, методологической перемены, методологического **расширения** (почему выделено это слово, станет ясно чуть позже).

Итак…

Исследователи, наблюдатели, современники не могут понять, что происходит в России: то ли строится какое-то новое общество – тогда какое; то ли возрождается советское общество – но в каких обличиях; то ли появился какой-то mixt «старосоветского» и нового. Все настолько противоречиво, что ничего неясно: у нас рыночная экономика или превалирует государственное регулирование, мы свободны или нет, советские мы люди или какие-то другие, верим мы в Бога или нет, бедные мы или богатые и т.п.? Есть масса доказательств в пользу и одного, и другого.

Такая противоречивость, видимо, характерна для всех современных обществ. Дело лишь в масштабе противоречий.

Но наша проблема – в другом. Русская история, помимо всех своих известных традиций и закономерностей, даже «повторяемостей», обладает еще одним свойством – константой социального бытия, сохраняемой несмотря на все громадные изменения. На это, с моей точки зрения, обращается недостаточно внимания, хотя оно является очень важным для понимания некоей русской «энтелехии»: того, что можно назвать «русским» (по аналогии с немецким, французским, польским). Учет этого качества очень важен и для ответа на вопрос: что же у нас происходит?

В чем же заключается это качество? – Россия не решает своих ключевых вопросов (не находит решения, ключа), а изживает их.

Поясним то, что мы хотим сказать. Во второй половине XIX – начале XX в. главной проблемой России был «аграрный кризис». Страна не сумела его преодолеть, несмотря на героические, гигантские шаги и меры по его решению. Он был изжит. Образно говоря, произошло так: история пинком вышибла аграрный кризис из повестки дня и, сказав – «будет так», устроила всё на совершенно иной лад. Не община, хутора / отруба, – а колхоз / совхоз. Потом и последних не стало; общество вычеркнуло из «повестки дня» аграрную проблематику. Другие примеры. Ввели демократию, – не получилось; вводим управляемую демократию. Стали строить социализм – запутались в противоречиях. – Ну его! Будем строить капитализм. Это важнейшее русское качество, это – «русское».

Так почему же Россия не может решить своих главных социальных вопросов? Есть две важнейшие предпосылки.

1. У нас по сей день не произошел тот перелом в сознании, в ментальности, который давно уже «случился» в более «удачливых» христианских странах. Что имеется в виду? В Средние века и в раннем Новом времени в Европе сформировался современный тип сознания – абстрактное рациональное мышление. Естественно, что европейцы этих эпох его не придумали. Они завершили строительство этого здания, которое столетиями ваяли в рамках сначала греко-римской, а затем христианской традиции.

Вот элементарный пример того, в чем суть этого мышления. Когда мы говорим «стол», – это и конкретный стол, который стоит перед нами, и категория для обозначения всех возможных столов. То есть здесь фиксируются и единичность, и всеобщность.

А что из этого следует? – Не только прогресс науки с XVII в., когда был найден инструмент для изучения и описания мира. Новый взгляд на человека, гениально зафиксированный в живописи XVII в.: например, портрет астронома кисти Вермеера, хранящийся в Лувре, – это портрет конкретного чело-

века и всего человечества как некой сущности, некого социобиологического вида.

2. Эта трансформация сознания привела к изменению типа общества. Произошел переход, условно говоря, от традиционного социума к современному, в котором мы с вами живем. Что это означает? В основе нового типа сознания лежит принцип соединения «несоединимого»: единичности и всеобщности. Но, конечно, не случайно он появился в христианском мире: сама идея Троицы предполагает единство единичности и всеобщности – Бог обозначает и какую-то одну сущность, и три разные сущности. Что ни в какой мере не является противоречием.

Утверждение такого типа сознания предполагает обязательность альтернативно-целостного мышления. Целостность строится на принципе альтернативности; альтернативность есть обязательное следствие целостности. И вот какое общество возникло в результате этого и многого другого. – Оно целостно, поскольку хаос, анархия, смута, распад, которые ему постоянно угрожают, постоянно же преодолеваются. Во всяком случае, тенденция такова. Но целостность общества обязательно предполагает наличие относительно автономных сфер жизнедеятельности человека: политики, экономики, права, культуры, религии, эстетики и т.д. А также наличие различных социальных, профессиональных, конфессиональных и тому подобных групп.

И вот что самое важное: самостояние и целостность европейско-христианского человека необходимо включает в себя множество его идентичностей. И, повторим, именно это множество и обеспечивает целостность и устойчивость. Это означает, что один и тот же индивид одновременно сторонник той или иной политической партии, член той или иной экономической группы, того или иного религиозного объединения, сторонник одних или других жизненных идеалов. То есть человек представляет собою совокупность различных идентичностей, и ни одна из них не является определяющей. Определяющей является их неповторимо индивидуальная совокупность – у каждого своя.

Кстати, в этом коренное заблуждение марксизма, который полагал самой важной характеристикой индивида его отношение к собственности. (То, что было для западного марксизма заблуждением, для русских стало одной из важнейших причин трагедии XX столетия.) При этом человек как комбинация идентичностей в различных социальных сферах не является рабом раз и навсегда **этой** комбинации. – Она может меняться в ходе его жизни: переход в другую религиозную конфессию, обретение нового экономического статуса и социального положения. Но еще раз подчеркнем: именно плюральность (или плюрализм) обеспечивает единственность и единство, неповторимость человека, его устойчивость как общественного индивида – и, соответственно, устойчивость всего общества. Плюральность является залогом развития об-

щества, его движения, того, что оно не застывает в раз и навсегда «данных» ему формах. Общественное развитие предполагает постоянное перманентное изменение идентичностей в человеке и обществе, которое может происходить как в драматических революционных формах, так и в более мягких эволюционных.

Здесь мы подошли к главному для нашей темы вопросу. Человек в таком обществе обречен на постоянный выбор. Выбор – это ключевое слово для современной личности. Если хотя бы в одной из сфер своей жизнедеятельности она лишена права выбора, начинается разложение всего общества, а не только этой сферы. – Именно потому, что все общество построено на выборе.

Но обратим внимание: речь идет о выборе христианско-европейского типа. С одной стороны, это выбор в рамках той или иной сферы (религиозной, экономической, политической); с другой – выбор во все расширяющемся пространстве общества. Под расширяющимся пространством общества – и это тоже одно из качеств западного социума – имеется в виду не пространственное или количественное расширение (хотя возможно и это), а прежде всего расширение, так сказать, качественное – умножение его качеств.

Например, XX век последовательно привнес в общество новые важные для него сферы: открытие подсознания и бессознательного как одну из определяющих сфер, в которой во многом протекает жизнь людей; сферу взаимоотношения мужчины и женщины на основе равенства полов; электронную сферу, целый электронный мир, в котором человечество реализует себя (электронное правительство, электронный документооборот и т.д.) (кстати, ей предшествовало развитие вообще сферы СМИ); экономическую сферу и т.д. И во всех старых, традиционных и новых сферах человек стоит перед выбором.

При этом происходит усложнение индивида, поскольку увеличивается количество сфер, где он обязательно должен сделать выбор. И природа этого выбора так же очень сложна, как и природа самого общества. Во-первых, выбор постоянен. Во-вторых, он сам предполагает возможность смены предпочтений. В-третьих, выбор не может разрушить целостность ни конкретной сферы, ни всего общества. Выбор, ведущий за пределы данной сферы, данного общества, самоубийствен как для индивида, так и для всего общества. Именно поэтому в социуме существуют защитные механизмы различного типа – религиозные, культурные, правовые и т.д.

Вся эта сложность, повторим еще раз, связана с современным типом сознания. Вот пример: вопрос о собственности. Он относится как к правовым, так и к экономическим сферам жизнедеятельности общества. Европейская история знает различные виды собственности – частную, корпоративную, государственную или собственность на землю, средства производства, на недвижимость. В прошлом Запад знал собственность и на человека в форме

собственности на его тело, время и волю. XX век «придумал» смешанные формы собственности, интеллектуальную собственность и право собственности человека на свое тело. – Да, формы собственности разнообразны, человек имеет возможность выбора, но есть то, что объединяет разнообразие. Это, во-первых, всеобщий правовой характер; во-вторых, социальная ответственность всех форм собственности перед обществом как целым. Как только начинает разрушаться равновесие между плюрализмом и целостностью, запускаются в работу защитные механизмы общества. Скажем, экономическая история Великобритании и Франции XX столетия – это история сменяющих друг друга через определенные промежутки времени приватизаций и национализаций, каждая из которых была призвана вернуть равновесие различных форм собственности.

Скажем, типичный пример современного человека – герой кинофильма «Красотка», роль которого исполнил Р. Гир. Он постоянно покупал разорявшиеся компании, помогая их банкротству, а затем продавал их по частям и получал прибыль. То есть это человек, специальность, повседневность которого связана с постоянным выбором, который, однако, ограничен официально-правовыми внятными правилами игры (проходит только в их рамках) и принципом экономической эффективности. В случае нарушения правил деятельность этого человека станет невозможной и ненужной этому обществу. Далее, его выбор «связан» культурными и этическими нормами, господствующими в этом обществе. Условно говоря, экстремизм выбора человека купируется здоровым консерватизмом окружающей его среды, коллективным бессознательным этой среды, блокирующими излишество и чрезмерность того или иного выбора.

То же самое в других социальных сферах. Человек владеет своим телом, т.е. физическим здоровьем, психикой и т.д. Но если какие-то группы выбирают алкоголизм и наркотики, общество в тот же час начинает борьбу с выбором в «пользу» саморазрушения.

Или тема религиозности, конфессиональности и свободы совести. Человек может быть убежденным католиком, потом в силу каких-то причин стать атеистом. Но он все равно останется в пространстве религиозно-христианского выбора и в пространстве культуры, т.е. в поле действия христианско-католического понимания того, что есть добро и зло, что можно и чего нельзя. Более того, человек, оставаясь католиком, может перестать быть ревностным прихожанином, сохранив некоторые основы католической веры, но резко отдалиться от церкви.

Какой же из всего этого вывод может извлечь отечественная наука? Какой методологический подход «вычитывается» из этого полагания? Отвечу коротко: **поссибилитистский** (от английского «possibility» – возможность) **подход**. Далее раскрою в чем, на мой взгляд, его суть. При этом придется

повторить ряд положений из приведенного суждения. Этот повтор необходим не для заучивания, а для усиления контекста.

Советско-русский марксизм-ленинизм, по-прежнему имеющий неплохие позиции в нашей науке, утверждает: место человека в обществе определяется его классовым происхождением и положением. Ты – пролетарий, ты – буржуй, etc. Всё, на этом точка. Тебя – на руководящую работу, тебя – к стенке. Индивид обладает одной идентичностью (если даже допускались еще какие-то, то как третьестепенные, несерьезные, неважные), и она детерминирует твою судьбу. Классовая принадлежность – эта идентичность была пришпилена к человеку намертво, что оказалось похуже античного рабства, средневекового крепостного права, североамериканского рабовладения. Она была безвыходной, безвыборной.

Но возможен и принципиально иной подход: Именно: **возможен**, поскольку он **возможностный**. Причем в двух смыслах. **Первое**. Предполагает у субъекта несколько идентичностей (мы уже обсуждали это). К примеру: житель ЕС, француз, католик, предприниматель, мужчина, член такой-то партии, член Общества по охране окружающей среды, etc. В **каждом отдельном случае** этот человек может **выбирать** себе преобладающую идентичность. И главное здесь – сам **факт выбора**. Свобода выбора есть **онтологическое качество** человека. При этом следует помнить: выбор всегда ограничен. Это то, что является непреодолимым барьером для социальной энтропии (и это обсуждалось нами). Хотя, конечно, история знает примеры преодоления этого барьера. Как правило, выход за пределы, скажем мягко и нейтрально, культуры есть суицид индивида и(или) социума. Христианство является нагляднейшей «демонстрацией» и онтологичности свободы выбора, и гибельности отказа от этой свободы, и самоубийственности, игнорирования «барьеров», «рамок» etc. **Второе.** Возможностный подход означает **принципиальную необходимость** различных, с разных позиций, теоретических описаний исследуемого предмета. Почему? – Здесь несколько «резонов». Сначала отвечу околично. Вспомним уравнение Шрёдингера и его принцип дополнительности, квантовую физику, теорию относительности Эйнштейна, построения И. Пригожина, концепцию лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Вспомним, что писал в своем послевоенном дневнике сумрачный германский гений Карл Шмит: «Квантовая физика… родилась… из понятий неокантианства» (11.01.1948); «Сегодня каждый физик знает (раньше это было ясно только хорошим теоретикам познания), что наблюдаемый объект меняется в процессе наблюдения над ним» (03.12.1947). Ну и так далее.

Теперь без околичностей и совсем просто. Попытки понять исходя из различных теоретических оснований, под различным углом зрения дают **сте-**

реоскопические видения предмета изучения[9]. Этот предмет, как бы искупавшись в различных водах, предстает и таким, и этаким.

Главное же: возможностный подход создает возможность выбора, обеспечивает свободу выбора идентичности. Пример: бесконечный и бесплодный (в **определенном** ракурсе) спор о том, есть ли Россия часть Европы (отсталая, особая) или самостоятельная цивилизация. Эта дискуссия измотала, обескровила русскую мысль (одновременно – это ее фирменный знак, ее блеск и завораживающие прозрения). Возможностная позиция переводит спор в иную плоскость. **Можно выбирать**: европейскую идентичность и русскую идентичность. Заметим: «и» (а не «или»). За нами и Россией свобода выбора. Чем она хочет быть или стать, чем является и чем нет. При этом повторю, возможно «и». То есть – открываем карты – свобода выбора идентичностей и есть важнейшая из идентичностей, и есть онтология историософии, самопознания.

Еще раз: Россия («мы») может выбирать. В этом – главное. У меня есть статья – «Россия: между Европой и Евразией». Странное, казалось бы, название. Неужто автор полагает, что между Европой и Евразией имеется какое-то «место», «положение» – географическое (пространственное), смысловое, социоисторическое, культурное etc? Во-первых, да. Как раз сегодня, да. Как только Россия сократится до Урала (тенденция просматривается явственно), Сибирь и Дальний Восток перестанут быть евразийскими. Они станут североазиатскими. Мы вновь сосредоточимся на Русской равнине. Мы окажемся между Европой (куда войдут и Украина, и Белоруссия) и бывшим Востоком Евразии, наступающей Северной Азией и наличной Средней Азией. И наш путь будет отличаться и от тех, и от других, и от третьих.

Во-вторых, у России всегда есть выбор ориентации: на Европу или на евразийский путь. В-третьих, России вообще как будто нет. Она и не Европа, и не Евразия, а поскольку те «стоят», плотно прижавшись друг к другу, то ей и места нет. В-четвертых… в-пятых…

Понятно, что все это игры ума. Но «поиграв» так, мы неожиданно видим, открываем для себя новые возможности не только для нового знания о России (а это есть задача науки), но для ее самоопределения, самоидентификации.

И последнее относительно уточнения наших методологических подходов.

Не только в науке, но и в «повседневном» сознании людей господствует убеждение: везде и всегда человек в общем-то равен самому себе. Он рождается, развивается, стареет, умирает. Он подвержен болезням, страхам, надеж-

*9. Крайне важна тема: «предмет изучения». **Что** анализируем. Но об этом в следующий раз.*

дам. Он хочет есть, пить, получать удовольствие, реализовывать половые потребности: он продолжает род и т.д. Так ли это? – Конечно, так. Несмотря на все громадное различие исторических, цивилизационных и прочих типов человека, последний всегда был и остается просто человеком. Это, так сказать, первый уровень понимания. Из него делается вывод, согласно которому социальная жизнь в общем и целом тоже одинакова. То есть существуют исторические, цивилизационные и прочие разновидности этого порядка. Повторю: разновидности **одного порядка**. Именно это дает возможность строить **общую** для всех эпох и народов **социальную науку** (теорию).

Однако имеется и второй уровень понимания человека – культурный, культурологический. Он исходит из того, что «человек культурный» не есть разновидность некоего одного «человека культурного». Напротив, существуют разные «человеки культурные». С разным отношением к жизни, смерти, Богу, еде, природе, «сексу», власти, производительному труду, эстетике, этике, «деньгам» и т.д. И здесь общая для всех социальная теория не годится. Для каждого «человека культурного» нужна **своя социальная теория**. А затем и своя социальная инженерия.

Все это мысли небогатые, тривиальные. Однако, боюсь, наша история и социальная практика стали заложниками ментального «misunderstanding». Вот пример: М.С. Горбачёв говорил: Н.С. Хрущёв сделал ошибку. – Он пытался проводить экономические реформы, не трогая «политику». Мы же начнем с «политики» («демократизации»). – Обоим история сделала «укорот». Оба (точнее: их советники, идеологи, теоретики) не знали русского «человека культурного» и русскую культуру. Так, они не догадывались, что в рамках русской системы «политика» не отделена от «экономики». Что существует некая социальная целостность, куда они, и не только они, входят. И реформировать порядок можно исходя из **этого знания** об этой русской **эссенции**.

В.А. Ковалёв

НОРМАЛЬНЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ (К вопросу об идеологии демократического государства в России)

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского госуниверситета.

Национализм и национальное государство как альтернативы экстремизму, приватизации власти и распаду

После событий 2010 г. – драматического выступления «приморских партизан», отчаянного бунта русской молодежи на Манежной и других подобных столкновений – стало ясно, что «русский вопрос», проблему русского национализма не удастся и дальше замалчивать и маргинализировать, как в официальном, так и научном дискурсе.

Проблема, на которую в «мейнстриме» ведущихся дискуссий и публикаций было фактически наложено табу, прорывается на поверхность и дает о себе знать в комментариях, порой в самых неожиданных местах. Так, к примеру, суперлиберальная и, мягко говоря, не отличающаяся симпатиями по отношению к русскому движению «Новая газета» недавно напечатала обзор известного политтехнолога, где тот размышляет об альтернативах и будущем России. Наряду с весьма вероятным распадом или попыткой возрождения Империи вариантом развития событий выступает НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: «В России его никогда не было. Но это не значит, что оно невозможно. Просто русские – это спящая идентичность. Национализм в России еще не победил только потому, что час его еще не пробил. Слова про “угрозу национализма” звучат забавно. Поскольку национализм, возможно, – это не угроза, а панацея. Во всяком случае, очень сложно добиваться в России демократии и подступаться к модернизации, отрекшись от национализма. Который, собственно, и предполагает формирование нации как сообщества политически равных, социально солидарных людей, принадлежащих к одной культуре. Только новый русский национализм может поменять извечную па-

радигму нашего политического мышления и превратить “власть от Бога” (неизбежное условие империи) во “власть от народа”. Также ясно, что национальное государство, если оно возникнет, будет построено преимущественно руками националистов. В современном европейском смысле этого слова.

Правда, новому национальному государству придется частично дезавуировать свое правопреемство по отношению к Империи, главной функцией которой всегда было беспощадное высасывание соков из собственного порабощенного (оккупированного) народа» (1, с. 8–9).

В таком политическом проекте нет ничего нового (кроме места публикации подобных взглядов). Многие, включая автора этих строк, и раньше утверждали, что России давно следовало освободиться от бремени имперской ноши и трансформироваться в национальное государство с демократическим и федеративным устройством, которое позволит при благоприятном стечении обстоятельств освободиться от привычки верхов к «приватизации власти», «властесобственности» и т.п. Ни советский, ни постсоветский опыт так и не привел к успешной трансформации империи в государство *современное.* По сути, политические отношения в нашей стране сохраняются в глубоко архаичной, неопатримониальной, «феодальной» форме (недаром ельцинский федерализм многие сравнивали с неофеодализмом, говорили о «региональных баронах» и т.д.). По нашему убеждению, современное, так называемое *национальное государство* (Nation-State, l'Etat-Nation) невозможно создать без национализма. Конечно, учитывая огромные размеры, контрасты, сложности и противоречия нашей страны во всех буквально областях, российское национальное государство должно принять форму федерации. Но отечественный федерализм обречен оставаться пародией на свое предыдущее, неоимперское воплощение («путинский» по отношению к советскому и т.д.), до тех пор, пока население страны через механизмы современной демократии не обретет возможностей реального контроля за своими элитами, не станет политической нацией. А нации – как справедливо считал, например, Э. Геллнер – создаются национализмом (2). Каким же может быть в России такой – созидающий политическую нацию и современное государство национализм? Только русским. Я здесь полностью солидаризируюсь с тем выводом, к которому пришли Татьяна и Валерий Соловей: «Русские – единственный народ страны, массово отождествляющий себя *со всем ее пространством* (курсив мой. – *В.К.*) и считающий себя за нее ответственным. Россия и русские – тождество, одно невозможно без другого. Теоретически Россия может существовать без любого из населяющих ее народов. Хотя наша этническая и культурная палитра при этом обеднеет, но Россия сохранится. Ослабнут русские – исчезнет Россия. Пора признать и принять очевидное: Россия может быть только государством русского народа или ее вообще не будет как государства. Это не значит враждебности такового государства к другим живущим в нем народам

или их дискриминации в пользу русских. Фундаментальные интересы русского народа и других этнических групп России не противоречат друг другу и совпадают» (14, с. 428). Однако проявление этих фундаментальных интересов невозможно без демократии. Помимо опоры на русский народ и формирования новой российской идентичности, Россия сможет сохраниться как жизнеспособное государство также путем вывода национального вопроса, проблемы многонациональности из сферы политики в область культуры (всяческой поддержки национально-культурных автономий), а также развития местного самоуправления – «самой близкой народу власти». Полагаю, что все же в будущем сохранится возможность возвращения к практике свободных выборов, которое призвано будет укрепить страну, сделать ее политическую систему более гибкой и страховать от распада в случае того или иного катаклизма (социального, экономического, экологического и т.д.) (4, с. 116–117).

Но без соответствующей идеологии, в данном случае – демократически ориентированного русского национализма ничего этого не получится и политические реформы, политическая модернизация опять сорвутся и / или будут симулироваться.

Понимание национализма и невозможность его однозначных трактовок

Национализм здесь понимается как *основанная на позитивных чувствах к своей нации идеология, побуждающая к политическому действию в национальных интересах*. Хочу сразу объяснить, что речь идет не о строгой научной дефиниции, а именно о *понимании,* точке зрения, подходе к явлению именно с данной стороны. Конечно, можно отдавать себе отчет, что такое понимание страдает серьезной неполнотой. Можно, скажем, добавить такие признаки национализма как утверждение национальной идентичности выше всех других и стремление к созданию (сохранению) государства-нации, совпадению этнокультурных и государственных границ, выдвижение нации как главного объекта лояльности и основания легитимности и т.д.

Определения национализма могут быть и другими, их десятки. Но при этом к самой возможности дать исчерпывающее и устраивающее большинство определение национализма я отношусь с предельным скептицизмом. Не существует общепризнанных истин о национализме, их просто не может быть в силу природы рассматриваемого явления.

Однако такая позиция не является каким-то оправданием сплошного произвола, чистым релятивизмом и т.д. При множестве подходов к феномену национализма довольно легко разделить их на две большие группы. Первая определяет национализм как нечто объективное, возникающее в тот или иной

исторический период, связанное с определенными процессами (модернизацией, появлением национальных государств, становлением современных наций и т.д.) и поэтому неизбежное в современном мире. Такие определения нейтральны в политическом, социальном и моральном отношении и потому имеют больше оснований считаться научными. Вторая группа подходов к национализму ставит цель стигматизировать это явление, связать его непременно с ксенофобией, насилием, пренебрежительным высокомерием по отношению к людям других национальностей и т.п., таким образом заклеймив национализм как нечто постыдное и недостойное нормального и цивилизованного человека. Понятно, что такое отношение к национализму проистекает чаще всего из определенных политических целей и за ними просматриваются интересы ожесточенной экономической и политической конкуренции, задачи завоевания и утверждения господства. (Могут быть и промежуточные варианты, допустим, на определенном этапе национализм воспринимается как прогрессивный, а потом он превращается в реакционный; национализм одних народов трактуется как «плохой», а других – как «хороший».)

Однако специфичными для российской ситуации являются случаи, когда за рубежом для различных проявлений и этапов развития национализма предлагаются довольно адекватные и научно выверенные оценки, зато, когда речь идет о национализме *русском* – то оценки приобретают негативный и нередко идеологически ангажированный, русофобский характер. Таких случаев, к сожалению, не счесть.

Вот, к примеру, один из авторов выпускает грамотное и теоретически обоснованное учебное пособие, посвященное национализму (8). Но когда он же пишет исследование о современном русском национализме, то не только не находит в нем ничего положительного, но и включает в объект своего рассмотрения кого угодно – от коммунистов до чиновников, от Чубайса (!) (с идеей «либеральной империи») до державников, евразийцев и т.п. Однако собственно националисты там практически не представлены.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Двойные стандарты характерны не только для «ученых», выступающих в роли «правозащитников», они стали нормой для официальных лиц и работников правоохранительных органов. И эта традиция имеет давние истоки. Так называемые «правозащитники», совсем в духе советского (антирусского) интернационализма говорили о страданиях других народов – от чеченских бандитов до прибалтийских нацистов, но в упор не замечали ущемления прав и издевательств, которые прокатились по бывшим «братским» республикам по отношению к русскому населению (11). Преступление есть преступление, и преступники должны быть наказаны вне зависимости от национальности. В современной РФ это далеко не так (12). Вспомним, что причиной выступлений 11 декабря 2010 г. (которые были заклеймены как «экстремистско-

фашистские») стало циничное прощение убийц русского парня. А ведь сколько еще можно назвать подобных случаев. Как написал по этому поводу Всеволод Емелин (которого за это хотели привлечь к уголовной ответственности):

«Вот русский лежит с простреленной головой. / С его стороны конфликт был национальный, / С противоположной стороны – бытовой».

Мы можем с полным основанием говорить, что одной из причин такого безобразия является ангажированная позиция ряда «ученых» и общественников с их двойными стандартами и отказом от объективного рассмотрения существующих проблем. Так, на тему русского национализма в этой среде наложено табу; для ряда чиновников, общественников, обществоведов ее оценка априори может быть только негативной. Представители этой точки зрения в России изрядно преуспели; добрая половина россиян воспринимает национализм именно в отрицательном значении, и лишь меньшинство понимает его нейтрально. К ужасу общественности все большую популярность приобретает третий вариант: вы приписываете нам набор отрицательных свойств, вы осуждаете наш национализм, но мы и будем такими назло вам. И здесь уже не до точности словоупотребления! В стране, избавившей мир от фашизма, журналисты, правозащитники, политики определенного толка, так долго и упорно заклинали призрак «русского фашизма», что он со временем и стал приобретать все более и более явственные черты. Одновременно слово «фашизм» становилось все более и более бессодержательным (попытка ученых однозначно его определить не увенчалась успехом) и превратилось просто в ярлык для политических противников. При этом действительно опасные черты фашистской (нацистской) идеологии и исторической практики получили популярность, окрасились в привлекательные цвета для части молодого и не очень молодого населения.

Схожая судьба была и у национализма. В устах многих представителей политических и культурных элит слово «националист» стало чем-то вроде дворовой «обзывалки». Чаще всего это относилось именно к национализму русских. Было очень модно наделять именно русский национализм самыми плохими, отвратительными свойствами, обличать его направо и налево; и обвинение в «интолерантности» было не самым сильным.

Разумеется, национализм, в том числе и русский национализм, может *быть и таким:* неполиткорректным, шовинистическим, ксенофобским и каким угодно еще. Или – его *могут сделать таким*, запечатлев в этом образе, стремясь запереть навечно в подобном амплуа.

Но, как и любая идеология, тем более метаидеология, национализм с неизбежностью трансформируется от эпохи к эпохе, от страны к стране и бывает очень разным. Мы исходим из того, что национализм в современном мире, в современную эпоху глобализации (хотя бы как реакция на нее), при

нынешнем типе общества совершенно неизбежен, вопрос в том, *каким* он будет. Нас интересует здесь в первую очередь судьба именно русского национализма.

«Забыть о нации», или этнологи как патологоанатомы

Но прежде чем рассуждать на эту тему, необходимо сделать еще несколько предварительных замечаний. Сама тема является столь многогранной и дискуссионной, что по многим пунктам можно застрять в бесконечных спорах. Например, попробуйте объяснить: что такое нация? какова ее природа? как соотносятся понятия «нация» и «этнос»? и т.д. Ученые давно и ожесточенно спорят по этим вопросам и будут спорить, кажется, бесконечно. Дискуссии эти отнюдь не бесплодны, но, на наш взгляд, и в понимании нации не может быть достигнуто однозначной трактовки; невозможна окончательная победа «примордиализма» или «конструктивизма», «эссенциализма» или «номинализма» – и какие бы там еще новые термины ни придумывались для обозначения исследовательских размежеваний, однозначной ясности это не добавит.

Необходимо признать, что ни одна точка зрения здесь не может претендовать на монополию, но их нельзя игнорировать. В различных ситуациях тот или иной подход может быть более плодотворным и полезным, однако в изучении других сторон явления он проявляет свои слабости. Дискуссия заставляет уточнять позиции, оттачивать аргументы, в споре вновь и вновь должна рождаться истина. Вот вроде бы примордиализм стал совсем немодным, и представления о том, что нации «конструируются» стало очень популярным в научном сообществе, но вдруг и изнутри, и извне научной среды эту точку зрения атакуют ставшие вновь популярными расологические изыскания[1] – своего рода крайняя форма «примордиализма». Можно, конечно, объявить их ненаучными, но это лишь доказывает, что строгой научности нет и в других позициях, исследователи, их разделяющие, также злоупотребляют политическими и этическими аргументами. Но – одно дело дискуссия в научном поле, а совсем другое, когда вдохновляясь не вполне или вовсе не доказанными в теории положениями появляются «эксперты», выносящие не вполне корректные или совершенно некорректные заключения, на основании которых людей осуждают на вполне реальные тюремные сроки. Нередко под видом научных и правозащитных центров в России существуют, по сути, центры организации ненависти и клеветы по отношению к «этой стране» и ее населению. Это – уже совсем другие сюжеты, которые, к несчастью, присутствуют в нашей жизни.

1. См: http://www.velesova-sloboda.org/

Скептицизм относительно строго научной трактовки национальных отношений, национальных проблем, национализма и так далее проистекает не только из понимания колоссальной сложности изучаемых явлений, но и из того факта, что строго рационально объяснить все это нельзя в принципе. Напомню, что в моем понимании национализм связан в первую очередь с «позитивными чувствами». Без чувств, без эмоций, никакой национализм невозможен, и на его трактовку они оказывают самое непосредственное воздействие. Ведь и политики, и ученые – это тоже живые люди со своими страстями, воспоминаниями, жизненным опытом. Конечно, здесь сильно упрощается исследовательская проблема, но не учесть чувственного восприятия мира, своей страны, «своего» и «чужого» нельзя. Рискнем привести аналогию. Возможны ли споры о религии? Разумеется, да – они сопровождают всю историю человечества. Но позиция человека, в душе которого живет искренняя вера в Бога, никогда не будет такой, как у того, кто к религии равнодушен. С национальными чувствами происходит то же самое: у кого-то они сильны, а у кого-то слабы или почти не проявляются. При этом человек верующий или национально ориентированный может относиться к другим с недоумением или жалостью, как к своего рода «лишенцам», которые обделены в жизни чем-то очень важным. Но какова будет позиция другой стороны: атеистов или интернационалистов – терпимость, скептицизм, равнодушие или стремление к агрессивному отношению к другим? Часто в нашей практике преобладала последняя из стратегий. С воинствующим атеизмом вроде покончено, но борьба с «национализмами» продолжается и, как это ни странно, речь опять идет о чувствах большинства населяющего Россию народа.

Таким образом, на исследовательскую стратегию отношение к анализируемому объекту оказывает самое непосредственное влияние. В общем, научный анализ требует некоего аналитического «скальпеля». Но аналитик будет уподобляться либо хирургу, который выполняет сложную операцию с целью излечения больного (которое, конечно, невозможно, без адекватного диагноза), либо патологоанатому, которому для удовлетворения своего любопытства гораздо удобнее иметь дело с трупом. Похоже, что русские национальные интересы (политические, экономические, социальные, культурные) становятся объектом именно таких «экспертов-паталогоанатомов» – для них они досадная помеха.

От того с каким чувством исследователи подходят к изучению нации и национализма, зависят и те приемы, к которым они прибегают.

Неполнота научного подхода к национализму – это неизбежный факт.

Говоря об описаниях русского национализма, необходимо высказать ряд претензий к потоку публикаций, которые претендуют на статус научной объективности, но по существу не соответствуют ее критериям.

Во-первых, отметим популярную, но совершенно не научную позицию двойных стандартов, когда русский национализм искусственно выделяется как нечто уникальное и априори плохое. Без сравнительного анализа его с аналогичными явлениями у других наций и в других странах в схожих случаях патологий, социально-опасных черт, как чего-то присущего только и или в первую очередь именно русскому национализму (исторически или даже генетически запрограммированному). И автор, который вроде бы является вполне грамотным специалистом, знает и теорию, и практику национальных отношений, *вдруг* в случае с Россией зацикливается на понятиях «язык вражды», «обаяние расизма», «русский фашизм» и т.п.

Во-вторых, язык описаний неадекватен изучаемому явлению. Даже если оставить стремление отечественных гуманитарием «ботать по постмодернистской фене», подражая очередному новомодному автору, часто язык их работ откровенно заимствован из зарубежного, инокультурного контекста, что приводит к откровенным концептуальным натяжкам. Причины этого могут лежать в стороне от чисто научных проблем. Связано это может быть с «грантовой зависимостью», стремлением угодить вкусам грантодателя и т.д. Мы не имеем, к сожалению, прочно институционализированного социогуманитарного знания еще во многих областях. Похоже нынешняя власть в таких исследованиях не очень и заинтересована, и часто «низкопоклонство перед Западом» проистекает от банальной материальной зависимости от него – тут уж научные поиски истины строго лимитированы установками заказчика. (Перефразируем известное: кто не хочет заботиться о своей национальной науке – будет заботиться о чужой.)

В-третьих, объект вырывается из контекста: исторического, экономического, социокультурного, и / или эти же внешние зависимости трактуются в крайне упрощенном виде. Это упрощение видно, скажем, на примере бесчисленных комментариев к спору западников и славянофилов. Так, часто обращают внимание, с одной стороны, на то, что подобные дискуссии были характерны и для многих других стран, особенно с запаздывающей модернизацией, с другой – на беспрецедентную длительность этих споров, когда в современных словопрениях повторяются аргументы сторон прошлого и позапрошлого столетий. Не является ли более вероятным предположение, что этот кажущийся бесконечным спор связан с тем, что русский национализм никак не может добиться политической победы, самоутвердиться в виде русского национального государства? Чтобы было понятнее, сравним ситуацию с положением подростка, который влюбляется в кинозвезд, но никак не может повзрослеть, чтобы завоевать симпатии своих сверстниц. И сколько уже поколений «русских мальчиков» ведут бесконечные дискуссии, мечтают о соединении национального с политическим, и вынуждены как бы стыдиться этого, прятаться, потому что их со всех сторон убеждают в патологичности

их желаний, по существу, политически вполне оправданных, «естественных» с точки зрения представления интересов огромной этнической группы. Ну а то, что русский национализм приобретает порой патологические формы – не является ли следствием такого политического «воздержания»?

Можно сказать и больше. Очень многие явления в прошлом и настоящем России, которые вроде бы прямо относятся к области политического, невозможно в наличествующих обстоятельствах адекватно объяснить в политических терминах. Так, например, в конкуренции политических партий нет никакой собственно партийной политики, а присутствует лишь пиар маскировка; словеса о государственном и национальном интересе маскируют криминальные коррупционные устремления и т.д. и т.п. В российском случае подобные «обманки» есть и у государства, и у общества, и «вверху», и «внизу». Национализм – это, безусловно, политическая идеология, но при отсутствии нормальных каналов ее политического выражения, она выходит далеко за пределы не просто нормальной, демократической политики, но и просто цивилизованного человеческого поведения. Или же откровенный криминал использует «национализм» в своих целях.

Резюмирую: если русский национализм исторически, объективно *неизбежен*, то пусть тогда будет *нормальным*. Русским людям нужно бороться за *нормальный русский национализм*.

Патриотизм, интернационализм и национализм

Национализм в некоторых случаях трактуют как реакцию на неудачную модернизацию. А ведь нужно рассматривать национализм как важнейший ресурс модернизации, залог ее успеха. Где взять, как иначе пробудить духовную энергию народа для очередного модернизационного рывка, крайне необходимого уже не просто для развития, но и для выживания России? Ситуация сейчас кажется в некоторых отношениях хуже, чем в годы войны. Но как бы воевали наши деды, если бы вместо лозунгов защиты Отечества им предлагались коминтерновские тезисы? А вместо Суворова и Кутузова продолжали славить Розу Люксембург!?

Многих ли сейчас убеждает призрак неких общечеловеческих ценностей, особенно после того, как эти ценности были изрядно скомпрометированы? Повторимся: национализм может быть опасным, но и АЭС, скажем, тоже опасна, однако, попробуй откажись от атомной энергетики. Следует сознавать опасности национализма и в то же время использовать его мобилизационный потенциал.

Однако возникает вопрос, а стоит ли так настойчиво стремиться к использованию понятия «национализм», коль уж за ним неустанными усилиями его противников закрепился ряд негативных коннотаций? Пусть национализм

будет «плохим», а вот «патриотизм» – хорошим. Мол, между патриотизмом и национализмам нет принципиальной разницы, как и между «разведчиками» и «шпионами», чувствуются только смысловые оттенки. Разница есть и принципиальная, особенно в том случае, если государство не стало государством-нацией, не достигло современного («модернового») состояния и его действия зачастую противоречат интересам большинства населения. Как в России. Патриотизм чаще всего требует лояльности и даже преданности существующему государству (со всем его аппаратом управления, принуждения и т.д.); национализм же будет настаивать на трансформации государства *в национальных интересах.* Для националиста первичны народ, нация, а патриот-государственник, ведомый этатизмом, оправдывает зачастую преступления, совершенные своим государством (наши «сталинисты» – нагляднейший пример).

Как можно не замечать принципиальной разницы между национализмом в России и национализмом в западных странах?! На Западе национализм как идеология и политическая практика формирует так называемое «национальное государство» и связан с ним теснейшим образом. Такой национализм могут позволить себе только сильные государства или страны, которые хотят стать сильными. (А вот если на «эту страну» махнули рукой, тогда национализм является помехой для ее окончательной утилизации.)

Для успешной конкуренции на международной арене, что немыслимо без внутреннего развития, нужен национализм как господствующая политическая идеология, хотя пусть он господствует не в одиночку, а в тандеме, скажем, с либерализмом. Но в России нет соответствующей политической практики, и, следовательно, даже в русском языке нет адекватного аналога этому понятию. Важно именно *словоупотребление* и связанные с ними коннотации – негативные или позитивные, все зависит от мировоззрения. Западный национализм (неважно, в данном случае, этнический или культурный) связан с нацией-государством как чем-то единым. У нас же государство и нация разведены по разным углам «ринга», по сути, свидетельствуют о продолжающейся гражданской войне «двух наций» (в смысле афоризма Дизраэли). «Патриотизм по-русски» обращен прежде всего к государству и имеет в качестве синонимов слова, которые принято писать с заглавной буквы: Родина, Отечество, Отчизна. «Национализм» же вызывает у государства немалые подозрения, как то, что может государству противостоять, оппонировать антинародной политике, проводимой тем или иным воплощением государственной бюрократии. Особенно, если речь идет о русском национализме, который, в отличие от немцев, французов и прочих англичан с американцами, так и не поднялся до воплощения в своем государстве. Разве сейчас зачисление в разряд «экстремистов» несогласных с политикой режима – это не доказательство того, что «национализм» и «патриотизм» по-русски означают весьма разные

вещи, особенно если говорить о *патриотизме* не по отношению к стране «Россия», а по отношению к власти государства «Российская Федерация».

Почему эта проблема возникла и продолжает существовать именно в связи с положением русских в России? Здесь нет никакой специфической связи с национальным характером, тем более что устойчивые черты этого национального характера никем строго не определены, они постоянно трансформируются. Дело скорее в не преодоленном до сих пор наследии Российской империи, а затем Советского Союза, где великороссы несли основное бремя империи, но при этом жили хуже многих других. Примечательно, что большинство русских на закате существования Союза горевали об утрате советской идентичности, а потом уже о «российской» или русской: в национальных же республиках все было наоборот.

Вторая мировая война показала, что даже, развязавшее ее немецкое руководство, не говоря уже о западных державах, относилось к своим солдатам несравненно более бережно, чем советское военное командование и политическое руководство к русскому (в основном) «пушечному мясу». Русские заплатили за свой героизм миллионами невосполнимых жертв, быть может, лучшей частью своего народа! И опять мы видим попытки определенных идеологов мифологизировать прошлое: на одну чашу весов кладется сталинский тост «за здоровье русского народа», а на другую миллионы жертв сталинского режима – и «Сталин» перевешивает! Многие сегодняшние наши проблемы связаны именно с катастрофической нехваткой талантливых, умных, совестливых, *хороших* людей, истребленных в ходе противоестественного отбора, принесенных в жертву тому отвратительному Молоху, которому поклоняются наши «державники». Самоубийственное самоослепление.

Отметим и то, что национализм успешно противостоял коммунистическому интернационализму на протяжении прошлого столетия, и он же в конце концов победил этот интернационализм. Именно национализм позволил странам Центральной и Восточной Европы и бывшим советским республикам сравнительно быстро освободиться от навязанного им социалистического эксперимента и утвердить свой суверенитет, а ряду из них и совершить более или менее успешный транзит к демократическому режиму.

У нас положение усугубляется тем, что русский национализм и ныне, как и раньше, серьезно болен.

Болезни русского национализма

Основные из них связаны с ситуацией политической неоформленности национальных интересов, несформированности нации-государства в России, да и, не в последнюю очередь, с политическими препятствиями для формирования русской политической нации (как основы для российской граждан-

ской идентичности) из русского и других «народов», т.е. этносов в России. Русский национализм страдает как от политического бессилия, так и маргинализации в поле культуры.

Большой проблемой явилась и подмена национализма этатизмом, державническим патриотизмом. Принципиальной ошибкой русских националистов советского (да и досоветского), а теперь уже и постсоветского периода является упование на союз с властью, которая опять-таки не могла в силу своей коммунистической (имперской, олигархической) природы взяться за широкое отстаивание русских этнических интересов, не разрушая тем самым диктаторское государство, в самом названии которого не было никакого намека на народ, проживающий на территории одной шестой части суши. Националисты в партии и вне ее, печатавшиеся в журналах типа «Нашего современника», «Москвы», Молодой гвардии», «Кубани» и т.п. в годы памятной полемики эпохи гласности откровенно путали борьбу за «Великое русское дело» со схватками за литераторский паек, доступ в высокие кабинеты и прочие привилегии. Отсюда узколобость и кружковщина, непримиримость к носителям иной точки зрения и *антидемократизм*.

Есть еще одно заблуждение. Некое, по сути глубоко антинациональное, течение в политике и культуре у нас по недоразумению относят к «русскому национализму», часто с эпитетом «радикальный». Речь идет о «державниках», «имперцах» и т.п. Хороши же «русские националисты», готовые принести русскую нацию на алтарь нового глобального проекта, только бы он был антизападным.

Но «критики русского национализма» без обиняков записывают в ряды «националистов» М. Леонтьева, А. Дугина, А. Проханова, авторов газеты «Завтра», других «имперцев-державников» и критикуют их[2] как представителей национального направления (10). На телеканалах в условиях жесточайшей цензуры эти же деятели также постоянно выступают в роли «националистов». Нелепей ситуации не придумаешь.

Но уже не только нелепость, но и нечто более зловещее просматривается в попытках одних выискивать следы «жидомасонского заговора», а других – неустанно обличать «русский фашизм». В итоге – копящийся потенциал ненависти, вспышки насилия и увлеченность части адептов национализма всякого рода экзотическими, контрпродуктивными с точки зрения перспектив политического успеха, идеями.

Да, русский национализм сейчас глубоко болен. Если в нем возобладает «скинское» направление, это будет страшно. Впрочем, и «скины» победы не добьются, их используют и уничтожат по типу «коричневых», штурмовиков.

2. Наш разбор одной такой попытки см.: (5).

Но без национализма у нации не будет энергии для рывка, для возрождения, для модернизации, ее одолеет «малокровие». Вариантов по большому счету два: либо острый катаклизм, из которого можно и не выбраться живыми, либо тихая, без сопротивления смерть за несколько более длительный срок.

Какими, в принципе, могут быть идеологический окрас и движущие силы новых революционных выступлений? Здесь власть совершенно права, не видя для режима опасности в потерявших политическую энергию коммунистах и связывая основную угрозу для себя с русским национализмом. Собственно, такой ловкий демагог и манипулятор как В. Жириновский уже использовал эту тему на недавних выборах, выбросив провокационный лозунг «мы за русских, мы за бедных». К сожалению, отождествление русских с бедными в современной РФ имеет под собой слишком много оснований. Как справедливо утверждает В. Соловей: «Русские составляют социально подавленное и этнически ущемленное *большинство* (курсив мой. – *В.К.*) страны, социальное и национальное измерения в данном случае совпадают» (13, с. 282).

Но при этом в отсутствии работающих правовых и демократических механизмов разрешения противоречий в России (а везде и всегда есть *различные* интересы!), вне регулярно проводимых альтернативных и честных выборов, энергия несогласия и протеста может быть канализирована в экстремистское русло. Есть и подходящий «образ будущего». Дело в том, что в российской истории оказывается пока не реализованным сценарий правой диктатуры (условно говоря, «вариант генерала Корнилова»). В глазах немалого числа соотечественников этот сценарий может показаться привлекательным, особенно в связи с растущим хаосом, стремительно вытесняющим «гламурный стабилизец» путинского образца. В этом случае не будет дефицита в идеологических разработках, обосновывающих установление именно такого порядка. Но это тоже лишь очередной тупик, особенно если диктатуре захочется «восстанавливать империю».

Вариант пассивного смирения со своей судьбой дает лишь выигрыш во времени. Но как использовать эту отсрочку? Тем более во внешней среде, которая будет становиться по отношению к нам все более агрессивной, а ситуация внутри все более безотрадной (6).

Демократия как условие нормального национализма, национализм как опора демократии

Пример ущемления суверенитета народа в России особенно ярко проявляется в поощрении массовой инокультурной миграции в страну, несмотря на то, что по всем опросам, эта практика не нравится большинству жителей РФ. Разумеется, эта проблема, помимо этнического измерения, имеет причины, связанные с кризисом российского образования, проблем службы в армии,

коррупции чиновников и «силовиков», а также наглых бизнесменов, которые посылают всех, кто не имеет миллиарда, по известному адресу… Но при помощи ряда софизмов даже образованных россиян убеждают, что массовой миграции в страну нет альтернативы. Вот известный демограф, постоянно ратующий за привлечение рабочей силы из-за рубежа, говорит в интервью: «Представьте себе, что метеоролог предсказывает суровую зиму, а ему говорят: нет ваш прогноз нам не подходит, он требует очень больших затрат на отопление; мы поищем другого метеоролога, чтобы он нам повысил температуру на несколько градусов. Абсурд? Но не в области демографии» (3, с. 261).

Если продолжить эту аналогию, то в случае угрозы холодной зимы надо утеплять окна и двери, затыкать щели, а не приглашать к себе в квартиру окрестных бомжей или приезжих, чтобы они танцевали лезгинку у тебя на столе или разводили костер из твоей мебели. Между тем наши «метеорологи» не ограничиваются только прогнозами. А настоятельно выдают убийственные для страны рецепты, ведь масса мигрантов создает огромные проблемы во всех странах, где такая миграция имела место, и эти проблемы будут только нарастать. Почему бы не попытаться упорядочить ситуацию на рынке труда за счет развития технологий, адекватного образования, справедливой оплаты, а потом уже звать «гостей». Нет, такие «метеорологи» нам не нужны!

Не будем останавливаться подробно на этой очень болезненной теме, но пример с миграцией показывает, что такая ситуация сложилась во многом из-за недемократичности российской политической системы. По-моему, в требованиях ограничить массовую инокультурную миграцию «фашизма» не больше, чем «экстремизма» в возмущениях по поводу фальсификаций на выборах.

Демократический *транзит* не может быть успешным без опоры на национальные и патриотические чувства. А без нормального национализма в стране не достигнуть нормальной же легитимации демократической власти, которая вне своей национальной «почвы» повисает в воздухе. Становится «колониальной демократией» и неизбежно вырождается в авторитаризм.

Демократии нужна нормальная системная оппозиция, которая на очередных выборах имеет реальную возможность стать властью. В России этого как не было, так и нет. Популистски-опереточные КПРФ и ЛДПР, не говоря уже о других разрешенных «партиях», выступают в роли тромба на пути реализации национальных общественных настроений, мешают перевести общественный протест в рациональные политические решения, а, значит, в общем итоге укрепляют силы хаоса и бессмысленного разрушения. Не сумев завоевать политическое господство, русские националисты оказались в положении маргиналов, а олицетворением течения стали какие-то странноватые группировки с большой степенью неадекватности, к тому же нашпигованные агентами тайной полиции и склонные как-то быстро поддаваться на провокации

властей или попросту идти у них на поводу. Очень похоже, что традиции царской «охранки» и Азефа живут и побеждают. Возможно, таким образом стремятся дискредитировать националистов и патриотов в глазах общественного мнения. Но какую же грязную, опасную и разрушительную для России игру ведут те, кто ее затеял. Неужели трагический исторический опыт опять ничему не учит нашу страну? В свое время внедрение агентов-провокаторов в народнические, эсеровские, большевистские и прочие революционные организации не уберегли страну ни от разгула террора, ни от революции. Так и на новом витке нашей драматической истории провокаторы, дискредитируя национализм, не остановят роста националистических настроений в российском обществе. Но вместо конструктивной оппозиции, которая заинтересована в улучшении положения России и русских, в экономической справедливости и политической стабилизации, на оперативный простор вырвутся радикальные группировки и фигуры с сильнейшим разрушительным потенциалом.

Невозможность нормального обсуждения и исправления загоняет существующие проблемы вглубь: есть общественное недовольство – есть эмоциональный выплеск. А меры по их решению либо запаздывают, либо не принимаются совсем. В итоге еще больше возрастает градус риторики, и мирятся разочарование и апатия.

Соединение национализма с демократией явилось бы залогом постепенного выздоровления русского национализма.

Многие сейчас задаются вопросом, почему в РФ сорвалось осуществление демократического транзита, хотя бы по примеру стран Восточной Европы. Да просто потому, что силы, называющие себя «либералами» и «демократами» слишком долго и слишком сильно глумились над русскими национальными чувствами. Последовала естественная реакция отторжения, массовая поддержка укрепления «вертикали власти» и т.п. Но вместе с грязной водой русофобии выплеснули и «ребенка» – создание институтов, которые бы обеспечивали политическую конкуренцию и позволяли бы населению влиять на курс элит.

Если национализм может реализовываться и без демократии, что мы видим почти повсеместно на постсоветском пространстве, то демократия без опоры на национальное чувство и патриотизм прочно не укореняется нигде. Такого просто не может быть, потому что не может быть никогда. В России, если русские не чувствуют себя в ней хозяевами, невозможна никакая «либеральная демократия», никакие «гражданское общество», «реальный федерализм», «цивилизованный рынок» и так далее – что бы там ни утверждали *компрадорские* социологи-политологи, отрабатывая очередной западный грант.

Но нужно, наконец, понять, что демократия существует для себя, для собственного народа, а не для того, чтобы дождаться похлопывания по плечу от американского госсекретаря или чтобы не прогневить Совет Европы. Она есть наиболее эффективный способ власти и управления в современном мире, и без эффективной экономики и эффективного демократического управления русским не на кого надеяться. Политическая нация – это основа, «субстрат» для демократического государства. В этом отношении крайне опасными и неверными кажутся «философские» рассуждения следующего характера: «Одна из основных примет антидемократизма – стремление индивида определить себя через принадлежность к некой общности (нации, народу, церкви, расе и т.д. и т.п.), которой придается некая безусловная онтологическая значимость. Принадлежность к этой общности гарантирует тому, кто не способен совладать с ситуацией постоянной неопределенности, чувство онтологической безопасности и защищенности» (7, с. 12). В этом пассаже прослеживается, если угодно, философское обоснование антинациональных настроений. Про «онтологическую значимость» завернуто, конечно, красиво, но возникает вопрос, а КТО будет выступать в качестве носителя демократических норм и институтов – рисменовская «одинокая толпа» или зиновьевский «глобальный человейник»?! Кто носители демократических норм – современные глобальные кочевники? Или российские «хаоты» – эти-то уж привыкли жить в «ситуации постоянной неопределенности», только вот создать ничего не могут, а только разрушают ради своих непомерных аппетитов. (Не говорю уже о том, что роль религии для демократии и демократизации может быть различной. Отрицать ее значимость просто глупо, о важности религиозного фактора для демократии писали Токвиль и Хантингтон.) Демократия – это выражение народного суверенитета, но для этого нация должна конституироваться и осознать свои интересы.

Примечательно, что даже в лагере «российских либералов» появляются политологи, которые могут подойти к рассмотрению ситуации адекватно. Так, Д. Фурман пишет: «“Россия для русских” – это антитеза “русских для России”, государству, в котором русские платят и своей свободой, и своим благосостоянием, и своей кровью за то, что другие народы подчиняются, причем не русским как народу, а их правителям, имеющим русскую национальность. “Россия для русских” – это демократическая Россия, государство, являющееся инструментом для достижения общего блага народа» (15).

Конечно, в чистом виде лозунги «демократии», «суверенитета народа» часто похожи на красивую сказку. Но степень политического плюрализма и гражданских свобод, реальные возможности населения повлиять на власть на разном уровне сейчас намного ниже реально необходимого. Для того чтобы государство сделалось суверенным, нужно не только провозглашать суверенитет народа, но и обеспечить реальные механизмы его осуществления. Де-

мократия – возможность обсуждать и решать вопросы своего жизнеустроения, механизм «защиты от дурака», такого, скажем, который придумал монетизацию или ЕГЭ, или кто кормит массы мифом о врожденной склонности русских к авторитаризму.

Вместо заключения.
Национализм как условие выживания и развития

Элиты в РФ уже поняли необходимость для страны суверенитета. Теперь они должны дойти до осознания необходимости либеральной демократии и нормального национализма. В конце концов, даже лозунг «*суверенная демократия*» не столь дик, если не выхолащивается понятие «демократии» и она опирается на осознанный национальный интерес большинства.

Ничего общего с дискриминацией других народов нормальный русский национализм не имеет. На этом пути можно и нужно решить проблему «многонациональности». Русские националисты должны согласиться и с нормальным национализмом других народов – для обеспечения свободного, цивилизованного диалога в целях решения общих проблем. Пугать распадом и дезинтеграцией не стоит. Если обеспечить нормальный, демократический фон, то порой допустима даже сецессия (по примеру того, как договорились о мирном, цивилизованном «разводе» чехи и словаки). Но что-то подсказывает, что в случае России таких примеров либо будет немного, либо не будет вообще. Если народам разных национальностей будут предоставлены демократические права, то они смогут договориться об улучшении совместной жизни в подавляющем большинстве случаев. В пользу такой версии говорит опыт нескольких столетий совместной жизни.

Такая трансформация является очень непростой и болезненной и сопряжена с массой трудностей. Но она дает шанс сделать Россию нормальной страной, освободившейся от имперского и постимперского синдрома. Попытки же возродить «пятую» или уже десятую империю приведут лишь к растрате последних национальных сил. И сейчас эти имперские замашки вызывают одну за другой политические неудачи и служат отличным поводом для злорадства наших недругов. Удержание территории? Но удержание удержанию рознь. Если в ряде национальных республик львиная доля мест в структурах власти отдана представителям титульного этноса – это что? А удержание в составе России Чечни осуществлялось и осуществляется за счет выплаты огромной дани – поставляемой либо за счет посылаемых на верное разграбление поездов (в начале 90-х несколько сотен эшелонов было разграблено и занимались этим не отдельные боевики, а целые аулы!), либо за счет бесконечного ассигнования «восстановления» Чечни – попробуй не заплати – опять гордые горцы будут взрывать все подряд… Нужно ли такое

удержание территории России, русским, другим народам РФ, лояльным к российской государственности?

Среди самих русских русская национальная буржуазия – это один из носителей идеологии национализма. Беда в том, что пока она еще не окрепла. Наивно думать, что «капитализм» – это только стремление к прибыли. Ее можно получать по-разному. Можно строить долговременные стратегии, чтобы делать бизнес в России многие десятилетия и даже века, но можно хватать и убегать – это идеология временщиков и паразитов. Тех, кто находится вне почвы, истории, судьбы – жадных кочевников и паразитов.

Но не хочется заканчивать на совсем уже пессимистической ноте. У нас должен появиться нормальный русский национализм. Идеология, так необходимая для выживания в мире, который, конечно, будет иным после обрушения здания нынешней спекулятивной глобализации по американскому образцу. Развитие русского национального сознания в этом мире будет более важным оружием, нежели авантюрные планы строительства авианосцев и т.п. Конечно, был бы предпочтителен национализм гражданский, «культурный», но даже почвенническая «кровная» версия в крайнем случае «сойдет», ибо без развитого национализма русские – «один из самых успешных народов» в истории – будут обречены на исчезновение. Рост русского национализма в России практически неизбежен. Мы не согласимся с вымиранием. Но – каким будет национализм? Нормальным или радикальным? Какова будет его культурная составляющая? Представляется, что «именем» России должен быть не Сталин, а Пушкин, Менделеев и Рахманинов.

Национализм – это нормально, это солидная и респектабельная идеология, а вовсе не прибежище для лузеров, «шариковых» и людей с психическими сдвигами. Очень важно, чтобы и русская молодежь поняла, что можно и нужно быть националистами, а это означает выяснение истины в публичных спорах участие в легальных мероприятиях, участие в демократических выборах. Вовсе не нужно, чтобы национализм ассоциировался с военизированными организациями, ксенофобией, насилием – уходил, точнее, загонялся в подполье!

Если сделать русский национализм нормальным, то тогда он будет основой для демократической политики, принятия государственных решений в интересах большинства. Препятствий всякого рода на этом пути не счесть. Но у русских традиционно глаза боятся, а руки делают.

Литература

1. Белковский С. Закат России // Новая газета. – 2011, 18 марта.

2. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146–200.

3. Демографические исследования в России: История, состояние перспективы. Беседа с Анатолием Вишневским // Мыслящая Россия. – М., 2006. – С. 257–272.

4. Ковалёв В.А. Политические альтернативы в современной России. – Сыктывкар, 2010. – 204 с.

5. Ковалёв В. Русский национализм в кривом зеркале // Москва. – М., 2009. – № 11 – С. 167–174.

6. Ковалёв В. Общага «Россия» // Агентство политических новостей (АПН.ру), 2010. – 11 октября (http://www.apn.ru/publications/article23236.htm)

7. Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия. – М., 2006. – С. 5–26.

8. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М., 2005. – 320 с.

9. Малахов В. Современный русский национализм // Мыслящая Россия. – М., 2006. – С. 141–157.

10. Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. – М., 2008. – 448 с.

11. Семёнова Е. На этнической войне… Геноцид русских в бывших республиках СССР. – М., 2010. – 148 с.

12. Соколов-Митрич Д. Нечеченские мальчики. Нетаджикские девочки. – М., 2007. – 154 с.

13. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. – М., 2008. – 480 с.

14. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. – М., 2009. – 440 с.

15. Фурман Д. От Российской империи к русскому демократическому государству // Неприкосновенный запас, 2010. – № 5. http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/fu3-pr.html

Ю.А. Нисневич

РОССИЯ-2010 В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Нисневич Юлий Анатольевич – доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики и РУДН.

Интенсивное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации позволило межгосударственным и неправительственным организациям с 70-х годов XX в. начать проведение разнообразных экономических, политических и социологических исследований в масштабах всего мирового сообщества, используя базы данных и источники информации, расположенные в разных государствах на всех континентах, и международные и национальные команды экспертов[1].

Среди исследований межгосударственных и неправительственных организаций особое место занимают регулярно проводимые исследования, в которых единичным объектом анализа является государство с его типовыми характеристиками, общими для всех государств современного мира. Количественные результаты таких государствоведческих исследований, как правило, выражаются в значениях агрегированных индексов и составляющих их индикаторов, представляющих собой оценки тех или иных характеристик государства.

Совокупность количественных оценок характеристик государства позволяет, несмотря на неизбежное наличие тех или иных «шумов и погрешностей измерений», получить, как представляется, в достаточной мере достоверную картину состояния и образ государства.

1. Списки таких исследований представлены Информационным экспертно-аналитическим ресурсным центром «Новости гуманитарных технологий» на сайте http://gtmarket.ru. (http://gtmarket.ru/ratings) и (4).

Отображение состояния и образа России в зеркале результатов государствоведческих исследований, проведенных в 2010 г. межгосударственными и неправительственными организациями, и является задачей данной работы.

Наиболее полную базу статистических данных, включающую 420 индикаторов мирового развития (World Development Indicators, WDI) для 209 государств и территорий за период с 1960 по 2009 г., предоставил *Всемирный банк*, акционерами которого являются 184 государства (21).

По данным этого источника, в 2009 г. население России составляло 141,85 млн. человек, что совпадает с данными Росстата* (6), *при средней продолжительности жизни 68 лет; ВВП составлял 1 231 892,982 млн. долл. при уменьшении за этот год на 7,9%, а ВВП на душу населения – 8684 долл.

Исходя из того, что главная задача современного демократического государства состоит в обеспечении высокого качества жизни его граждан, рассмотрение состояния и образа России-2010 целесообразно начать с оценки именно этой характеристики.

Исследования непосредственно качества жизни в различных государствах были начаты только в 2009 г. издательской группой «*International Living*». По результатам исследований этой неправительственной организации на основании показателей государства в девяти категориях (стоимость жизни, культура и досуг, экономика, окружающая среда, свобода, здоровье, инфраструктура, безопасность и риск, климат) определяется индекс качества жизни (quality of life index, QLI). Индекс качества жизни ($ИКЖ_{IL}$) оценивается по шкале от 0 (наихудшее качество жизни) до 100 (наилучшее качество жизни). В опубликованном в январе 2011 г. отчете приведены данные по этому индексу для 192 государств и территорий (19).

По этим данным, для России индекс качества жизни составил 54, и она заняла 115-е место из 192-х в одном ряду с Гайаной, Замбией, Кувейтом, Киргизстаном, Мальдивскими островами, Микронезией, Перу и Филиппинами. Для сравнения: первое место по качеству жизни с $ИКЖ_{IL} = 86$ заняли США, а последнее с $ИКЖ_{IL} = 28$ – Сомали.

Как косвенная оценка качества жизни используется определяемый с 1990 г. в рамках *Программы развития Организации Объединенных Наций* (ПРООН) индекс развития человеческого потенциала (human development index, HDI). Нормированный индекс развития человеческого потенциала ($ИРЧП_{UN}$), который изменяется в диапазоне от 0 (низший уровень развития) до 1 (высший уровень развития), определяется по следующим статистическим данным: об ожидаемой продолжительности жизни, на основании которой определяется индекс продолжительности жизни (life expectancy index, LEI); об уровне грамотности среди взрослых и показателях обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях, составляющих индекс

уровня образования (education index, EI); о величине валового внутреннего продукта на душу населения. Однако, как представляется, достаточно проблематично адекватно оценить реальный человеческий потенциал государства без учета качества образования, получаемого его гражданами. В 2010 г. индекс ИРЧП$_{UN}$ был определен для 169 государств и территорий (2).

По этим данным, для России индекс развития человеческого потенциала составил 0,719, и она оказалась во второй группе – государства с высоким уровнем развития человеческого потенциала (0,677 ≤ ИРЧП$_{UN}$ ≤ 0,784) – на 65-м месте из 169 вместе с Албанией. Для сравнения: первое место по развитию человеческого потенциала с ИРЧП$_{UN}$ = 0,938 заняла Норвегия, которая входит в первую группу – государства с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала. Последнее место с ИРЧП$_{UN}$ = 0,14 заняла Зимбабве, которая входит в четвертую группу – государства с низким уровнем развития человеческого потенциала.

К косвенным оценкам качества жизни может быть отнесен определяемый с 2007 г. исследовательским институтом международной инвестиционной группы *Legatum* (The Legatum Institute) индекс благосостояния (Legatum prosperity index, LPI). Агрегированный индекс благосостояния (ИБ$_{LI}$) определяется по 89 параметрам и включает восемь индикаторов, характеризующих, по мнению авторов этого исследования, «фундаментальные аспекты благосостояния»: экономику, предпринимательство, государственное управление, образование, здоровье, безопасность, личную свободу и социальный капитал. В 2010 г. этот индекс был определен для 110 государств и территорий (23).

По этим данным, для России индекс благосостояния составил (-0,521), и она заняла 63-е место из 110 между Марокко и Филиппинами. Для сравнения: первое место по индексу благосостояния с ИБ$_{LI}$ = 3,375 заняла Норвегия, а последнее с ИБ$_{LI}$ = -4,068 – Зимбабве.

Фактором, оказывающим определяющее влияние на качество жизни граждан, является качество управления государством.

Наиболее представительные и авторитетные исследования качества государственного управления (governance matters) для различных государств и территорий проводит *Всемирный банк*. По результатам этих исследований определяются шесть агрегированных индексов (worldwide governance indicators, WGI), которые отражают различные параметры государственного управления:

1. Учет мнения населения и подотчетность (voice and accountability) – индекс включает показатели, измеряющие различные аспекты политических прав и гражданских свобод, степень возможного участия граждан в выборах органов государственной власти, степень свободы выражения мнения, свободы объединений, свободы прессы.

2. Политическая стабильность и отсутствие насилия (political stability and absence of violence) – индекс включает показатели, измеряющие стабильность государственной власти, вероятность ее дестабилизации или свержения неконституционными методами или с применением насилия, включая политически мотивированное насилие и терроризм.

3. Эффективность государственного управления (government effectiveness) – индекс включает показатели, измеряющие качество и эффективность функционирования системы государственного управления, оказания государственных услуг, работы государственной службы и степень ее независимости от политического давления, разработки и реализации государственной политики и уровень доверия к политике государства.

4. Качество законодательства (regulatory quality) – индекс включает показатели, измеряющие способность государства формулировать и реализовывать рациональную политику и принимать законодательные акты, допускающие и способствующие развитию частного сектора.

5. Верховенство закона (rule of law) – индекс включает показатели, измеряющие степень уверенности разных субъектов в установленных законодательством общественных нормах и соблюдения ими этих норм, в частности степень принудительного исполнения договорных обязательств и соблюдения права частной собственности, качество работы полиции и судов, противодействия преступлениям и жесткости.

6. Контроль (сдерживание) коррупции (control of corruption) – индекс включает показатели воздействия на публичную власть незаконных частных выплат государственным должностным лицам, масштаб коррупции как на низовых, так и на верхушечном уровнях, включая скупку государственного имущества в частных интересах (т.е. степень подчинения публичной власти частным интересам).

Эти индексы оценивается по шкале от -2,5 (наихудшее состояние) до +2,5 (наилучшее состояние). В 2010 г. были опубликованы данные по всем агрегированным показателям качества государственного управления для 213 государств и территорий за период 1996–2009 гг. (25).

По этим данным, для России в 2009 г. значения перечисленных индексов и соответствующие им места в рейтинге составили:

– индекс учета мнения населения и подотчетности (-0,948) и 165-е место между Катаром и Киргизстаном;

– индекс политической стабильности и отсутствия насилия (-0,725) и 16-е место между Мексикой и Гватемалой;

– индекс эффективности государственного управления (-0,282) и 117-е место между Вануату и Египтом;

– индекс качества законодательства (-0,461) и 137-е место между Замбией и Мадагаскаром;

– индекс верховенства закона (-0,773) и 163-е место между Фиджи и Эфиопией;

– индекс сдерживания коррупции (-1,122) и 187-е место между Кенией и Гаити.

Данные о неудовлетворительном положении дел с коррупцией в России были получены Всемирным банком независимо от наиболее представительных и авторитетных исследований состояния коррупции в различных государствах, которые ежегодно проводит международная неправительственная организация «*Трансперенси Интернешнл*» (*Transparency International*). С 1995 г. эта организация определяет такой показатель состояния коррупции, как индекс восприятия коррупции (corruption perceptions index, CPI). Индекс восприятия коррупции ($ИВК_{TI}$) отражает восприятие уровня коррупции аналитиками и предпринимателями как проживающими в стране, так и зарубежными, и оценивается по шкале от 0 (очень высокий уровень коррупции) до 10 (коррупция практически отсутствует). По результатам исследований, проводившихся с сентября 2009 по сентябрь 2010 г., этот индекс был определен для 178 государств и территорий (10).

По этим данным, для России индекс восприятия коррупции составил 2,1, и она заняла 154-е место из 178 в одном ряду с Камбоджей, Центральноафриканской Республикой, Коморскими островами, Республикой Конго, Гвинеей-Биссау, Кенией, Лаосом, Папуа – Новой Гвинеей и Таджикистаном. Для сравнения: самый низкий уровень коррупции при $ИВК_{TI}$ = 9,3 имеет место в Дании, Новой Зеландии и Сингапуре, а самый высокий при $ИВК_{TI}$ = 1,4 – в Сомали.

В современном демократическом государстве главным приводным механизмом политических, экономических, социальных и информационных процессов служит добросовестная, транспарентная и профессиональная конкуренция в правовом поле. Наличие в государстве экономической, политической, информационной свободы и порождаемой ею конкуренции является необходимым условием для подавления коррупции (5).

Оценочной характеристикой состояния экономической свободы в государстве и порождаемой ею конкуренции может служить индекс экономической свободы (index of economic freedom). Такой индекс определяют независимо друг от друга американский неправительственный исследовательский фонд «*Наследие*» (The Heritage Foundation) совместно с газетой «*The Wall Street Journal*» и совместно две неправительственные исследовательские организации – канадский *Институт Фрейзера* (The Fraser Institute) и американский *Институт Катона* (The Cato Institute).

Индекс экономический свободы фонда «*Наследие*» ($ИЭС_{HF}$) определяется как совокупность показателей в десяти категориях: свобода предпринимательства; свобода торговли; налоговый режим; доля государства в экономике;

свобода денежного обращения; инвестиционный климат; финансовое регулирование; защита прав собственности; свобода от коррупции; трудовые отношения. Этот индекс оценивается по шкале от 0 (свобода практически отсутствует) до 100 (максимальная свобода). По результатам исследований, проводившихся с июля 2009 по июль 2010 г., индекс был определен для 179 государств и территорий (8).

По этим данным, для России индекс экономической свободы составил 50,5, и она заняла 143-е место из 179 вместе с Эфиопией. Для сравнения: первое место с $ИЭС_{HF}$ = 89,7 занял Гонконг, а последнее с $ИЭС_{HF}$ = 1 – Корейская Народно-Демократическая Республика.

Индекс экономической свободы институтов Фрейзера и Катона ($ИЭС_{FC}$) определяется как совокупность показателей в пяти категориях: доля государства в экономике; законодательная база и защита прав собственности; доступ к «надежным» деньгам; свобода внешней торговли; регулирование кредита, трудовых отношений и деятельности предприятий. Этот индекс оценивается по шкале от 0 (свобода практически отсутствует) до 10 (максимальная свобода). В опубликованном в 2010 г. отчете приведены данные по $ИЭС_{FC}$ за 2008 г. для 141 государства и территории (13).

По этим данным, для России индекс экономической свободы составил 6,62, и она заняла 84-е место из 141 между Южной Африкой и Румынией. Для сравнения: первое место с $ИЭС_{FC}$ = 9,05 занял Гонконг, а последнее с $ИЭС_{FC}$ = 3,57 – Зимбабве.

Для косвенной оценки экономической свободы и конкуренции в государстве могут служить результаты проводимых с 2003 г. Всемирным банком исследований «Условия для бизнеса (Doing Business)». По результатам этого исследования, государства ранжируются в зависимости от того, насколько существующие в них условия благоприятствуют бизнесу. Это определяется агрегированием количественных данных по девяти показателям: открытие бизнеса; получение разрешения на строительство; регистрация прав собственности; получение кредита; защита инвестиций; уплата налогов; экспортная торговля; заключение контрактов; закрытие бизнеса. По результатам исследований, проведенных с июня 2009 по май 2010 г., в зависимости от условий для бизнеса были ранжированы 183 государства и территории (12).

По этим данным, Россия в рейтинге по благоприятным условиям для бизнеса заняла 123-е место из 183 между Угандой и Уругваем. В этом рейтинге первое место занял Сингапур, а последнее – Чад.

В качестве оценочных характеристик состояния политической и гражданской свободы и порождаемой ими конкуренции могут служить индексы политических прав (political rights, PR) и гражданских свобод (civil liberties, CL), определяемые с 1972 г. американской неправительственной организацией «*Freedom House*» в рамках программы «Свобода в мире (Freedom in the

World)». Индекс политических прав ($ИПП_{FH}$) и индекс гражданских свобод ($ИГС_{FH}$) определяются по экспертной методике и оцениваются по шкале от 1 (максимальная свобода) до 7 (минимальная свобода). Кроме того, по среднеарифметическому значению этих индексов все государства и территории разделяются на три группы: свободные (от 1 до 2,5), частично свободные (от 3 до 5) и несвободные (от 5,5 до 7). По результатам исследований, проводившихся с 1 января по 31 декабря 2010 г., были определены значения индексов $ИПП_{FH}$ и $ИГС_{FH}$ для 208 государств и территорий (15).

По этим данным, для России индекс политических прав составил 6, а гражданских свобод – 5, и она была включена в группу 47 несвободных государств.

Для оценки состояния свободы и порождаемой ею конкуренции в информационной сфере может служить индекс свободы прессы, который независимо друг от друга определяют «*Freedom House*», в рамках реализуемой с 1980 г. программы «Свобода прессы (Freedom of the Press)», и международная неправительственная организация «*Репортеры без границ*» (фр.: Reporters sans frontières).

Индекс свободы прессы ($ИСП_{FH}$) «Freedom House» составляет на основе ответов экспертов на 23 вопроса, разделенных на три категории – правовую, политическую и экономическую, и оценивает по шкале от 0 (максимальная свобода) до 100 (минимальная свобода). По результатам исследований, проводившихся с 1 января до 31 декабря 2009 г., этот индекс был определен для 196 государств и территорий (16).

По этим данным, для России индекс свободы прессы составил 81, и она заняла 174-е место из 196 в одном ряду с Гамбией и Демократической Республикой Конго. Для сравнения: первое место с $ИСП_{FH} = 10$ заняли Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция, а последнее с $ИСП_{FH} = 99$ – Корейская Народно-Демократическая Республика.

Индекс свободы прессы ($ИСП_{RF}$), определяемый организацией «*Репортеры без границ*», составляется на основе ответов экспертов на 43 вопроса и оценивается по шкале от 0 (максимальная свобода) до 120 (минимальная свобода). По результатам исследований, проводившихся с 1 сентября 2009 по 1 сентября 2010 г., этот индекс был определен для 178 государств и территорий (7).

По этим данным, для России индекс свободы прессы составил 49,9, и она заняла 140-е место из 178 между Эфиопией и Малайзией. Для сравнения: первое место с $ИСП_{RF} = 0$ заняли Исландия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Швеция, а последнее с $ИСП_{RF} = 105$ – Эритрея.

Кроме рассмотренных политико-правовых характеристик государства «*Freedom House*» в рамках программы «Свобода в мире» по специальной методике в соответствии с пороговым принципом «да – нет» определяет и при-

надлежность политического порядка в данном государстве к типу «электоральная демократия». Электоральная демократия, по определению «*Freedom House*», характеризуется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании и доступностью для всех партий средств массовой информации (15, с. 26).

По данным «Freedom House», в ***2010 г. к электоральным демократиям относятся 115 (59%) из 194 существующих сегодня в мире государств, включая Тайвань и Косово, но Россия электоральной демократией не является.***

Пороговый принцип соотнесения политических и государственных порядков в конкретном государстве с демократией представляется наиболее адекватным смыслу и содержанию этой формы организации политических и государственных порядков, а неполная или частичная демократия как демократия «второй свежести»[2] представляется логическим нонсенсом.

Тем не менее в ряде государствоведческих исследований демократия рассматривается как континуум, и ее состояние измеряется с использованием той или иной шкалы оценок.

Такие измерения с 1995 г. проводит «*Freedom House*» по программе «Страны переходного периода (Nations in Transit)», в рамках которой для 29 государств постсоветского пространства и Центральной Европы определяется индекс демократии (the democracy score, DC). Индекс демократии Freedom House ($ИД_{FH}$) определяется по экспертной методике агрегированием семи показателей, характеризующих: избирательный процесс (electoral process, EP); развитие гражданского общества (civil society, CS); независимость СМИ (independent media, IM); демократичность национального правительства (national democratic governance, NGOV); демократичность региональных властей (local democratic governance, LGOV); структуру и независимость судебной системы (judicial framework and independence, JFI); уровень коррупции (corruption, CO). Этот индекс оценивается по шкале от 1 (высший уровень демократического прогресса) до 7 (низший уровень демократического прогресса). В июне 2010 г. был опубликован отчет, в котором приведены результаты исследований индекса демократии и составляющих его параметров, проводившихся с 1 января по 31 декабря 2008 г. (20). Кроме того, в этом отчете предложено по результатам проведенных исследований разделить исследуемые государства на пять групп: консолидированная демократия; частично консолидированная демократия; переходный или гибридный режим;

2. «Вторая свежесть – вот что вздор! Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!» (1, с. 167).

частично консолидированный авторитарный режим; консолидированный авторитарный режим.

По этим данным, для России индекс демократии составил 6,14, она заняла 22-е место из 29 вместе с Таджикистаном и вошла в группу из восьми государств с консолидированным авторитарным режимом. Для сравнения: первое место по уровню демократического прогресса с $ИД_{FH}$ = 1,93 заняла Словения, а последнее с $ИД_{FH}$ = 6,93 – Туркменистан и Узбекистан.

Конечно, можно считать, что исследование «Freedom House» по программе «Страны переходного периода» не является достаточно представительным, поскольку охватывает всего 29 стран и не превосходит 15% от всех существующих сегодня в мире государств.

Более представительное исследование индекса демократии (democracy index, DI), начиная с 2006 г., раз в два года проводит аналитическое подразделение британского журнала «*Economist*» – *The Economist Intelligence Unit*. Индекс демократии ($ИД_{EIU}$) определяется этим подразделением по методике, основанной на экспертных оценках и результатах опросов общественного мнения, агрегированием 60 показателей, объединенных в пять, по мнению авторов исследования, ключевых для демократии индикаторов: избирательный процесс и плюрализм (electoral process and pluralism); деятельность правительства (functioning of government); политическое участие (political participation); политическая культура (political culture); гражданские свободы (civil liberties). Этот индекс оценивается по шкале от 0 (полностью авторитарный режим) до 10 (полная демократия), и по его значениям государства разделяются на четыре группы: полная демократия (от 10 до 8); дефектная демократия (от 7,99 до 6); гибридный режим (от 5,99 до 4); авторитарный режим (от 3,99 до 0). В декабре 2010 г. был опубликован отчет, в котором приведены данные по индексу $ИД_{EIU}$ и составляющим его индикаторам для 167 государств и территорий (11).

По этим данным, для России индекс демократии составил 4,26, она заняла 107-е место из 167 между Киргизстаном и Непалом и вошла в группу из 32 государств с гибридным режимом. Для сравнения: первое место с $ИД_{EIU}$ = 9,8 заняла Норвегия, а последнее с $ИД_{EIU}$ = 1,08 – Корейская Народно-Демократическая Республика.

К государствоведческим исследованиям демократии как континуума относится и проводимое с 2003 г. немецкой неправительственной организацией *Фонд Бертельсмана* (*Bertelsmann Stiftung*) исследование, в рамках которого для 128 государств, за исключением группы развитых государств Европы и Северной Америки, определяется индекс трансформации (Bertelsmann transformation index) (3). Однако это исследование представляется недостаточно достоверным и не только потому, что из него исключены развитые государ-

ства Европы и Северной Америки. Более существенным обстоятельством служит тот факт, что «как правило, каждую страну оценивают внутренний и международный специалисты» (3, с. 113), т.е. для оценки параметров каждого государства используются только два источника информации. В большинстве государствоведческих исследований принято считать достоверными только те агрегированные результаты, для определения которых используется не менее трех источников информации.

Ряд исследований межгосударственных и неправительственных организаций посвящен оценкам инновационного развития государства в контексте перехода к информационному обществу и электронному государству.

К этой группе исследований относится реализуемая *ООН* с 2003 г. программа «Исследование электронного государства (E-Government Survey)», в рамках которой определяется индекс развития электронного государства (e-government development index, EGDI) и индекс электронного участия (e-participation index, EPI). Индекс развития электронного государства ($ИРЭГ_{UN}$) определяется как среднеарифметическое значение трех нормированных индексов – онлайнового сервиса (online service index), телекоммуникационной инфраструктуры (telecommunication infrastructure index) и человеческого капитала (human capital index) и оценивается по шкале от 0 (наименьший уровень развития) до 1 (наивысший уровень развития). Индекс электронного участия ($ИЭУ_{UN}$) определяется методом экспертных оценок использования Интернета в процессе взаимодействия граждан и бизнеса с органами государственной власти. Оценки выносятся по таким показателям, как электронное предоставление информации, электронное консультирование и электронное принятие решений по шкале от 0 (минимальное использование Интернета) до 1 (максимальное использование). В опубликованном в 2010 г. отчете приведены данные по индексу $ИРЭГ_{UN}$ для 183 государств и территорий и по индексу $ИЭУ_{UN}$ для 157 государств и территорий (26).

По этим данным, для России индекс развития электронного государства составил 0,5136, и она заняла 59-е место из 183 между Саудовской Аравией и Черногорией, а индекс электронного участия составил 0,1286, и она заняла 86-е место из 157 в одном ряду с Албанией, Гондурасом, Индонезией, Катаром, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Лихтенштейном, Марокко, Тринидадом и Тобаго, Чехией. Для сравнения: первое место с $ИРЭГ_{UN} = 0,8785$ и $ИЭУ_{UN} = 1$ заняла Южная Корея, а последние места с $ИРЭГ_{UN} = 0,1098$ – Нигер и с $ИЭУ_{UN} = 0,0143$ – Вануату.

Более технологически ориентированную оценку электронного развития государства предоставляет в виде определяемого с 2001 г. индекса сетевой готовности (networked readiness index, NRI) швейцарская неправительственная организация *Всемирный экономический форум* (*World Economic Forum*). Индекс сетевой готовности ($ИСГ_{WEF}$) определяется агрегированием 68 пока-

зателей, которые объединены в 12 базовых индикаторов, разделенных на три группы: группа условий для развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) – рыночные, политические, инфраструктурные условия; группа готовности к использованию ИКТ – готовность граждан, бизнеса и государственных органов; группа уровней использования ИКТ – уровни граждан, бизнеса и государственных органов. Этот индекс оценивается по шкале от 1 (минимальная готовность) до 7 (максимальная готовность). В опубликованном в 2010 г. отчете приведены данные по индексу $ИСГ_{WEF}$ для 133 государств и территорий (17).

По этим данным, для России индекс сетевой готовности составил 3,58, и она заняла 80-е место из 133 между Тринидадом и Тобаго и Сальвадором. Для сравнения: первое место по сетевой готовности с $ИСГ_{WEF} = 5,65$ заняла Швеция, а последнее с $ИСГ_{WEF} = 2,57$ – Чад.

Значительную группу государствоведческих исследований составляют исследования, в которых оцениваются характеристики государств как базового звена устройства миропорядка и субъекта международных отношений.

Поскольку доминантой современного миропорядка выступает процесс глобализации, то первоочередной интерес представляет оценка включенности государства в этот процесс. В качестве такой оценки может быть использован индекс глобализации (KOF index of globalization), регулярно с 2002 г. определяемый швейцарским институтом экономики (KOF Swiss Economic Institute). В этом исследовании глобализация понимается как процесс интеграции поверх государственных границ национальных экономик, культур, технологий и управления, а также развития комплексных взаимосвязей и взаимозависимостей. Индекс глобализации KOF ($ИГ_{KOF}$) определяется агрегированием трех измерений глобализации: экономического, политического и социального и оценивается по шкале от 0 (минимальная включенность в процесс глобализации) до 100 (максимальная включенность в процесс глобализации). В марте 2011 г. были опубликованы результаты определения этого индекса для 156 государств и территорий на основе данных 2008 г. (9).

По этим данным, для России индекс глобализации составил 65,91, и она заняла 52-е место из 156 между Сальвадором и Украиной. Для сравнения: первое место по включенности в процесс глобализации с $ИГ_{KOF} = 92,6$ заняла Бельгия, а последнее с $ИГ_{KOF} = 39,85$ – Чад.

Наиболее представительные и авторитетные исследования глобальной экономической конкурентоспособности современных государств ежегодно с 1979 г. проводит *Всемирный экономический форум*. В рамках этих исследований определяется индекс глобальной конкурентоспособности (global competitiveness index, GCI), который оценивается по шкале от 1 (минимальная конкурентоспособность) до 7 (максимальная конкурентоспособность). Агрегированный индекс глобальной конкурентоспособности ($ИГК_{WEF}$) определя-

ется по 111 параметрам, объединенным в 12 базовых индикаторов экономической конкурентоспособности. В опубликованном в сентябре 2010 г. отчете приведены данные по этому индексу для 139 государств и территорий (24).

По этим данным, для России индекс глобальной конкурентоспособности составил 4,2, и она заняла 63-е место из 139 между Шри-Ланкой и Уругваем. Для сравнения: первое место по глобальной экономической конкурентоспособности с $ИГК_{WEF}$ = 5,63 заняла Швейцария, а последнее с $ИГК_{WEF}$ = 2,73 – Чад.

При этом следует также отметить, что по такому опорному индикатору как качество институтов Россия заняла 118-е место, а по таким составляющим этот индикатор параметрам как защита прав собственности, уровень вмешательства государства и надежность защиты полицией – 128-е место, защита интеллектуальной собственности – 119-е место, независимость судебной системы – 115-е место. И на первое место среди 15 наиболее проблемных для России факторов 21,2% участвовавших в исследовании респондентов поставили коррупцию.

В рамках реализуемого с 2007 г. проекта «Перспективы человечества (Vision of Humanity)», поставившего целью выявление взаимосвязи мира и устойчивого развития на планете, австралийский *Институт экономики и мира* (*The Institute for Economics and Peace*) Сиднейского университета совместно с аналитиками журнала «Экономист» определяет глобальный индекс миролюбия (global peace index, GPI). Глобальный индекс миролюбия ($ГИМ_{IEP}$) определяется агрегированием 23 показателей, объединенных в три основные группы: наличие и масштабы внутренних и международных конфликтов, в которых участвует государство; уровень стабильности и безопасности внутри государства; уровень милитаризации государства. Оценка выносится по шкале от 1 (максимальное миролюбие) до 5 (минимальное миролюбие). В июне 2010 г. были опубликованы результаты определения этого индекса для 149 государств и территорий (18).

По этим данным, для России индекс миролюбия составил 3,013, и она заняла 143-е место из 149 между Грузией и Израилем. Для сравнения: первое место по миролюбию с $ГИМ_{IEP}$ = 1,188 заняла Новая Зеландия, а последнее с $ГИМ_{IEP}$ = 3,406 – Ирак.

С 2005 г. американская неправительственная организация «*Фонд Мира*» (*The Fund for Peace*) и американский журнал «*Foreign Policy*» ежегодно проводят исследования по определению индекса недееспособности государств (failed states index, FSI), который характеризует степень способности власти контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в государстве. Индекс недееспособности государств ($ИНГ_{FP}$) определяется суммированием значений 12 показателей недееспособности, оцениваемых по шкале от 0 (наименьшая степень не-

дееспособности) до 10 (наибольшая степень недееспособности) и объединенных в три группы: социальные, экономические и политические показатели. По значениям индекса $ИНГ_{FP}$, изменяющегося в диапазоне от 0 до 120, исследуемые государства разделяются на четыре группы: с высоким уровнем нестабильности (от 120 до 90); с уровнем стабильности ниже среднего (от 89,9 до 60); с уровнем стабильности выше среднего (от 59,9 до 30); с высоким уровнем стабильности (менее 30). В июне 2010 г. были опубликованы результаты определения этого индекса для 177 государств и территорий (14).

По этим данным, для России индекс недееспособности государств составил 79, она заняла 80-е место из 177 между Индией и Таиландом и вошла в группу из 92 государств с уровнем стабильности ниже среднего. Для сравнения: первое место по недееспособности с $ИНГ_{FP}$ = 114,3 заняло Сомали, а последнее с $ИНГ_{FP}$ = 18,7 – Норвегия.

С 1995 г. американская неправительственная организация *Центр системного мира* (*Center for Systemic Peace*) проводит исследования по определению индекса и матрицы хрупкости государства (state fragility index and matrix). Индекс хрупкости государства ($ИХГ_{CSP}$) определяется агрегированием восьми показателей, отражающих эффективность и законность в четырех измерениях: безопасность, политика, экономика, социальная сфера и оценивается по шкале от 0 (минимальная хрупкость) до 25 (максимальная хрупкость). В 2010 г. были опубликованы результаты завершившихся в конце 2009 г. исследований по определению этого индекса для 163 суверенных государств (22).

По этим данным, для России индекс хрупкости государства составил 8, и она заняла 89-е место из 163 между Парагваем и Арменией. Для сравнения: первое место по хрупкости государства с $ИХГ_{CSP}$ = 25 заняло Сомали, а последнее с $ИХГ_{CSP}$ = 0 сразу 19 государств, среди которых 14 европейских государств, а также Канада, Коста-Рика, Тайвань, Южная Корея и Япония.

Заключение

Представленные в 2010 г. по результатам государствоведческих исследований 18 межгосударственных и неправительственных организаций оценки 28 различных характеристик и параметров современного состояния России и складывающийся из них образ нашей страны не соответствуют характеристикам и образу государства, претендующего на достойное место среди ведущих держав мирового сообщества. Такая ситуация, как представляется, определяется в первую очередь низким качеством и низкой эффективностью государственного управления и высоким уровнем коррупции.

Литература

1. Булгаков М.А. Избранное: роман «Мастер и Маргарита»; Рассказы. – М.: Худож. лит., 1980.

2. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: Путь к развитию человека. – М.: Весь Мир, 2010.

3. Индекс трансформации Фонда Бертельсмана 2010. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2010.

4. Нисневич Ю. Метод сопоставительно-институционального анализа // Мировая экономка и международные отношения. – М., 2011. – № 5. – С. 76–84.

5. Нисневич Ю.А. Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – М., 2009. – № 3. – С. 3–17.

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.htm).

7. 2010 World Press Freedom Index. Reporters sans frontiers, 2010 (http://www.rsf.org/IMG/CLASSEMENT_2011/GB/C_GENERAL_GB.pdf).

8. 2011 Index of Economic Freedom. The Heritage Foundation, 2011 (http://www.heritage.org/index/).

9. 2011 KOF Index of Globalization. KOF Swiss Economic Institute, 2011 (http://globalization.kof.ethz.ch/).

10. Corruption Perceptions Index 2010 Results. Transparency International, 2010 (http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results).

11. Democracy Index 2010. Economist Intelligence Unit, 2010 (http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf).

12. Doing business 2010: Making a difference for entrepreneurs. The World Bank, 2010 (http://www.doingbusiness.org/reports/doing-business/doing-business-2011).

13. Economic Freedom of the World: 2010 Annual Report. The Fraser Institute, 2010 (http://www.freetheworld.com/2010/reports/world/EFW2010_BOOK.pdf).

14. Failed State Index 2010. The Fund for Peace, 2010 (http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=452&Itemid=900).

15. Freedom in the world 2011: The authoritarian challenge to democracy. Freedom House, 2011 (http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/FIW%202011%20Booklet_1_11_11.pdf).

16. Freedom of the press 2010: Broad setbacks to global media freedom. Freedom House, 2010 (http://www.freedomhouse.org/uploads/pfs/371.pdf).

17. Global Information Technology Report 2009–2010: ICT for Sustainability. World Economic Forum, 2010 (http://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2010.pdf).

18. Global Peace Index Results Reports. Vision of Humanity (http://www.visionofhumanity.org/info-center/results-reports/gpi-results-and-reports/).

19. International Living's 2011 quality of life index reveals best climate in the World / International Living, 2011 (http://www1.internationalliving.com/qofl2011/).

20. Nations in Transit 2010. Freedom House, 2010 (http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=551).

21. Open Data. The World Bank (http://data.worldbank.org/indicator).

22. State Fragility Index and Matrix 2009. Centre for Systemic Peace, 2010 (http://www.systemicpeace.org/SFImatrix2009c.pdf).

23. The 2010 Legatum Prosperity Index Report. The Legatum Institute, 2010 (http://www.prosperity.com/downloads/2010ProsperityIndexFullReport.pdf).

24. The Global Competitiveness Report 2010–2011. World Economic Forum, 2010 (http://www3. weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf).

25. The Worldwide Governance Indicator (WGI) project. World Bank (http://info.worldbank.org/ governance/wgi/index.asp).

26. United Nations e-government survey 2010: Leveraging e-government at time of financial and economic crisis, 2010 (http://www2.unpan.org/egovkb/global_reports/10report.htm).

А.В. Шентякова

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЭЛИТА: КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ «ПРЕЗИДЕНТСКОГО РЕЗЕРВА»*

Шентякова Анна Владимировна – сотрудница факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

В 90-е годы происходили изменения во всех сферах общества. Одни считают, что в ходе реформ 1990-х годов произошла смена элит, а бывшая номенклатура сошла с политической арены, уступив свои позиции представителям новой элиты (2; 3). Другие придерживаются мнения, что никакой смены элит вообще не было, а прежняя номенклатура de facto осталась у власти (7). Существует и точка зрения, согласно которой элиты как один из институтов подверглись существенной трансформации (6, с. 35). Однако трансформация не означает обязательно смену элит.

Смена элит предполагает качественные изменения в структуре и характеристике элит, а трансформация может ограничиваться изменением соотношения сил различных элитных групп внутри властвующей элиты. Исследования элитологов показывают, что по своим социально-демографическим характеристикам современный правящий слой заметно отличается от руководящей советской номенклатуры. Отечественные исследователи высказывают мнение, что в России произошла не просто трансформация элиты, а «элитная революция» и, как следствие, «кадровая революция» (1, с. 16). Под термином «кадровая революция» в научной литературе понимается «более или менее значительная замена кадров в какой-либо сфере» (10, с. 23). Последнее время термин «кадровая революция» определяется как более или менее значительная замена кадров. Особенность этого процесса заключается в кратковременном изменении состава властной элиты. При этом качественного изменения социально-демографических составляющих элиты не происходит. По мне-

* *Статья перепечатывается из сборника «Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ» (СПб., 2010. – С. 49–56).*

нию отечественных исследователей (10, с. 30), кадровая революция как социальная технология и как инструмент изменения состава властной элиты возможна «при этатистской социальной системе или при авторитарном режиме». При демократическом режиме кадровая революция как технология может быть применена лишь в отношении административного аппарата. Но при любом типе общества основанием для проведения кадровой революции является «институциональное рассогласование формальных и неформальных практик. Это рассогласование не удается разрешить традиционными формальными средствами, которые оказываются бессильными перед такими неформальными практиками» (там же). При анализе современной российской властной элиты вопрос о необходимости проведения подобной кадровой революции остается открытым, но появление списка «кадрового резерва» позволяет рассматривать такой шаг президента как подготовительный этап для кадровой революции.

Центральное место в исследованиях элит отводится каналам и механизмам рекрутирования. Это связано с изучением типов политических карьер, процессов воспроизводства и трансформации элиты. Необходимо учитывать и тип рекрутирования. Например, отечественный исследователь Г.К. Ашин выделяет два типа рекрутирования – открытый и закрытый: «Открытый тип обычно основывается на отборе, имеющем вид честного конкурса, при котором решающими являются личные качества человека, его способности, образованность, нравственные характеристики, а не анкетные данные, не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе… если превалирует принцип выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато “своего” человека… – это означает закрытый тип селекции» (2, с. 86). По мнению большинства специалистов, для элиты последних пяти лет становится характерным более закрытый тип рекрутирования. Очевидно, что качество элиты во многом зависит от принципов ее рекрутирования. Исследование рекрутирования политической элиты, посредством которого формируются законодательные и исполнительные органы государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений, предполагает изучение процесса вовлечения людей в политику, выдвижения их на руководящие политические посты, выстраивания политических контактов, анализ карьерных лестниц. В западных государствах рекрутирование элиты институализировано, осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами, в результате чего персональный состав элиты с большей или меньшей периодичностью обновляется, а сама элитная структура остается в значительной мере неизменной. Иначе обстоит дело в условиях ломки всей политической системы, в периоды политической нестабильности. Тогда происходит трансформация или смена элит: люди, занимавшие ключевые позиции в государствен-

ном управлении, лишаются своих постов, возникает много вакансий, которые заполняются с нарушением обычных рутинных правил. Одни из важнейших моментов рекрутирования элиты – широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющий отбор элиты (селекторат), и процедура этого отбора.

Вопросы рекрутирования современной российской элиты продолжают вызывать дискуссии среди специалистов. Изменения в практиках выдвижения на высокие позиции и появление новых каналов рекрутирования связывают с успешностью проводимых реформ. Вхождение определенной доли «новичков» повышает «репродукцию и легитимность правящей группы» (13, с. 421). При анализе современной властной элиты России многие отечественные исследователи указывают на то, что этап «первичной стабилизации» закончился. Элита от открытого состояния постепенно переходит к состоянию закрытости (14, с. 103). Каналы рекрутирования стабилизировались, бассейн рекрутирования уменьшается. Тем не менее в 2008 г. президент Д. Медведев объявил о формировании «кадрового резерва», который позволит провести «всестороннюю модернизацию.., основанную на ценностях и институтах демократии» (15). В кадровый резерв, по словам президента Д. Медведева, попали лучшие управленцы страны. «Управленческие способности – вот основной критерий, на который ориентировались эксперты, подбирая кандидатов для президентского резерва». Оценивали кандидатов и по таким параметрам, как образование, успешность, стратегическое мышление, профессионализм, общественное признание.

Такое решение предполагает, что нынешняя управленческая элита со своей задачей справляется плохо, а результат не удовлетворяет президента и его администрацию. Резерв нужен, чтобы сменить основные силы. Свежие резервы «бросают в бой», когда остальные выдохлись. Проведение курса модернизации требует соответствующего кадрового обеспечения. Появление такого списка позволяет предположить, что в верхних эшелонах власти существует понимание того, что старые кадры не способны провести модернизацию в силу инертности мышления, неспособности перестроиться, сменить стиль мышления, метод работы и образ жизни. Они способны тормозить внедрение нововведений и реформ.

Интерес к социальной структуре элиты объясняется тем, что однородность социального происхождения рассматривается в качестве одного из значимых показателей интегрированности элиты. Уровень сплоченности является в определенной степени показателем дееспособности элиты и стабильности политической системы вообще. Поэтому в качестве объекта исследования выбрана так называемая «президентская сотня».

Анализ качественного состава «президентского резерва» позволит оценить, насколько этот резерв способен реализовать объявленный президентом страны курс модернизации. Для исследования используются критерии, пред-

ложенные научным коллективом Социологического института РАН под руководством А.В. Дуки (5, с. 137). Предметом исследования выбраны несколько социально-демографических параметров, таких как пол, возраст, тип первого высшего образования и социально-профессиональной группы, из которой набирались кандидаты в этот список. Официально были объявлены следующие критерии для отбора: возраст 25–50 лет, «высшее образование, управленческие способности, компетентность, успешность, способность к стратегическому мышлению» (8). Главное препятствие для попадания в кадровый резерв – наличие судимости, причем учитывалась судимость, полученная и в советское время. Поводом для исключения из списка могли стать и коррупционные скандалы. В первую сотню президентского резерва попали 90 мужчин и десять женщин. Самым молодым из них является Владимир Назаров (родился в 1982 г.), самым старшим – Гарри Минх (1959 г. р.).

Первый параметр – это возраст, так как при формировании списка был применен возрастной ценз – не старше 45 лет. В связи с этим ограничением были выделены две возрастные группы: 25–35 и 35–45 лет. Выбор двух градаций объясняется межпоколенческими различиями, которые влияют на возможности человека быстро адаптироваться к изменениям. Старшая возрастная группа (35–45 лет) проходила этапы социализации в позднюю советскую и перестроечную эпоху, а более молодая (25–35 лет) – в период демократических реформ Б. Ельцина (табл. 1).

Таблица 1

ВОЗРАСТ «ПРЕЗИДЕНТСКОЙ СОТНИ» (%, N = 100)

Возраст, лет	*Доля*
25–35	48
35–45	52

Из данных таблицы видно, что обе возрастные группы представлены практически в равных долях с незначительным перевесом в 4% кандидатов старшей возрастной группы (52%).

Обратим внимание, как распределяется возраст по гендерному признаку (табл. 2). От общего числа кандидатов первой сотни списка 10% составляют женщины.

Таблица 2

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (%, N = 100)

Пол	*Возраст*	
	25–35	*35–45*
Мужчины	44	46
Женщины	4	6

Среди мужчин и женщин количество людей в возрасте от 35 до 45 лет распределяется примерно поровну с незначительным перевесом второй возрастной категории (у мужчин – 44% из первой возрастной группы и 46% – из второй; у женщин – 4% из первой группы и 6% – из второй).

Одна из значимых характеристик способности элиты реализовывать государственное управление в соответствии с требованиями и стандартами нового поколения – это тип высшего образования. В советский период и первые десять лет после распада СССР во властной элите присутствовала значительная доля людей, не имевших никакого высшего образования. Последние десять лет (2000–2010) характеризуются качественными изменениями властвующей элиты, когда наличие высшего образования уже является критерием отбора в высшие эшелоны власти. Для анализа были выделены три типа высшего образования: техническое, гуманитарное и социально-экономическое (в эту третью категорию вошло экономическое, управленческое, юридическое, социологическое и политуправленческое образование). Исследователи отмечают разницу в установках и стереотипах между так называемыми «технократами» и «интеллигенцией» – «последние в большей степени, чем первые, поддерживают политические свободы» (4, с. 139).

Таблица 3

СООТНОШЕНИЕ ТИПА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛА (%, N = 100)

Тип	*Техническое*	*Гуманитарное*	*Социально-экономическое*
Мужчины	56	10	24
Женщины	4	3	3

Данные таблицы 3 демонстрируют, что среди мужчин превалируют люди с техническим образованием (56%), а гуманитарное образование присутствует только у 10% кандидатов из списка. В отличие от мужчин, у женщин распределение по этим трем группам более равномерное (техническое образование – 4%, гуманитарное – 3 и социально-экономическое – 3%). Получается, что из 100% кандидатов 60% имеют техническое образование. Доминирование технократии было свойственно советской номенклатуре с начала 1960-х годов, в связи с выдвижением на руководящие должности «специалистов народного хозяйства» (12, с. 74). Доминирование технократов в управленческой элите ведет к «тоннельному видению проблем и шаблонных путей их решения» (4, с. 186). Если обратить внимание на то, каким образом распределяется тип образования в разных возрастных группах, можно говорить о положительной динамике (табл. 4).

Таблица 4

СООТНОШЕНИЕ ТИПА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОЗРАСТА (%, N = 100)

Возраст, лет	*Тип высшего образования*		
	Техническое	*Гуманитарное*	*Социально-экономическое*
25–35	25	11	12
35–45	39	5	8

Первая возрастная группа (25–35 лет) представляет молодое поколение, которое получало высшее образование в середине 1990-х и в 2000-е годы, что объясняет уменьшение доли лиц с техническим образованием и увеличение доли людей с гуманитарным и социально-экономическим образованием. В постперестроечные годы ощущалась нехватка профессионалов с экономическим и юридическим образованием, что обусловило престиж и востребованность среди молодежи этих типов образования. Кандидаты из второй возрастной группы (35–45 лет) в большей степени наследуют традиции советского периода, среди них доля лиц с техническим образованием значительно выше (39%) доли лиц с гуманитарным (5%) и социально-экономическим (8%) образованием.

Региональная принадлежность кандидатов демонстрирует значительный перевес москвичей: из 100 кандидатов – 69 человек на момент попадания в список работали в Москве, пять – в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, по два человека – в Ростовской, Самарской, Волгоградской, Тюменской, Пермской, Свердловской областях и в Татарстане.

С точки зрения горизонтальной мобильности в списке находятся 67 руководителей различных структур и 28 заместителей и помощников.

Среди 34 представителей федеральных органов власти 26 – занимали на момент попадания в резервный список посты в правительственных министерствах и ведомствах, по четыре человека работали в Госдуме и администрации президента. Больше всего чиновников (пять человек) попали в список из Минэкономразвития РФ. Минфин, Минрегион и Минпромторг РФ делегировали по три человека. Среди 24 чиновников, представляющих органы власти субъектов Федерации, преобладают представители региональных администраций и правительств – 18 человек. В местных парламентах и мэриях работают по три «резервиста».

Бизнесменов в списке 32%. При этом двое из них представляют федеральный фонд и госкорпорацию, еще один работает главным редактором телеканала «Вести». Среди предпринимателей наибольший вес имеет финансовый сектор – 11 человек. На втором месте горнометаллургические и юридические компании – по три «резервиста». Из IT-сферы в список попали два человека. В числе представителей бизнеса в кадровый резерв вошли та-

кие известные бизнесмены, как генеральный директор «Уралкалия» Владислав Баумгертнер, старший вице-президент РЖД Федор Андреев, председатель правления и гендиректор «Русала» Александр Булыгин, гендиректор «Яндекса» Аркадий Волож, гендиректор «Ингосстраха» Александр Григорьев, президент-председатель правления банка ВТБ24 Михаил Задорнов, директор и председатель правления X5 Retail Group N. V. Лев Хасис и др. (8). Если использовать терминологию отечественного специалиста по изучению российских элит О. Крыштановской, то основными «группами-поставщиками» в президентский резерв стали административная, экономическая и в меньшей степени политическая элиты как федерального, так и регионального уровня (табл. 5).

Таблица 5

ЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ-ПОСТАВЩИКИ (%)

Группы-поставщики	*Федеральная элита*	*Региональная элита*
Административная элита	46	41
Экономическая элита	40	32
Политическая элита	7	16

Из данных таблицы 5 видно, что на федеральном уровне административный и экономический сегменты представлены более равномерно, чем на региональном (администраторов – 41% и бизнесменов – только 32%). Это демонстрирует приоритетные позиции местных администраций по сравнению с экономической элитой в регионах.

Заметно слабее представлена политическая элита как федеральноо, так и регионального уровней. Но список формировался как резерв управленческих кадров, следовательно, приток из политического сегмента не является необходимым. Анализ данных таблицы 6 позволяет оценить удельный вес разных групп-поставщиков.

Таблица 6

ГРУППЫ-ПОСТАВЩИКИ В ПРЕЗИДЕНТСКИЙ РЕЗЕРВ

Группы-поставщики	*Удельный вес, %*
Администраторы федерального уровня	36
Администраторы регионального уровня	23
Экономическая элита	32
Интеллигенция	9

В президентском списке больше всего чиновников федерального уровня власти – 36%, а чиновников из регионов значительно меньше – всего 23%. Представители экономического сегмента лишь незначительно отстают от фе-

деральной административной группы – 32% от общего числа кандидатов. Из интеллигенции в президентском списке только 9%. Большой удельный вес администраторов представляется нелогичным, если данный резерв планируется использовать для проведения курса модернизации.

Анализ состава кадрового резерва позволяет говорить о том, что у власти нет четкой, разработанной и продуманной позиции в вопросе необходимости смены управленческой элиты. Отсутствие четких параметров отбора кандидатов демонстрирует закрытость процессов рекрутирования и ставит под сомнение способность властной элиты провести необходимую ротацию кадров для реализации курса модернизации.

Литература

1. Аврамова Е.М., Дискин И.Е. Социальные трансформации и элиты // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3.

2. Ашин Г.К. Рекрутирование элиты // Власть. – 1997. – № 5.

3. Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3.

4. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В. Российские региональные элиты: Инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе. – СПб., 2008.

5. Глобализация в российском обществе. – СПб., 2008.

6. Дискин И.Е. Россия: трансформация и элиты. М., 1995.

7. Киселёв И.Ю. Политическая элита: Ее сущность и психология. – Ярославль, 1995.

8. Коммерсантъ. 2009. № 29 (4084). 18 февраля.

9. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М., 2005.

10. Мохов В.П. Государственная бюрократия как инструмент консолидации российских властных элит // Элиты и власть в российском социальном пространстве. – СПб., 2008.

11. Мохов В.П. Кадровая революция в процессах социальной трансформации властной элиты // Власть в России: Элиты и институты / Под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2009.

12. Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России: Историко-социологический аспекты. – Саратов, 1995.

13. Орех Е.А. Изучение механизмов рекрутирования во власть в современной российской элитологии: Постановка проблемы // Властные элиты современной России. – Ростов-на-Дону, 2004.

14. Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элиты на рубеже XX–XXI вв.: Особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти // Властные элиты современной России. – Ростов-на-Дону, 2004.

15. Послание Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию. 2009 г. URL: www.duma.gov.ru

С.А. Королёв

ПОСТСОВЕТСКАЯ ФИРМА КАК МИКРОСОЦИУМ ВЛАСТИ

Королёв Сергей Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

В данной статье постсоветская фирма рассматривается не как экономическая, производственная ячейка, а как специфическая дисциплинарная структура. Мишель Фуко – пионер в исследовании дисциплинарных технологий, проанализировал дисциплинарные механизмы, действующие в таких микросоциумах и таких институционализированных сегментах социального пространства, как армия, больница, тюрьма, исправительные заведения, школа и т.д. Отмечу, что в процессе изучения становления и бытия дисциплинарных технологий в России круг анатомируемых объектов был нами расширен за счет таких микросоциумов власти, как кадетский корпус, трудкоммуна, советское студенческое общежитие, коммунальная квартира в связи со всем коммунальным пространством, в котором она существует (ЖЭК, домком, товарищеский суд, партийная организация по месту жительства и т.д.)[1]. Постсоветская фирма заканчивает этот ряд архетипических или, скорее, возникших на стыке тех или иных архетипических структур симбиотических микросоциумов, причем, заканчивает его уже за хронологическими границами советской эпохи и за типологическими границами советской тоталитарной системы.

1. См.: Королёв С.А. Истоки дедовщины: двухмассовая система как технологическая модель // Философские науки. – 2003. – № 6, 7, 8; Королёв С.А. Трудкоммуна. Фабрика автоматической дисциплины // Философские науки. – 2003. – № 1; Королёв С.А. Студенческое общежитие «периода застоя». Эрозия регламентирующих технологий // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 7; Королёв С.А. Коммунальные структуры переходного времени: Власть вне контроля? // Россия и современный мир. – 2003. – № 2.

1. Труд и дисциплина

Внедрение дисциплины как определенного модуса власти было реакцией этой последней на вызовы двоякого рода: во-первых, на вызовы внешние, катастрофичные, форс-мажорные (войны, эпидемии и т.п.). Но в то же время дисциплинарные технологии явились ответом власти на некие имманентные вызовы, в частности, обусловленные возникновением и становлением общества взаимозависимости, основанного, в отличие от античного, на труде свободных производителей (6, с. 58).

М. Фуко подчеркивал то обстоятельство, что ***техники власти были придуманы именно ради того, чтобы должным образом отозваться на потребности производства***. При этом он пояснял, что имеет в виду «производство» в широком смысле этого слова (вплоть до «производства» разрушения, что является функцией армии) (5, 241). Однако несомненно, что широко понимаемое производство вбирает в себя и производство в самом узком, непосредственном смысле. Причем не только производство товаров, но и их реализацию (торговая фирма «производит» продажи), и производство услуг, и, наконец, генерирование и осуществление (тоже своего рода «производство») управленческих решений.

Труд, по Фуко, имеет три функции – производительную, символическую и функцию муштры, или дисциплинарную. В силу специфики своих научных интересов Фуко (по его собственному признанию) занимался в основном людьми, которые были помещены вне кругооборота производительного труда: безумцами, больными, заключенными, детьми, т.е. теми, для кого труд в том виде, в каком они должны его осуществлять, имел главным образом дисциплинарный смысл (5, 241). Акцент на дисциплинарной ценности труда означает, по сути дела, что инстанцией, организующей процесс труда, он рассматривается ***как вид муштры***. Можно сказать, что труд, который реализует свою дисциплинарную функцию, не имеет смыслов, специфических для процесса труда, но реализует некие властные смыслы.

Для исследователя в равной мере важны все три функции, тем более что, как замечает Фуко, они чаще всего уживаются вместе. Но в нашем исследовании производительная функция некоторым образом отступает на второй план по сравнению с двумя другими.

Отметим, что две последние функции, символическая и дисциплинарная, часто сливаются в проводимых властью акциях и инициируемых и дирижируемых ею процессах. Тот же советский субботник является и формой символического труда («мой труд вливается в труд моей республики»), и формой дисциплинирования (жесткий контроль над явкой и неявкой на мероприятие, предполагавший определенного рода санкции для уклонившихся и поощрения для участвующих). Субботник (воскресник) – это один из множества

мелких частных инструментов выработки *послушного индивида*, часть более глобального технологического механизма, в котором практический результат деятельности, например работы по уборке улиц, имеет отчетливо второстепенное значение. Равным образом, участие студентов в советских выборах в качестве (обычно) агитаторов – это символическое (хотя не вполне добровольное) ассоциирование себя с ценностями и основополагающими практиками системы и в то же время деятельность, жестко контролируемая и «надзираемая», создающая дисциплинарное поле нередко ради воспроизводства самого этого поля.

В целом же можно сказать, что советская система была очень последовательной и идеологически детерминированной попыткой ввести и утвердить определенные виды символического (или символического дисциплинирующего) труда как средство воспитания нормальных, здоровых индивилов и социальных групп, отнюдь не безумных и не чумных.

2. Паноптикон как дисциплинарный архетип

Символический труд, труд-муштра, труд, «производящий», «вырабатывающий» управляемого индивида и не имеющий адекватной экономической мотивации, не может утверждаться в микросоциуме без действенных инструментов контроля. Ибо такого типа труд имманентно не содержит в себе естественной и понятной с точки зрения здравого смысла мотивации. Хотя, само собой разумеется, инструменты надзора и контроля необходимы и для осуществления и контроля над процессом труда производительного, по умолчанию необходимого и неизбежного, труда, на котором зиждется экономика и общество.

Не будем здесь описывать действие бентамова Паноптикона (Le Panoptique), в котором Фуко увидел действующую модель новых технологий властвования, новую механику надзора и контроля. Задумаемся над тем, что сегодня в начале XXI в. важно для нас в механизме *типа Паноптикона* или, если поставить вопрос шире, в этом типе механизмов осуществления власти и контроля, ориентированных на непосредственное наблюдение, создающих постоянно существующий *взгляд власти*? Что здесь является архаикой и что – гениальным предвосхищением будущего устройства социального пространства? Прежде всего, конечно, важно то, что системы типа Паноптикона – это механизмы *перевода взгляда внешнего, наблюдающего индивида извне, в план внутренний*, в план *само*контроля. Еще одна цитата из Фуко, характеристика Паноптикона и перспектив трансформации связанного с ним типа надзора: «*Мы имеем взгляд… с которым каждый, ощущая, как он тяготеет над ним, придет в конце концов к тому, что* ***интериоризирует его настолько, что будет наблюдать самого себя****, и, таким образом, каждый будет осуществ-*

лять подобное наблюдение над самим собой и против самого себя» (5, 233, выделено мной. – *С.К.*). Происходит трансформация прямого взгляда власти, перевод плана контроля в план самоконтроля, надзора – в самонадзор. Здесь, кстати, очень уместно будет вспомнить то, что писал о становлении механизмов самоконтроля и подавления собственной спонтанности Норберт Элиас. Самоконтроль, по его убеждению, встроен в цивилизацию и является одним из условий ее становления.

Фирма – и досоветская, и советская, и постсоветская – это в некоторых случаях эвентуальное пространство непосредственного, бентамовского надзора. В других случаях – это пространство надзора многоступенчатого, основанного на обработке информации не непосредственной, визуальной, а текстовой или вербальной, опосредованной фигурой (фигурами) информатора. Но и то, и другое приводит к своеобразной *самоцензуре поведения*, включенного в микроструктуру индивида.

В современном мире «большое» пространство становится насыщенным взглядами и проницаемым по модели Паноптикона, по типу *микро*социума. Улицы и площади городов во множестве стран мира (не исключая и Россию) насыщены видеокамерами, фиксирующими все происходящее в окружающем пространстве.

Естественно, и микропространство учреждений *типа фирмы* становится проницаемым для надзирающего взгляда, как прямого, взгляда руководителя, топ-менеджера, и руководителей подразделений, так и «технологического глаза», систем видеоконтроля. Из записок бывшей сотрудницы московской FM-радиостанции: «Видеокамеры стояли везде, поэтому каждый сотрудник был под абсолютным контролем, штрафы за то, что ты долго куришь или обедаешь, уже не удивляли никого, и если даже в сортире задержишься, то голос великого (*директора радиостанции. – С.К.*) сообщал по громкоговорителю на весь офис “Мария вернитесь из туалета на свое рабочее место”, так что мы всегда знали, у кого из сотрудников сегодня проблемы с пищеварением» (1).

Контроль и проникновение взгляда власти в том или ином виде обеспечиваются не только наличием и расположением видеокамер, но и конфигурацией рабочих мест, распределением сотрудников в микропространстве. Наконец, существует коллективный визуальный контроль, в сфере которого оказывается каждый отдельный сотрудник, каждый индивид. Новая сотрудница сделала в офисе несколько снимков мобильным телефоном – к концу рабочего дня начальник подразделения уже информирован об этом и выражает свое негативное отношение.

Система паноптизма или, что точнее, когда речь идет о начале XXI в., псевдо- и одновременно гиперпаноптизма, с одной стороны, архаична, ибо эксплуатирует механизмы контроля, открытые еще в конце XVIII в. и, следо-

вательно, в той или иной степени основывается на ментальности, сформировавшейся именно в это время, является проявлением и отражением этой ментальности, ориентирована на ее воспроизводство. Но, с другой стороны, она – суперсовременна, поскольку использует новейшие технические средства и дает возможность не только непосредственно *наблюдать*, здесь и сейчас, но и *фиксировать*, сохранять данные, документировать, накапливать дисциплинарные записи, но уже не в форме текста, а виде изображения, закрепленного на современных носителях.

Ограниченность этой системы заключается не только и, возможно, не столько в том, что Паноптикон навязывает прямой надзирающий взгляд власти. Проблема также и в том, что в этой модели отсутствует один важнейший фактор, а именно – феномен *сопротивления*. Он изначально полагается несуществующим. Между тем человеческий материал сопротивляется надзору в конструкциях типа бентамова Паноптикона, сопротивляется в пространстве, контролируемом в условиях эпидемий, в любого рода модификациях тейлоровской системы, на заводах и в школах, в общежитиях и офисах. Сопротивление людей, причем во многих случаях эффективное, их нежелание быть пассивными объектами наблюдения и изучения, превращает властные технологии слежения в генераторы потенциальных конфликтов.

Кроме того, в определенных ситуациях и микросредах индивид не локализован жестко. Он может просто покинуть зону наблюдения, любовно выстроенный, выпестованный властью микросоциум, и переместиться в иной социальный ареал – возможность, которой были лишены обитатели бентамовой конструкции.

Паноптизм в XXI в. – это, несомненно, уже некая достаточно консервативная и даже архаичная, если говорить об эволюции и состоянии механизмов власти, идея. Тем не менее приходится констатировать выплеск этой архаики в начале XXI в., пусть и реанимированной на новом витке технологического прогресса, использующей IT-технологии. В известном смысле это симптом неспособности организовать иные констелляции властных техник и механизмов контроля.

3. «Офисный планктон» и иерархия в постсоветской фирме

Одна из базовых дисциплинарных процедур – иерархизация. В постсоветской фирме существуют три ясно различимых иерархических ступени, три социально-профессиональных кластера: менеджмент, эксперты и специалисты, «офисный планктон».

1. *Менеджмент.* Это, собственно, тот слой, в руках которого находятся инструменты и рычаги власти. Большинство постсоветских фирм существует сравнительно недолгое время. Менеджмент этих фирм – менеджмент вне

традиции, не имеющий перед глазами устоявшихся и принятых обществом образцов поведения и поведенческих табу. При этом успех руководителей, часто и создателей фирм, достигнутый в годы постсоветского «первоначального накопления», не имеет моральной легитимации и не признан обществом или значительными его слоями как закономерный и заслуженный. Равным образом он явно или подспудно не признается заслуженным и значительной частью сотрудников возглавляемых ими фирм. Как и в политике недостаток легитимности, дефектность легитимации и легитимирующих механизмов руководители компенсируют авторитаризмом, субъективизмом и имитацией непогрешимости.

При этом совокупность делегитимирующих факторов может непрерывно воспроизводиться, поскольку продолжаются злоупотребления, махинации, уклонения от уплаты налогов, коррупция, пренебрежение законом, которые не могут остаться вне поля зрения рядовых сотрудников и в которых они в той или иной мере вынуждены принимать участие, по крайней мере в качестве технических исполнителей. Как и некомпетентность, субъективизм, которые также видны рядовым исполнителям.

Предельным выражением субъективизма и тех или иных личностных аберраций сознания являются попытки руководителя навязать сотрудникам фирмы свои взгляды и ценности в сферах, которые выходят далеко за рамки профильной деятельности организации. Здесь фиксируются самые причудливые эманации индивидуального сознания и способы самовыражения. Например, президент компании «Русское молоко» Василий Бойко-Великий объявил летом 2010 г., что все сотрудники всех предприятий в рабочее и нерабочее время должны пройти в течение предстоящего года учебный курс «Основы православной культуры», утвержденный Министерством образования России; что из его компании будут уволены все сотрудники, находящиеся в браке, но не венчанные; что те, кто рассчитывает остаться работать в компании, должны обвенчаться до праздника Покрова Пресвятой Богородицы, т.е. до 14 октября; что также будут уволены все сотрудницы, когда-либо сделавшие аборт[2].

Этой генерации российских менеджеров присуща уверенность что, когда они имеют дело со своими сотрудниками, они не зависят от закона, что нормы закона в сфере взаимоотношений работник – работодатель не действуют или действуют в той мере, в какой это считает нужным работодатель. И что равным образом закон имеет мало отношения к их взаимоотношениям с бюрократическими аппаратами – здесь основными являются коррупционные

2. Обращение В. Бойко-Великого к сотрудникам «Русского молока» и всех компаний, входящих в группу компаний «Вашъ Финансовый Попечитель», было опубликовано на сайте компании – см.: http://rusk.ru/st.php?idar=43371

механизмы и личные связи, подкрепляемые и освежаемые материальной заинтересованностью чиновников. Именно менеджмент, помимо организации системы стратегических взаимодействий в микросоциуме именуемых властью, реализует противозаконные схемы получения и легализации доходов, «откаты», именно менеджмент вовлечен в разного рода коррупционные схемы, интегрирован в систему личных связей, которая противостоит в России нормам закона, и т.п.

2. *Специалисты, эксперты*. В банковской или финансовой структуре это эксперты по валютному рынку, по рынку недвижимости, по кредитам и т.д., и т.п. В небольшой торговой фирме, где меньшие масштабы и меньшая диверсификация функций, – это, по крайней мере, руководитель подразделения, осуществляющего продажи, детально знающий клиентскую сеть, главный бухгалтер, составляющий ежеквартальные отчеты в налоговую службу, руководитель компьютерной группы. А также служащие, чей статус связан с лежащими за рамками производственной сферы обстоятельствами и устойчивыми личными связями (например, начальник службы безопасности, работавший раньше в спецслужбах). Словом, речь идет о неких ключевых фигурах, аккумулирующих производственный опыт, информацию и квалификацию и не могущих в силу этих причин быть легко и безболезненно замененными.

По большому счету специалисты и эксперты – это очень тонкий слой очень немногочисленного пока российского среднего класса, своего рода островок формирующегося гражданского общества во внутрифирменном дисциплинарном пространстве.

3. «*Офисный планктон*». Прежде всего посмотрим, как определяет вынесенное в подзаголовок понятие энциклопедия. «*Офисный планктон – публицистическое клише, неологизм, используемый для обозначения широкой категории офисных служащих. Данный оборот речи аллегорически характеризует работников, сравнивая их с планктоном – морскими колониями простейших примитивных организмов. <…> Обычно "офисный планктон" определяют как массу мелких служащих; офисных работников низшего звена, которые не имеют подчиненных и никем не руководят*»[3].

«Офисный планктон» (далее ОП) – это слой, основной характеристикой которого является ***промежуточность существования*** во всех смыслах. А эта промежуточность, в свою очередь, делает его уязвимым и зависимым от власти и разного рода дисциплинарных механизмов. Промежуточность географическая: значительная часть ОП – мигранты, переместившиеся из городов / регионов, где прошли их детство и юность, в сегменты географиче-

3. См. текст соответствующей статьи в электронной Википедии – http://ru.wikipedia.org

ского пространства, где возможно получить более или менее достойную работу. Они уже чужие *там* и еще не свои *здесь*. Промежуточность профессионального статуса: нет безусловной, неоспоримой квалификации, она или только приобретается (случай работающих студентов), или данная *человеко-единица* используется для выполнения простой, неквалифицированной работы, которую могут делать все и каждый. Соответственно, работа ОП чаще всего монотонная, нетворческая. Как выразился один блогер: «*Закончить третьесортные институты, чтобы потом всю жизнь редактировать таблицы в Экселе? А многие из них ради этого специально приехали из разных далеких городов*»[4].

Соответственно, у ОП слабая мотивация и отсутствие моральных обязательств перед работодателем. Нередки попытки превратить работу в игру и отдых – или совместить работу с отдыхом. Уже общим местом стали сетования на то, что офисные сотрудники в рабочее время «сидят» в социальных сетях. Своеобразный постсоветский тип существования, синкретизм труда и отдыха в рабочее время на рабочем месте.

Чаще всего у ОП отсутствует не только квалификация (набор специализированных профессиональных знаний), но и элементарное общее образование (я имею в виду *качество* образования, а не наличие диплома). В частности, их знание русского языка и грамотность – чудовищны. Они пишут: *«из подтишка», «мой спутник не много растерялся», «проделай все за ново»* и т.д. Характерно также отсутствие культуры чтения и принадлежность к интернет-культуре, точнее, к самому поверхностному ее слою (форумы, чаты, сайты знакомств, социальные сети, а отнюдь не интернет-библиотеки). Книги, которые формировали предыдущие поколения, и содержащееся в них знание и некая жизненная мудрость элиминированы. ОП учится и образовывается сам, блуждая по Интернету.

Современный ОП – это уже во многом продукт деградации российского образования. Производное новой, коррумпированной образовательной модели, где огромная часть студентов просто платит за экзамены и зачеты и таким образом получает диплом.

Иллюзорность и шаткость финансового положения (многим просто не хватает денег на жизнь и на оплату квартиры одновременно; благополучные же имеют возможность купить в кредит автомобиль, но это чаще всего предел их возможностей). В значительной части жизнь ОП – это жизнь в кредит.

ОП остро ощущает свою зависимость от работодателя и озабочен прежде всего сохранением своего нынешнего места работы; увольнение порождает тысячи проблем не только профессионального, но и бытового, а то и бытий-

4. http://griphon-275.livejournal.com/90720.html

ного порядка. В Интернете можно найти множество записей, сделанных уволенными, в частности в ходе последнего экономического кризиса молодыми людьми, которые пишут, что не понимают, как они теперь будут выплачивать кредит, оплачивать проездной, тот же Интернет, телефон, приобретать разного рода учебные мелочи, вплоть до взноса на диплом и стол для преподавателей перед госэкзаменами.

Как следствие этой тотальной промежуточности и неопределенности – отсутствие позиций – гражданской, социальной, политической. Это или неинтересно (личные проблемы поглощают человека полностью) или просто невозможно: человек не может себе позволить выражения собственных взглядов по острым проблемам в виду уязвимости своего положения / места в служебной иерархии. По сути, ОП – это не граждане, а подданные, и остаются подданными и в макро-, и в микросоциуме. А главное, что ОП не обладает возможностями для отстаивания своих не то что гражданских, но элементарных прав как работника в той микроструктуре, в которую он включен; и в этом смысле они – *планктон*, поскольку «киты» могут просто пропустить их между зубов.

«Офисный планктон» – основной объект приложения дисциплинарных технологий. И основной субъект если не сопротивления им, то уклонения, ускользания, пассивного саботажа. В каком-то смысле «офисный планктон» – это антипод среднего класса. Это тот слой (или один из тех слоев, наряду прежде всего с традиционалистскими слоями), на котором (или на пассивности которого) держится авторитарная властная модель на макроуровне, в отличие от среднего класса на Западе, на который опирается современная демократия и который составляет основу гражданского общества.

4. Стимулы и санкции. Корпоративная культура

Специфика постсоветской фирмы в интересующем нас аспекте заключается в том, что здесь, в контексте разного рода модификаций и регламентирующих прожектов «корпоративной культуры», возрождается труд в его дисциплинарной функции, труд как муштра. От исполнителя требуют выполнения неких действий и функций, которые безотносительны «эффективности производства» (результатам профильной деятельности фирмы). Хотя речь идет не о маргинальных, анормальных группах типа умственно отсталых, сумасшедших, душевнобольных и т.д., как у Фуко, а о вполне «стандартном» (хотя и очень специфическом – смотрите сказанное выше об ОП) человеческом материале.

Главное, что отличает дисциплинарные структуры постсоветской фирмы от дисциплинарных структур советского учреждения, треста, НИИ, – это отсутствие опоры на действие макротехнологий и, соответственно, отсутствие

ограничителей, обусловленных макротехнологически. Технологический механизм микросоциума типа постсоветской фирмы располагается внутри самого это социума и действует здесь и сейчас. Здесь нет своеобразного раздвоения технологической машины, типичного для советской эпохи, параллельного действия «микро-» и «макро-», сосуществования чисто дисциплинарного и макротехнологичекого, воплощающего начало прямого принуждения. Как нет и советского типа симбиоза производственного и социального. «Агенты власти», сосредоточенные в руководстве фирмы, не являются продолжением, эманацией, отпрысками структур, контролирующих макропространство. Это не означает, что власть в микросоциумах стала мягче или «демократичнее». Она просто стала иной.

1. *Санкции и стимулы.* Дисциплинарный механизм, регулирующий деятельность постсоветской фирмы в ее властно-технологическом измерении, предполагает как действие неких негативных санкций, наказаний за служебные промахи и проступки, так и определенного рода поощрение и стимулирование, санкции позитивные. Наиболее характерной из карательных мер является штраф – форма дисциплинирования, порожденная изломом российского исторического времени в начале 90-х годов и абсолютно немыслимая при советской системе.

Штрафы – это действенный способ воспитания, дрессуры, муштры работника. Но в то же время это и экономия средств. В сущности, злоупотребление штрафами – это де-факто способ снизить издержки производства за счет переменного капитала, зарплат сотрудников. Разумеется, Трудовой кодекс РФ не предполагает такого вида наказания работника, как штраф. Однако штрафы существуют в иной, превращенной юридической оболочке (хотя есть структуры, где нормы ТК нарушаются прямо и откровенно). Де-факто штрафом является и лишение премий в ситуации, когда зарплата выплачивается легально, но значительная ее часть приобретает форму премий и различного рода бонусов, штрафом является и вульгарное уменьшение содержимого конверта с «серой» зарплатой.

Разумеется, штрафы – это не только инструмент дисциплинирования, но в той или иной степени проявление субъективности тех или иных руководителей, ситуационного раздражения, неприязни к тем или иным конкретным исполнителям и т.д.

Но дело не только в штрафах. *Как правило*, дисциплинирование, использование негативных санкций происходит в российских микросоциумах независимо от закона, как бы параллельно закону. Михаил Рыклин говорит в этой связи об иллегализмах в «дисциплинарных пространствах» (3). Я бы предпочел формулу «*иллегализм дисциплинарных пространств*», *российских* дисциплинарных пространств, подчеркивая самим определением, что подобного

рода иллегализм относится не к определенным технологическим аберрациям, а связан с самой природой этих пространств, имманентен им.

Необходимо также отметить, что дисциплинирование – это не только и не столько ***применение*** негативных санкций. Но больше и чаще – ***угроза*** их применения. Сознание того, что любой сотрудник может быть в любой момент подвергнут наказанию вплоть до увольнения, причем без соблюдения правил и процедур, предусмотренных трудовым законодательством, дисциплинирует работника ничуть не менее, чем реализация этой угрозы на практике, например демонстративно незаконное увольнение (или другого рода наказание) коллеги по работе.

М. Рыклин в свое время писал о *пульсирующей легальности* в советских социально-производственных единицах, правда, имея в виду более широкий контекст, функционирование всей социальной системы, а не только устройство такого ограниченного ее сегмента, как предприятие или учреждение. Философ констатировал, что легальность в подобного рода сегментах социального пространства *затаптывается*, с одной стороны, нормами обычного права, а с другой – указаниями разного рода контролирующих инстанций (4, 32).

Как это ни парадоксально, при изменении множества базовых параметров микросоциума типа «фирмы» в переходный из советской в постсоветскую эпоху период, феномен пульсирующей легальности остается. Но «пульс» легальности затухает настолько, что кривая, отображающая его биение на больничном мониторе, превращается едва ли не в прямую линию, как у уходящего в мир иной.

Что же касается стимулов, то в средней постсоветской фирме менеджмент, часто еще полусоветский по своей ментальности, стремится преуспеть на ниве поощрений, не связанных с серьезными финансовыми затратами. Вводится нечто вроде социалистического соревнования, порой в формах карикатурных или близких к карикатурным. По сути, те же советские почетные грамоты и фотографии на доске почета. Вот фрагмент из заметок человека, включенного в свое время в подобную систему отношений: «*Вообще у нас в офисе все время кого-то хвалят и поздравляют. Теперь я поняла, почему регулярно доносятся аплодисменты. "На этой неделе лидером сопровождения была бригада Мокрухиной. Поздравляем!" "Большие успехи на этой неделе сделал специалист Малышев. Поздравляем!" Малышеву вручают телефонную карточку "Билайн" стоимостью 250 рублей. Критерий качественной работы – некое число КПД, которое высчитывается, исходя из количества клиентов, доли срыва договоренностей и множества других факторов. Показатели КПД по бригадам еженедельно вывешиваются на всеобщее обозрение. В зависимости от КПД назначаются лучшие бригадиры, лучшие менеджеры и лучший отдел. Где-то я это недавно видела…*» (1).

2. *Корпоративная культура*. Корпоративная культура – это определенный дисциплинарный механизм, использующий помимо поведенческих стереотипов, трактуемых менеджментом в качестве нормы, разного рода искусственно созданные и целенаправленно внедряемые культурные и социокультурные стереотипы.

Михаил Рыклин указывал на ***колоссальную внутримирскую ритуализацию жизни*** в советской системе (4, 47). Она предполагала гигантскую ритуализацию производственного процесса – как правило, не самого процесса (процесса в смысле жесткой последовательности технологий производства), а создание вокруг него определенной ауры. От торжественной закладки первого камня в основание жилого дома или заводского корпуса или замурования туда послания потомкам до разрезания ленточки при открытии агрегата и расстановки флажков на станках передовиков. Но, в определенных случаях, *и производственного процесса как такового*, если понимать производство в том широком смысле, какое вкладывал в него Фуко (выше уже приводился этот пассаж французского философа). В тех случаях, когда производство – это не жестко детерминированный технологический процесс, а определенный – и свободно варьируемый – набор осмысленных действий, ведущих, эвентуально, к одному и тому же результату, ритуализация, дисциплинирование могут быть встроены непосредственно в ткань этого процесса. Проще говоря, сотрудница офиса может выполнять поручения своего начальника, передвигаясь в офисном пространстве как бегом, так и шагом.

В постсоветской фирме эта ритуализация преобразуется и существует уже в виде жестких и ригидных правил, определяющих нормы корпоративной культуры. И в то же время появляется новая, детально формулируемая и сознательно насаждаемая ритуализация, генезис которой – уже не советский, а западный. Хотя трудно сказать, в какой мере постсоветская корпоративная культура является рудиментом советской ритуализации, а в какой – представляет собой более или менее буквальное заимствование западных практик формализации внутрифирменных отношений.

К артефактам, составляющим корпоративную культуру, относятся гимны компаний, уставы поведения и памятки, формулирующие «корпоративные ценности», дресс-коды, церемонии и ритуалы типа посвящения в сотрудники – вплоть до корпоративов, посещение которых если не обязательно, то рекомендовано.

Корпоративная культура – это не только и не столько способ добиться некоего конкретного «производственного» результата, сколько способ дисциплинирования и дрессуры работника. Очевидно, подобная система взаимоотношений – указание сверху и безропотное исполнение – возможна только в ситуации, когда работник уязвим и зависим, когда он нужен фирме меньше, чем работа в фирме нужна работнику (в отличие от советской ситуации, для

которой было характерно экстенсивное развитие экономики и, соответственно, дефицит трудовых ресурсов).

Но и работнику в ситуации, когда прописка как условие получения работы отменена (де-юре – повсюду, а де-факто – в большинстве организаций), легче найти новую работу, чем ранее, он свободнее и в определенной степени независимее, чем был в советское время.

Поэтому баланс подобных мер и реакции на них работников сводится к колоссальной текучке кадров, когда фирмы продолжают существовать, заменяя одних представителей «офисного планктона» на других, а офисные работники кочуют из организации в организацию и, в общем, так или иначе, в той или иной степени оказываются в состоянии решать свои основные жизненные проблемы.

5. Деградация дисциплины

К деградации дисциплинарных технологий ведет прежде отсутствие технологических и не-технологических противовесов. Или, если хотите, то, что пространство власти постсоветской фирмы 1) не интегрировано в гражданское общество, не является его сегментом; 2) не находится в сфере, куда в состоянии проникнуть инструменты легальности, созданные государством.

В этой ситуации, во-первых, неизбежно возникает конфликт дисциплины, обеспечивающей труд производящий, и дисциплины, утверждающей труд как символическое действие или как дисциплинирующий процесс, дисциплинарной муштры.

Во-вторых, гипертрофируются и начинают играть непропорциональную роль личные особенности, специфика менталитета, этический уровень тех или иных представителей менеджмента. Как это ни парадоксально, зависимость работника советской «фирмы» от самодурства начальника была меньшей, чем у служащего фирмы постсоветской – поскольку в советском микросоциуме и начальник, и работник сознательно или подсознательно исходили из презумпции, что главным, настоящим хозяином всего является *государство*. А в постсоветской фирме менеджер ощущает себя едва ли не абсолютным властителем душ и тел.

И, в-третьих, – это самый худший вариант – флюиды *антигражданского общества*, в которое встроено руководство большинства постсоветских фирм, начинают разливаться по всему микросоциуму. Сотрудники начинают вовлекаться в деятельность, которая по своей сути является противозаконной.

Ситуация гипертрофии и деградации дисциплины порождает определенного рода типовые конфликты, в частности конфликт экономически целесообразной организации труда, которая рационально или интуитивно осознается любым работником, и дисциплины-муштры, тренинга, итогом которого

должно стать создание послушного индивида. Но этот конфликт опосредуется сознанием индивида и часто воспринимается как конфликт с начальством.

Из уже цитированных выше записок бывшей сотрудницы московской FM-радиостанции:

«*Пришел факс, несу ему (директору – хозяину – президенту радиостанции, фигурирующему в записи под инициалами "Д.С.". – С.К.), у него кабинет был на втором этаже с балкончиком, стоит это чудо на своем балкончике и смотрит как все работают, тут засекает мое движение и начинает <…> глумиться:*

Д.С. – Маша вернись на место и проделай все заново.

Возвращаюсь в <…> думаю что что-то забыла, смотрю все в порядке и снова иду к нему.

Д.С. – Маша вернись на место и проделай все заново.

Я – А в чем собственно проблема?

Д.С. – Маша вернись на место и проделай все заново.

Возвращаюсь и понимаю, что реально <…> стоит и от нечего делать угорает, но иду обратно.

Д.С. – Маша вернись на место и проделай все заново.

Я – Объясните мне, что конкретно Вам нужно!!!

Д.С. – У нас в офисе не ходят, а бегают, так что вернись на место и пока не научишься бегать, не приноси мне ничего.

Вернулась на место и получала поминутные штрафы за вовремя не принесенный факс, но мне <…>, т.к. бегать <…> я никогда не буду»[5].

Муштра в чистом виде. Дисциплина, воспитывающая прежде всего автоматический, рефлекторный конформизм и послушание.

Конечно, подобный стиль организации внутрифирменных отношений вызывает естественное неприятие индивида. И чем выше уровень развития социума, чем более зрелым является гражданское общество, чем больше мера свободы человека, чем увереннее он осознает себя в этом мире, тем значительнее его сопротивление эманациям символического труда и бессмысленной муштры.

Ограничитель произвола, дисциплинарного давления и субъективизма в микросоциумах типа постсоветской фирмы, в сущности, один – это сопротивление человеческого материала, который может выразиться в неожиданных, нестандартных и даже очень неявных формах.

Ибо гипертрофированные дисциплинарные амбиции, необоснованные штрафы, бессмысленная муштра, как любые дисциплинарные техники, по-

5. Из жизни сотрудницы радио. Опыт концлагеря // http://compromat.ru/main/prismi/serdozhd.htm

рождают сопротивление. Еще одна цитата из интернет-форума: «*А вот если штрафовать сотрудников, которые могут делать "левак" (склад, розничные точки, иногда бухгалтерия, отдел продаж и т.д.), то, боюсь, люди попытаются это компенсировать, и воровство достигнет потрясающих масштабов. Чувство справедливости у людей так развито, что за штраф 10 рублей, они работодателя по-своему "оштрафуют" на 1000 рублей. Проверено, даже очень лояльные и честные сотрудники могут так среагировать*»[6]. Из рассказов одного своего знакомого бизнесмена помню, как уволенный (неважно, справедливо или несправедливо – он-то, несомненно, считал, что несправедливо) руководитель компьютерного отдела перед уходом стер все базы данных во всех компьютерах, а это была фирма, занимающаяся финансовой информацией и изданием соответствующих справочников.

Короче говоря, сотрудники и руководство, власть и *те-кто-под-властью*, – взаимозависимы, и менеджмент постсоветской фирмы как один из аппаратов, аккумулирующий какие-то крохи диффузно и неравномерно распределяемой в макросоциуме власти должен постоянно помнить о том, что дисциплина как таковая – это не односторонняя зависимость (как об этом уже было заявлено в начале статьи) и не произвольно выстраиваемый набор мер и санкций, а фундаментальная, базовая реакция на *взаимо*зависимость, язык, на котором власть общается с *теми-кто-под-властью*. И что в определенной ситуации, в особенности, в ситуации гипертрофии дисциплинарных технологий, дисциплинируемые могут найти неординарные формы сопротивления, трансформируя при этом свою послушность в эманации начал разрушительных, вплоть до готовности *донести* и *навредить*.

Дисциплинарные технологии в не-гражданском обществе, т.е. в отсутствие того, что я называю «технологиями гражданского общества», превращаются в свою противоположность. В фактор, разрывающий пространство власти, создающий в нем лакуны и провалы, в нечто, провоцирующее нестабильность и хаос. Поэтому попытки использовать дисциплинарные техники вне осознания ситуации взаимозависимости ведут к дегенерации самих дисциплинарных технологий. А это может оказаться пагубным как в масштабах макросоциума, в «большом» пространстве власти, так и на микроуровне с точки зрения выживания фирмы / компании в жестокой конкурентной среде.

Сегодня в России мы не видим свидетельств того, что власти стремятся использовать дисциплинарность сверх меры подобно тоталитарным режимам. Но поскольку дисциплинарности объективно нет альтернативы и противовеса в виде технологий гражданского общества, она расползается, разрастается подобно раковой ткани, принимая порой уродливые очертания и

6. http://www.rabota.ru/v3_forumMessageList.html?tid=610930

формы. Как воспрепятствовать этому? Ответ очевиден – отнюдь не выстраивать и совершенствовать «вертикаль власти», задавливая все мыслимые противовесы ей, а напротив, постепенно, сегмент за сегментом, выращивать гражданское общество. Или хотя бы не препятствовать этому процессу.

Литература

1. Вишневецкая Ю. Как выжить в офисе. Организация труда в России: Между психушкой и артелью // Русский репортер. – 2008. – № 12.

2. Подорога В.А. Апология политического. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

3. Рыклин М. Иллегализмы в «дисциплинарных пространствах» // http://www.uni-konstanz.de/FuF/Philo/LitWiss/Slavistik/Conference/Ryklin.htm

4. Рыклин М.К. Сознание и власть: советская модель // Бюрократия и общество. – М.: Философское общество СССР, 1991.

5. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. – М.: Праксис, 2002.

6. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х томах. – Т. 2. – М.; СПб., 2001.

Е.А. Сидорова

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сидорова Елена Александровна – научный сотрудник ИМЭМО РАН, преподаватель МГИМО (У) МИД России.

I. Государственный бюджет и экономический рост

Под воздействием глобального экономического кризиса в 2009 г. резко ухудшилось состояние государственных бюджетов всех европейских стран, включая Россию. Произошло сокращение налоговых поступлений, увеличение госрасходов на поддержку финансовой системы и интенсивное увеличение государственной задолженности.

Как следует из приведенных в таблице 1 данных, в России, несмотря на относительно благополучные – на общеевропейском фоне – показатели экономического роста, баланс госбюджета в 2009 г. снизился больше по сравнению с 2008 г., чем в странах ЕС – на 7,6 процентных пунктов (п.п.), проделав путь от положительного сальдо в 1,7% до отрицательного в 5,9%.

В большинстве стран ЕС дефициты госбюджетов наблюдались вплоть до 2009 г. В Великобритании, где правительство достаточно быстро отреагировало на финансовый кризис и экономическую рецессию, ухудшение баланса госбюджета в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составило 7,4 п.п. (с -11,5 до -4,9). Лондон как крупнейший в Европе финансовый центр наиболее пострадал от кризиса мировой финансовой системы.

В ФРГ и Франции падение, прошедшее низшую точку в 2010 г., оказалось менее глубоким, чем в Великобритании. Принятие решений экономического характера в этих странах осложняется их принадлежностью к еврозоне, необходимостью согласования национальных бюджетных политик и наднациональной денежно-кредитной политики. Правда, как видно из приведенных данных, ФРГ выступает «локомотивом» экономики еврозоны, проде-

монстрировав рост в 3,7% ВВП, что связано, по мнению экспертов, с «очень специфической природой ее экономической модели» (23, с. 3).

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ, ЕГО ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИКАХ И В РОССИИ (%)*

		2008	*2009*	*2010*	*2011*	*2012*
ЕС-27	Темпы прироста ВВП	0,7	-4,2	1,8	1,7	2,0
	Баланс бюджета	-2,3	-6,8	-6,8	-5,1	-4,2
	Норма безработицы	7,0	8,9	9,6	9,5	9,1
	Госдолг относительно ВВП	61,6	74,0	79,1	81,8	83,3
ФРГ	Темпы прироста ВВП	1,3	-4,7	3,7	2,2	2,0
	Баланс бюджета	0,0	-3,0	-3,7	-2,7	-1,8
	Норма безработицы	7,3	7,5	7,3	6,7	6,3
	Госдолг относительно ВВП	66,0	73,4	75,5	75,9	75,2
СК*	Темпы прироста ВВП	0,5	-5,0	1,8	2,2	2,5
	Баланс бюджета	-4,9	-11,4	-10,5	-8,6	-6,4
	Норма безработицы	5,6	7,6	7,8	7,9	7,8
	Госдолг относительно ВВП	52,0	68,2	77,8	83,5	86,6
Франция	Темпы прироста ВВП	0,4	-2,6	1,6	1,6	1,8
	Баланс бюджета	-3,3	-7,5	-7,7	-6,3	-5,8
	Норма безработицы	7,8	9,5	9,6	9,5	9,2
	Госдолг относительно ВВП	67,5	78,1	83,0	86,8	89,8
Россия	Темпы прироста ВВП	6,0	1,7	3,2	3,8	4,0
	Баланс бюджета	+1,7	-9,6	-7,6	-4,5	-3,2
	Норма безработицы	7,7	8,1	8,6	7,9	7,7
	Госдолг относительно ВВП	7,3	9,7	12,7	14,6	15,4

* Курсивом (2011, 2012 гг.) обозначен прогноз.

Источник: European Economic Forecast. Autumn 2010. – Brussels: DG ECFIN. 2010. – С. 15, 79, 97, 149, 178; Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов». – М., 2009.

В России кризис значительно усугубил нерешенные социально-экономические проблемы.

Российская экономика до 2008 г. демонстрировала высокие в сравнении с большинством европейских стран темпы роста ВВП. В материалах МВФ макроэкономическая политика российского правительства получила положительную оценку. Объем ВВП в реальном выражении между двумя кризисами возрос примерно в 1,7 раз (в номинальном выражении – в 7 раз вследствие высоких темпов повышения общего уровня цен) (19, с. 3). В 1999–2008 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 6,9% (общемировой показа-

тель – 4,0%). За эти десять лет ВВП России увеличился на 94% (мировой ВВП – на 48,7%) (9, с. 7).

Улучшилось положение в госфинансах. Так, величина совокупного долга (частного и государственного) в 2008 г. составила 43% ВВП[1]. Совокупный государственный долг (внутренний и внешний) к 2012 г. (по сравнению с 2007 г.) вырастет более чем вдвое – с 7,3 до 15% ВВП. Его величина на 2007 г. соответствовала почти трети доходов, а в 2012 г. будет равна уже практически всем доходам федерального бюджета. В общей структуре расходов федерального бюджета статья по обслуживанию государственного долга (уплата процентов и погашение основной суммы) в 2007 г. составляла 2,4%; к 2012 г. она вырастет до 5,8%, т.е. более чем вдвое (4, с. 196–197).

В 2000–2005 гг. российская бюджетно-финансовая политика строилась по принципу циклического балансирования бюджета. В условиях благоприятной мировой конъюнктуры на сырьевых рынках улучшился бюджетный баланс, что было использовано государством для погашения внешнего долга и накопления валютных резервов[2].

В 2005 г. профицит государственного бюджета достиг 7,7% ВВП, в 2006 г. немного снизился – до 7,38% ВВП. В 2007 г. бюджетная политика приобрела проциклическую направленность. Быстро наращивались госбюджетные расходы, что способствовало расширению совокупного спроса. Последний в значительной мере удовлетворялся за счет интенсивного увеличения импорта. В 2007 г. импорт РФ прирос на 45%, до 200 млрд. долл., тогда как экспорт стал больше лишь на 17% (8).

С начала 2000-х годов российский экономический рост можно охарактеризовать как «рост без развития», поскольку увеличение ВВП достигалось за счет повышения экспортных цен на углеводороды и металлы. Норма вложений в основной капитал в России ниже, чем в США, хотя обычно «догоняющие» страны интенсивнее наращивают свой капитал, чем страна-лидер. Это наглядно подтверждается современным опытом Китая и Индии.

Шаткость экономической ситуации в нашей стране оказалась очевидной, когда конъюнктура на внешнем рынке стала стремительно ухудшаться. Накопленные в «тучные годы» валютные резервы не защитили экономику от спада в реальном секторе экономики: индекс промышленного производства снизился в 2009 г. на 10,8% (6, с. 136).

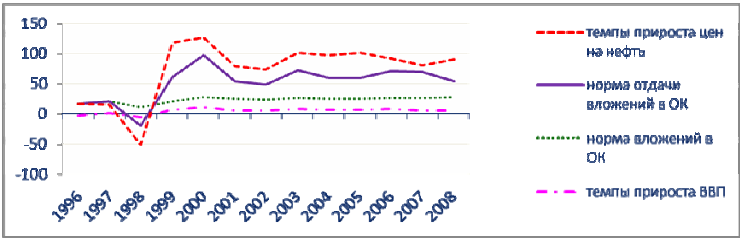
---

1. По сравнению со странами еврозоны этот показатель невелик, даже учитывая критерии принятого в ЕС Пакта стабильности и роста (ПСР). Но вот структура долга явно не оптимальна – на частный долг приходится свыше 92% совокупного внешнего долга (15, с. 155).

2. Само наличие Стабилизационного фонда (позднее – Резервного фонда и Фонда национального благосостояния) говорит о росте зависимости экономики от сырья.

Высокая отдача вложений в основной капитал (с чем были связаны сравнительно высокие темпы экономического роста РФ в 2001–2008 гг.) обеспечивалась не техническим и организационным прогрессом, а благоприятной для России динамикой мировых цен на нефть и хищнической эксплуатацией месторождений углеводородного сырья.

Диаграмма 1

Темпы, факторы и условия роста ВВП России (1997–2008 гг.)

Источник: International Financial Statistics Yearbook. – Wash.: IMF. – 2008, 2010, Feb. P. 71, 1082.

Первый источник «незаработанной прибыли» (*windfall profit*) проявляется в том, что кривая нормы отдачи вложений в основной капитал буквально повторяет изгибы кривой темпов прироста мировых цен на нефть на диаграмме 1 (5, с. 16–25).

Второй источник «незаработанной прибыли» обнаружил себя в том, что темпы прироста экспорта нефти из России в физическом (а не в стоимостном) измерении резко замедлились во второй половине «нулевых», по экспорту же газа сформировалась отрицательная динамика.

Глубина воздействия мирового кризиса ~~на~~ динамику ВВП и состояние госфинансов России уже в конце 2008 г. отразили слабость российской экономики, ее сырьевую специализацию, декларативность перехода на инновационный путь развития[3]. Целесообразным представлялось попытаться использовать кризис как стимул для структурной перестройки экономики.

3. Около 25% промышленности России приходится на обрабатывающую промышленность, в подавляющем большинстве случаев абсолютно неконкурентоспособную. Высокотехнологичные товары (продукция ОПК) составляют менее 5% экспорта (3, с. 292–293). Уточним: современное состояние ОПК таково, что износ основных производственных фондов по состоянию на 2007 г. превысил 75%, а более трети изношено на 100%. Доля нового оборудования в возрасте до пяти лет составляла всего 4,6% (www.cniicentr.ru/news/prom/350/).

К концу 2010 г. стало ясно, что не были созданы материальные стимулы развития обрабатывающей промышленности и модернизации всей экономики на ее основе. Сырьевая направленность экономики усугублялась[4].

Кризис 2008 г. выявил серьезные проблемы. Среди них – необходимость коренной перестройки государственных институтов, бюджетно-налоговой политики для структурной трансформации экономики.

Вплоть до лета 2008 г. складывалось ложное впечатление, что кризис не коснется России. О стране заговорили как о безопасной «гавани» для финансовых ресурсов. Однако было справедливо замечено, «страны, не входящие в число развитых, обычно крайне редко выполняют такую роль» (2, с. 21).

Для преодоления кризисных явлений в экономике был принят пакет финансовых мер. Осенью 2008 г. вступил в силу принятый Государственной думой закон, направленный на стабилизацию финансовых рынков. Однако принятые меры не предотвратили разрушительного воздействия кризиса на реальный сектор отечественной экономики в конце 2008 г.

Не удалось предотвратить снижения инвестиционной активности, отказа компаний от строительства новых объектов, закупок производственного оборудования, сокращения и без того незначительных расходов на НИОКР. Впрочем, такая тенденция характерна не только для России, но и для стран Евросоюза (12, с. 52).

Антикризисная программа, главной целью которой объявлена стабилизация российской финансовой системы (банков и страховых компаний) (14), впоследствии была дополнена решениями по поддержке операций с недвижимостью (включая выделение 60 млрд. руб. Агентству по ипотечному жилищному кредитованию). Это тоже вливание средств в финансовый сектор, услуги которого оказались невостребованными в силу их дороговизны.

Оказывалась точечная помощь в форме субсидий отдельным крупным предприятиям вместо поддержки всех предприятий обрабатывающей промышленности (включая малый и средний бизнес) в форме снижения налогов на прибыль. Кроме того, с августа 2008 по январь 2009 г. правительство провело «мягкую девальвацию» рубля примерно на 30% (22, с. 18).

Антикризисный пакет мер оказал инфляционное воздействие на национальную экономику. Инфляция стала одной из главных проблем, с которыми правительство столкнулось в 2009 г. Тогда, помимо собственно кризиса, возникли побочные эффекты от «лекарств» против него.

В 2009 г. отечественная экономика впервые после кризиса 1998–1999 гг. сократилась в реальном выражении. Примечательно, что в исследовании международного рейтингового агентства *Standard&Poor's* «Российская эко-

4. В «брежневскую эпоху» сырьевой экспорт составлял около 50% всего экспорта, в 1998 г. – уже 65–70, в настоящее время – 75% (11).

номика: анатомия кризиса» зафиксировано даже положительное влияние на российскую экономику ее ограниченной открытости (18). Государство вновь стало ключевым экономическим игроком с 30%-ной докризисной долей в ВВП.

Согласно утвержденной 19 марта 2009 г. «Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год», по совокупному размеру антикризисного пакета Россия вошла в число лидеров развивающихся стран – более 10% ВВП (10, с. 9). Приоритетами названы повышение устойчивости финансовой системы (на это выделено более 1355 млрд. руб.); сохранение промышленного и технологического потенциала (св. 776 млрд.); усиление социальной защиты населения и борьба с безработицей (более 463 млрд.); поддержка регионов (св. 300 млрд. руб.)[5].

В долевом отношении укрепление финансового сектора в 2008–2009 гг. направлена почти половина антикризисных средств (48,2%), на поддержку реальной экономики – 37,7, на помощь регионам – 10,3, на защиту населения с низкими доходами – лишь около 3,8% пакета антикризисных мер. Действительные же расходы на поддержку реального сектора еще меньше заявленных, а главное – имеют неэффективную форму субсидий отдельным предприятиям вместо общих стимулирующих мер в форме снижения налоговой нагрузки на доходы. Поощрение конкуренции путем налогового стимулирования обрабатывающей промышленности имело бы реальный эффект в борьбе монополизмом и коррупцией.

Российские реалии идут вразрез с экономической эффективностью. Повышение налогов в 2011 г. в размере 2% ВВП за счет увеличения норм отчислений в страховые фонды не компенсируется снижением налогов на прибыль. Так, с 2011 г. общая ставка страховых платежей во внебюджетные фонды возрастает с 26 до 34%, для малого бизнеса – с 14 до 34%. По мнению Г. Грефа, «обирать сейчас малый бизнес, который является источником рабочих мест и экономического роста, невозможно» (1). Впрочем, Греф мог упомянуть малый бизнес в связи с увеличением отчислений в страховые фонды, чтобы его озабоченность возможным уменьшением доходов банкиров, больше всего получивших от государственных вливаний, не выглядела слишком одиозной.

Сокращению дефицита госбюджета может способствовать повышение экономической активности предпринимателей. В этих целях необходимо было бы снизить налоги на доходы. Реальность же такова, что бюджет на следующие три года готов, поэтому как минимум до 2014 г. облегчения налоговой нагрузки на доходы ждать не приходится.

5. http://www.ng.ru/economics/2009-04-10/1_rubl.html

Характерно, что данные официальных российских источников и Европейской Комиссии (ЕК) об основных показателях экономики России сильно расходятся (см. табл. 2). Так, наибольший контраст в 2008 и 2010 гг. выявлен по балансу государственного бюджета; в 2009 г. – по темпам прироста экономики. Примечательно, что темпы экономического роста ЕК оценила хуже, а баланс бюджета – лучше, чем отечественные источники.

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ (%)

	2008	***2008***	*2009*	***2009***	*2010*	***2010***
Темп прироста ВВП	5,6	**6,0**	-7,9	**1,7**	3,7	**3,2**
Норма безработицы	7,0	**7,7**	7,5	**8,1**	7,0	**8,6**
Баланс бюджета	-4,0	**+1,7**	-5,1	**-5,9**	-1,6	**-6,8**
Госдолг относительно ВВП	7,1	**7,3**	7,3	**6,5**	9,8	**9,7**

Жирным шрифтом выделены данные Минфина и Счетной палаты России.
Источник: European Economic Forecast. 2010. DG ECFIN.

2009 год оказался крайне тяжелым для государственных финансов России – нижняя точка спада была пройдена именно в первом полугодии 2009 г. Валютные резервы страны быстро расходовались на фоне депрессивного состояния экономики, оживления без роста занятости рабочей силы. Бюджет государства впервые за последние годы стал дефицитным. Поскольку валютные резервы пополнялись незначительно, нагрузка на госфинансы продолжала возрастать.

Провал в динамике ВВП сопровождался сокращением профицита баланса по текущим операциям. Увеличение расходной части госбюджета при одновременном резком сокращении доходной базы (налоговых поступлений) привели к возникновению значительного дефицита. В 2009 г. дефицит госбюджета составил около 6% ВВП вследствие негативной конъюнктуры на сырьевых рынках, спада экономической активности и антикризисных фискальных мер. Дефицит пришлось покрывать из средств Резервного фонда (см. диагр. 2). Этот фонд, представляющий собой часть средств федерального бюджета, создан до кризиса с основной целью – обеспечивать выполнение государством своих обязательств на случай снижения притока нефтегазовых доходов в федеральный бюджет. Его отличие от фактически замененного им Стабилизационного фонда в том, что последний аккумулировал доходы федерального бюджета от добычи и экспорта только нефти.

Максимальный размер Резервного фонда закрепляется на уровне 10% объема ВВП, прогнозируемого на соответствующий финансовый год. Определенная часть нефтегазовых доходов ежегодно направляется на финансирование расходов федерального бюджета в виде нефтегазового трансферта, ве-

личина которого утверждается Федеральным законом о Федеральном бюджете на очередной финансовый год и в размере 3,7% от прогнозируемого на этот год ВВП[6].

Диаграмма 2

После формирования нефтегазового трансферта нефтегазовые доходы поступают в Резервный фонд. Как только Резервный фонд наполнится до указанного размера, нефтегазовые доходы направляются в Фонд национального благосостояния. Другим источником формирования Резервного фонда являются доходы от управления его средствами.

С 1 января 2010 по 1 января 2014 г. Резервный фонд не будет пополняться. Нефтегазовые доходы бюджета не будут использоваться для формирования ни его, ни Фонда национального благосостояния, а пойдут на обеспечение расходов бюджета. Равным образом в тот же период доходы от управления средствами Резервного фонда не поступят туда, а будут использоваться для покрытия бюджетных расходов.

Средства Резервного фонда представляли собой основной источник покрытия дефицита федерального бюджета в 2010 г. В структуре финансирования дефицита эти средства составляли свыше 60%.

6. http://www1.minfin.ru/ru/reservefund/accumulation/

В конце 2009 г. высказывались опасения, что Резервный фонд в 2010 г. будет полностью израсходован на покрытие дефицита федерального бюджета[7]. Этого не произошло. В третьем квартале 2010 г. объем фонда составил около 40 млрд. долл., хотя за 2009 г. он и сократился в 3,5 раза. Минфин ожидал, что в 2010 г. объем расходования средств из Резервного фонда, используемых для покрытия дефицита федерального бюджета, окажется на 100–120 млрд. руб. ниже запланированного[8]. Это связано с тем, что экспортные цены на нефть превысили показатели, положенные в основу формирования бюджета.

С 2011 г. Резервный фонд уже не будет использован для финансирования дефицита. Вместо него на эти цели будут направлены заимствования (внутренние и внешние), которые составят в общей структуре источников покрытия дефицита госбюджета порядка 60%. Остальные 40% – средства Фонда национального благосостояния, которые в 2012 г. превысят 50% (4, с. 26).

Что же касается государственного долга России, то его динамика на протяжении последних лет характеризуется повышательной тенденцией.

Объем государственного долга в 2012 г. по сравнению с 2009 г. вырастет более чем вдвое и составит 15,4% ВВП. При этом объем внутреннего госдолга к концу 2012 г. по сравнению с 2009 г. увеличится в 1,7 раза, до 8,1% ВВП. Объем внешнего госдолга за тот же период (2009–2012) в рублевом исчислении поднимется в 2,8 раза (в долларовом – в 1,5 и 2,4 раза соответственно).

С ростом объемов госдолга увеличиваются расходы федерального бюджета на его обслуживание (процентные расходы). В 2012 г. они будут выше, чем в 2009 г. в 2,8 раза. Возросшие объемы заимствований увеличат нагрузку на федеральный бюджет. В 2011–2012 гг. может произойти превышение предельного значения (10%) показателя ликвидности бюджета, характеризующего отношение расходов по обслуживанию и погашению долга к доходам бюджета.

Существенно возрастает долговая нагрузка на федеральный бюджет: показатель отношения объема государственного долга к ВВП увеличится с 9,7% в 2009 г. до 15,4 % на конец 2012 г.

Значительное повышение долгового финансирования наряду с тенденцией сокращения численности населения приведет к значительному (почти в 3,5 раза) увеличению объема госдолга на душу населения (за 2007–2012 гг. с 16,9 до 58,5 тыс. руб.).

7. http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B523834AB-9939-4112-BF0D-69AAB5D100F8%7D.uif

8. http://www.vedomosti.ru/finance/news/1143826/minfin_ekonomiya_rezervnogo_fonda_v_2010_g_mozhet_sostavit

II. Государственный бюджет и социально-экономические вызовы

Основные социально-экономические проблемы в России можно объединить в следующие блоки: социальная сфера; рынок труда; модернизация экономики. Стоит подчеркнуть, что все блоки имеют весьма важное значение, особенно под влиянием современного экономического кризиса.

Первый блок – социальная сфера – предусматривает решение проблем бедности, неравенства, здравоохранения, образования, пенсионной системы. И до кризиса существующие трудности не были преодолены, под воздействием кризиса они еще обострились. Примечательно, что практически одинаковые проблемы стоят не только перед Россией, но и перед развитыми странами ЕС, с той разницей, что список приоритетов в Европе несколько иной.

Первоочередной задачей для бюджетной политики в России в настоящее время является повышение благосостояния населения (борьба с бедностью). К сожалению, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения не сокращается, а, напротив, возрастает, и кризис, естественно, усугубил этот разрыв. В 2009 г. был опубликован доклад «Обоснование и разработка Национального плана борьбы с бедностью в РФ на период 2010–2012 гг.», в котором предложены основные пути решения данной проблемы. Из 40 пунктов плана наиболее значимы предложения о разработке и реализации мероприятий по стимулированию малого и среднего бизнеса, а также внесение изменений в законы «О прожиточном минимуме» и «О потребительской корзине»[9]. Впрочем, стоит отметить, что в целом все предложения носят расплывчатый декларативный характер.

Другой весьма актуальной задачей в России является создание и финансирование эффективной системы здравоохранения. Она тем более необходима, что в недалеком будущем Россия столкнется с типично европейской проблемой – старением населения. Решение, возможно, кроется в изменении структуры расходов бюджета. Согласно проекту федерального бюджета на 2009–2011 гг., доля госрасходов на здравоохранение в ВВП сохранится на уровне 2008 г., 4% – в 2011 г.[10] Для сравнения: в Великобритании до кризиса (2007) расходы на здравоохранение составили 8,4% ВВП[11], в ФРГ – 10,4% ВВП (21, с. 164).

Заметим, что эффективность федеральных целевых программ в здравоохранении весьма низка. Несмотря на некоторый рост бюджетного финансирования этой сферы, доля расходов домашних хозяйств, т.е. личные платежи

9. http://www.ng.ru/economics/2009-11-09/1_bednost.html

10. http://www.regnum.ru/news/1052331.html#ixzz15Rrr574o

11. www.ons.gov.uk/about.../press.../expenditure-on-health-care-in-the-uk.pdf

граждан на здравоохранение, составляет около половины общего объема государственных расходов на эти цели. Это означает, что доступ граждан к бесплатной медицинской помощи критически ограничен.

Не в лучшем состоянии находится и пенсионная сфера. Опыт развитых стран ЕС (в частности, в последнее время Франции и ФРГ) показывает, что реформирование этой сферы – весьма сложный процесс, сопряженный с массовым недовольством населения. Если не проводить реформу пенсионной системы с повышением пенсионного возраста, то в будущем нагрузка на бюджет существенно увеличится.

В России пенсионная реформа предусматривает повышение пенсионного возраста, сокращение отраслевых льгот и надбавок при стимулировании негосударственного пенсионного страхования (13, с. 9). В последнее время обсуждается проект повышения пенсионного возраста. Если уже с 2015 г. начать поэтапное повышение пенсионного возраста (до 62,5 лет для всех), то это позволит, по расчетам Министерства финансов РФ, сэкономить в бюджете того же года 0,6% ВВП, а в последующие годы экономия будет расти и может составить в 2050 г. 2,4% ВВП[12].

Пенсионная реформа в России осложнена тем, что средняя продолжительность жизни здесь по сравнению с развитыми странами ЕС весьма низка, особенно у мужчин. То есть, если следовать предложенному проекту, мужская часть населения просто не будет доживать до выхода на пенсию. Кроме того, будет необходимо повышать и зарплату, поскольку низкооплачиваемые рабочие места заполняются благодаря доплате в форме пенсии.

Проблемы на рынке труда тесно примыкают к социальному блоку борьбы с бедностью. В России высокий уровень безработицы, причем кризис значительно ухудшил ситуацию. В 2008 г. безработица составила 8,1%, в 2007 г. – 7,7%. В 2009 г. рост продолжился, достигнув в начале 2010 г. 8,6%[13]. В ФРГ и Великобритании, а особенно в Испании нормы безработицы существенно выше, но там нет латентной безработицы. В передовых странах бóльший рост явной безработицы был связан с меньшим, чем в России сокращением ВВП.

Борьба с безработицей путем стимулирования капиталовложений для создания новых рабочих мест в депрессивных регионах должна быть одним из приоритетов налогово-бюджетной политики. В 2009 г. на борьбу с безработицей дополнительно выделено 44 млрд. руб., в 2010 г. – 36,3 млрд. руб.[14]

К числу целесообразных мер для снятия напряженности на рынке труда можно отнести повышение эффективности и увеличение расходов на

12. http://www.e-vid.ru/index-m-190-p-61-news-9411.htm
13. http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B2C99D2C8-7A98-4DF8-9453-1907F4893F5D%7D.uif
14. http://www.rf-agency.ru/acn/krizis_ru
http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B28D752E0-C1C5-41B1-A099-D5AAFE498F47%7D.uif

программы временной занятости, переподготовки, повышения квалификации кадров, повышения престижа определенных профессий. Позитивную роль сыграли бы увеличение пособия по безработице, создание новых рабочих мест в новых производствах.

Первостепенное значение имеет также задача модернизации экономики России. Она предполагает изменение структуры экономики – переход от главенства сырьевого сектора к увеличению роли обрабатывающей промышленности.

Современные реалии таковы, что быстрый отход от сырьевой специализации невозможен. Поэтому экономическая рента от природных ресурсов (нефти и газа) должна аккумулироваться правительством более эффективно, чем это наблюдается сейчас (причем без негативных последствий для модернизации отрасли), а структура налогообложения должна реформироваться и далее с целью повышения хозяйственной эффективности (19).

На сегодняшний день говорить о создании информационно-инновационной экономики, приоритетном развитии нанотехнологий рано. Основа экономики – обрабатывающие отрасли промышленности – не просто в кризисе, а практически в катастрофическом положении. Прежде чем создавать центры по развитию высоких технологий, необходимо сформировать базу для производства товаров средней технологичности, облегчающую «прыжок» от сырьевой экономики к инновационной.

Ключевое значение для модернизации экономики имеет изменение структуры налогообложения в целях стимулирования капиталовложений компаний, занятых в обрабатывающей промышленности. Важно также создать налоговые стимулы для увеличения предпринимательских ассигнований на ИиР.

Современная структура экономики фактически тормозит технологические инновации. Ведущая роль сырьевых отраслей и отраслей обрабатывающей промышленности, не создающих наукоемкую продукцию, «предопределяет слабую заинтересованность государства и бизнеса в финансировании исследований за пределами этих отраслей и вообще в развитии НИОКР» (17, с. 74).

В настоящее время научно-технический потенциал России деградирует: на долю страны приходится менее 2% мировых расходов на научные исследования и разработки (НИР) по паритету покупательной способности. Доля расходов на науку в ВВП составляет около 1%, что в разы меньше, чем в развитых странах[15]. В расчете на одного занятого в НИР тратится меньше средств, чем даже в Китае и Индии. На мировом рынке наукоемкой продукции, общий объем которого оценивается в 2,3 трлн. долл., к началу 2008 г.

15. http://www.ng.ru/politics/2010-01-22/3_kartblansh.html

доля России равнялась 0,3%, в то время как доля США – 39%, Японии – 30, ФРГ – 16%. Доля Китая составляет уже 6%[16].

Таблица 3

СТРУКТУРА ФИНАНСИРОВАНИЯ НИР, 2007 г. (%)

	Частное	*Прочее*	*Государственное*
Россия	29,5	7,9	62,6
Великобритания	47,2	23,5	29,3
ФРГ	68,1	4,2	27,8
ЕС-27	55,0	10,9	34,1
ОЭСР	64,5	7,7	27,8

Составлено по: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2010.

В Великобритании и ФРГ, как и вообще в развитых странах, научная политика финансируется государством и частным сектором, причем на долю последнего приходится не менее половины всех расходов на эти цели. В России государственное финансирование сократилось в несколько раз, а симметричного увеличения расходов частного сектора не произошло.

Бюджетная политика в России должна решить задачу достаточного финансирования НИР и, наряду с этим, стимулировать расходы на данные цели частного сектора (в чем решающую роль играет изменение налогообложения). Инвестирование в НИР должно стать привлекательными для частного капитала. К сожалению, налоговая система в России не только не стимулирует, но вынуждает бизнес сокращать расходы на эти цели. Здесь кроется одна из причин деградации отечественной научной системы.

Необходимы кардинальное увеличение финансирования из госбюджета фундаментальных исследований и стимулирование предпринимательских расходов на прикладные исследования и разработки. На среднесрочную перспективу целью бюджетной политики должно стать увеличение расходов на НИР хотя бы до 2% ВВП (напомним: в европейской «Стратегии 2020» объем ассигнований на НИР должен достигнуть 3% ВВП).

На современном этапе большинство проблем социально-экономического развития России решаются малоэффективно. Тем более важным представляется реформирование бюджетной политики на этапе выхода из кризиса.

Литература

1. Вислогузов В. Разговор от ничего не поделать // Коммерсантъ. 20.11.2010.

2. Головнин М.Ю. Новые вызовы денежно-кредитной политики России в условиях финансовой глобализации / Россия в мировой экономике и международных отношениях.

16. www.cniicentr.ru/news/prom/350/

(Мировое развитие. Вып. 5). Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 15–26.

3. Григорьев Л.М. Экономика переходных процессов. В 2 т. Т. 1. – М., 2010. – 528 с.

4. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов» [утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 9 октября 2009 г. № 49К (686))]. – М., 2009. – 298 с.

5. Клинов В.Г. Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений // Международная экономика. – М., 2010. – № 9. – С. 16–25.

6. Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 г. – М.: Минэкономразвития РФ, 2010. – 178 с.

7. Политическая экономия России: Динамика общественного договора в 2000-х годах. – М., 2010. – 720 с.

8. Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2010. Таблица 26.3 «Экспорт и импорт РФ».

9. Россия и мир: 2009. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – 141 с.

10. Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 148 с.

11. Савиных А. Обострение нефтяной зависимости // Известия. 07.10.2010.

12. Сидорова Е.А. Будни антикризисной борьбы в «Старой Европе» / Кризисные явления в мировой экономике и политике. (Мировое развитие. Выпуск 6). – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 52–60.

13. Улюкаев А., Куликов М. Глобальная нестабильность и реформа финансовой сферы России // Вопросы экономики. 2010. – № 9. – С. 4–14.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 173-ФЗ «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации» (http://www.veb.ru/ru/dop/dop_law/).

15. Финансовый кризис в России и в мире. Под ред. Е.Т. Гайдара. – М.: Проспект, 2009. – 256 с.

16. Шейнис В.Л. Экономический кризис и вызовы модернизации // МЭ и МО. 2009. – № 9. – С. 3–11.

17. Шишков Ю.В. Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 92 с.

18. S&P: на Россию положительно влияет меньшая открытость экономики (http://kapital.uz/world/610-na-rossiyu-polozhitelno-vliyaet-menshaya.html).

19. Economic Survey of the Russian Federation, 2009 // OECD Observer. Policy Brief. June 2009. – 12 p.

20. EM anti-crisis measures. Separating the wheat from the chaff. Deutsche Bank Research. Frankfurt am Main (Germany). 2009. June 16. – 12 p.

21. Health at a glance 2009: OECD Indicators. OECD, 2009. – 200 p.

22. OECD Economic Outlook: Russian Federation OECD. Sept. 2009.

23. Stephan C. Germany, surpluses for some time to come // Conjoncture. BNP Paribas. 2010. Oct. – 12 p.

Г.А. Антипов

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТИВНОМ МЫШЛЕНИИ

Антипов Георгий Александрович – доктор философских наук, профессор Сибирской академии государственной службы (Новосибирск).

Обычно, характеризуя «наше время», акцентируют изменения социального мира, нарастание их темпа и масштабов. Реже обращают внимание на их источник – сознательную и целенаправленную деятельность самого обитателя этого мира – человека. Как замечал еще в прошлом веке известный американский антрополог и философ науки Дональд Кэмпбелл (D.T. Campbell), «одна из особенностей всех современных обществ состоит в том, что мы сознательно выбираем и составляем проекты, которые призваны усовершенствовать наши социальные институты»[1]. Но вот само слово «проект» в сегодняшнем социальном дискурсе, действительно, все больше приобретает вид заклинания, своего рода мантры. Рассуждают об «имперском проекте», «проекте Россия», «национальном идентификационном проекте», «модернизационном проекте» и т.п. И хотя в перечисленных случаях невольно создается впечатление истинного симулякра в смысле Бодрийяра (чего-то принципиально не соотносимого с какой бы то ни было реальностью, знака без значения), частота употребления подобных брэндов не может не навязывать перевода стрелок в контекст проективного мышления, отличающегося по ряду характеристик от стандартного «научного метода».

Коллизию между проективным и собственно научным мышлением хорошо иллюстрирует судьба проекта «Русская идея». Ведь именно в подобном контексте данный брэнд был внедрен в общественное сознание в середине

1. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – М.: Прогресс, 1980. – С. 318.

90-х годов прошлого века. Поиски национальной идеи, как известно, до сих пор пребывают в бесконечном тупике. А суть в следующем.

Исходно данный концепт – русская идея имел вполне определенный смысл. Как говорил В. Соловьёв, «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»[2]. Следы, очевидно, ведут к Гегелю, к его объективной идее. Согласно отцу Dialektik, идея – Бог в абстракции, субстанция, чистая всеобщность. А сущность Бога – есть не что иное, как самосознание, мышление мышления, рефлексия. В целом, как можно полагать, предметом аналитики Гегеля выступает объективная идеальная реальность, каковой она представляется с позиций рефлексии. В современной интерпретации речь может идти о специфических особенностях бытия культурных форм, которые, в частности, определяют, «направляют» индивидуальное мышление и деятельность, и в этом отношении проявляют свойство «объективности», не являясь тем, что обычно ассоциируется с «вещами». Таковы, например, грамматические формы, социальные нормы, идеалы красоты и т.п. С позиции «внешнего наблюдателя», которая в определенном смысле совпадает с «научным методом», все подобные феномены и интерпретируются как формы культуры.

Таким образом, вполне обоснованно, русскую идею в традиции В. Соловьёва можно толковать по ее социальному статусу как культурему, т.е. совокупность определенных объективных в отношении к индивидуальному сознанию инициирующих форм, содержательно реализовавшихся в российской истории и обусловливавших ее национальный колорит и особенности. В подобном ключе вполне допустимо говорить об «американской идее» (кстати, и говорят: «американское кредо», «американская мечта»), британской идее и т.д.

Достаточно нелепо выглядят поэтому попытки запроектировать русскую идею. По аналогии они столь же нелепы, как если бы кто-то задался целью сконструировать геном русского человека. В биологии, как известно, реализован масштабный проект расшифровки генома homo sapiens вообще, в конечном счете установлена последовательность нуклеотидов, определяющих наследуемые формы организации человеческого организма. В плане российского социума о русской идее правомерно говорить не как о предмете «расшифровки», а модальности осознания, рефлексии. Нельзя отказать в правоте Н. Бердяеву, считавшему всю традицию русской философии репрезентатором русской идеи. Как он говорил, «русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил творец о России, что есть Россия и какова ее судьба». С позиции внешнего

2. Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 220.

наблюдателя, руководствующегося «научным методом», весь этот ракурс должен быть элиминирован, как это произошло, к примеру, в концепции «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского. С этой точки зрения, по справедливому замечанию Бердяева, «идеи Данилевского были срывом в осознании русской идеи и в эту идею не могут войти»[3].

Кстати, эксплуатируя биологические аналогии, нельзя не зафиксировать присущий бердяевской трактовке русской идеи мотив ее рассмотрения в качестве фактора исторической наследственности. Я имею в виду трансформацию доктрины «Москва – Третий Рим» в идею Третьего Интернационала. «Русский народ, – писал он, – не осуществил мессианской идеи о Москве как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. В ней произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа приняла или апокалиптическую форму, или форму революционную. И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея»[4].

В этом суждении можно увидеть и нечто большее, чем констатацию связи и преемственности «русского коммунизма» и русской идеи. Открывается путь как для понимания социокультурной природы самого коммунистического проекта (а здесь, в отличие от множества других случаев, термин «проект» вполне уместен), так и для оценки особенностей его реализации. Да и некоторые смыслы сегодняшнего политического дискурса могут становиться более понятными. Вот иллюстрация.

В статье с характерным названием: «Экзистенциализм президентских выборов» современный политический публицист формулирует фундаментальные бытийные вопросы, по сути ответов на которые, как представляется автору, избиратели будут судить о кандидатах в президенты и формулировать свой выбор, особо подчеркивая его рациональную направленность. Среди вопросов есть такие: «Национальный или межнациональный вопрос, включая русский вопрос»; «Имперскость России: константа или преходящее?»; «Цивилизационная проблема: сохранять ли России свою цивилизаци-

3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 71.

4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 117.

онную идентичность и, соответственно, некую “отдельность” от остального мира?»; «Можно ли вернуться к золотому веку отечественного искусства и высокой культуры? Если нельзя – что дальше? Смириться и “получать” удовольствие?»; «К чему ведет варваризация жизни в России (или в России вместе с остальным миром)?»; «Лидерство в мире: необходимо ли и в чем возможно? Сохранится ли глобальная миссия России (русской православной цивилизации)? С союзниками или в одиночку?»[5].

Бросается в глаза почти буквальное совпадение с тем как, в каких терминах тематизировали русскую идею Чаадаев, В. Соловьёв, Бердяев: историческая миссия России, Россия и Запад, природа власти и отношение к ней личности, прошлое и будущее в качестве векторов российской истории и т.п. При всем разнообразии эта проблематика выражает разные стороны и проявления ситуации экзистенциального выбора. Выбора для народа, страны, личности.

Почему же именно обозначенный тип вопросов оказывается ядром русской философской традиции «золотого века»? Экзистенциальная ориентация русской философии объясняется в первую очередь тем, что и содержание культурологических процессов России XIX в. определялось конфликтом систем ценностей. Ценности складываются в сложные иерархические системы. Взятые в своей совокупности, они образуют то, что принято называть смыслом жизни. Смысл истории, если речь идет об обществе, и индивидуальный смысл жизни, если речь идет об отдельно взятой личности. Исходя из сказанного и, конечно, упрощая суть дела, можно тем не менее заметить, что великий основной вопрос русской философии есть вопрос о смысле жизни. Характерно, сколь часто термин «смысл» фигурирует в названиях работ русских философов – В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева и др.

В XIX в. обострилось обнаружившееся еще раньше столкновение двух социокультурных миров, двух форм общественной жизни. Россия и через столетие после Петра I была еще обществом во многом традиционным. Принципиально иные формы социальной эволюции складываются в Новое время в ряде регионов Западной Европы. Это техногенная цивилизация. По мере своего упрочения техногенное общество оказывает все более усиливающееся воздействие на традиционные формы жизни, разлагая и трансформируя присущие им архаические структуры. Рано или поздно это выливается в кризис традиционного общества, проявляющийся прежде всего в коллизиях его систем ценностей и их трансформациях.

Углубление подобного кризиса и переживает Россия в XIX в. В нем-то и заключены источники мощного импульса, породившего в российской куль-

5. Третьяков В. Экзистенциализм президентских выборов // Известия. – М., 2011. – 20 января.

туре вспышку философской рефлексии, выпадавшую именно на этот период. В конечном счете отметим, что указанный кризис разразился русскими революциями, последняя из которых привела к историческому откату, к реанимации многих социокультурных и экономических структур, присущих классически традиционному обществу: внеэкономическому принуждению, почти как при рабовладении и феодализме, кастово-сословной организации господствующего класса («орден меченосцев» по выражению И.В. Сталина – номенклатура); аналогам строительства пирамид («великие стройки коммунизма») и т.п. В целом, одним из исторических подобий происшедшему у нас после 1917 г. может служить так называемое второе издание крепостничества, т.е. процесс усиления крепостного прав в Германии и на востоке от нее после поражения Крестьянской войны XVI в.

В высшей степени показательно, что все узлы русской философии завязываются в культурологическом пространстве спора западников и славянофилов. Как писал Бердяев, «разочарование Чаадаева в России и разочарование Герцена в Западе – основные факты русской темы XIX века». Налицо лишь конкретные проявления ситуации выбора исторической ориентации на формы бытия нетрадиционного, техногенного и, соответственно, традиционного, архаического обществ. Данным обстоятельством были заданы основные, так сказать, гнезда проблем, вокруг которых сосредоточивались философские обсуждения в России.

Наконец, учтем, что коллизии систем ценностей, переживавшиеся русским обществом, вызвали к жизни такую своеобразную социальную группу, как русская интеллигенция. Ее, как известно, принято отличать от просто «интеллектуалов», т.е. людей, занятых высококвалифицированным умственным трудом. На чем, однако, основано убеждение об уникальности русской интеллигенции, каковы те, присущие только ей черты, не позволяющие отождествлять ее с интеллектуалами как общесоциологической категорией? Суть в том, что возникновение и существование русской интеллигенции обязано не разделению умственного и физического труда как таковому, а попыткам выработки или трансформации систем ценностей в обстоятельствах их фрустрации. Отсюда, между прочим, своеобразный налет сектантства, дававший повод, например Бердяеву называть русскую интеллигенцию «кружковой», Федотову считать ее чем-то «вроде средневекового рыцарства» и т.д. И еще. Религия, вера – конечные основания системы ценностей. С этой точки зрения показательно «соседство» двух ключевых тезисов Ницше: «Бог умер» и «переоценка ценностей». Добавим, философским иносказанием Бога является ведь Абсолют.

Ценностные системы определяют и направленность социального развития, точнее его осознание, восприятие исторического времени, выражающееся в отношении к категориям прошлого, настоящего и будущего. С аксиоло-

гической точки зрения это проблема смысла истории, проблема исторической судьбы России в нашем случае. Значимость данного культурного феномена хорошо видна на примере экзальтированных ожиданий «светлого будущего», охватывавших отдельные слои советского общества в послереволюционную эпоху. По своей напряженности и остроте они вполне сопоставимы с хорошо известными в истории случаями ожидания конца света, подобно эпидемиям, охватывавшим подчас в разные эпохи и в разных регионах массы людей. Прекрасные художественные воплощения подобных настроений можно найти в произведениях Андрея Платонова.

Вернемся непосредственно к основной нашей теме. Апелляцией к историческому опыту, в той или иной модальности, не пренебрегают ни современные политики, ни публицисты и писатели. В то же время, нередко звучит и прямо противоположное: единственный урок истории – в том, что никто не извлекает из нее никаких уроков. Очевидно, это перифраза знаменитого гегелевского: «Правительствам, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать такие решения, которые вытекают из самого ее состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего»[6].

Между тем для отца Dialektik сказанное выглядит несколько странно, ибо в другом месте он настаивал на том, что отдельное есть общее, и, как выражался один очень известный комментатор, «отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное». Из этого следует, что historia все-таки может быть magistra vitae, так как любое историческое состояние помимо индивидуальных черт и проявлений не может не содержать общего и повторяющегося. Но «опыт» в данном контексте и означает фиксацию в том или ином виде неких общих аспектов и проявлений, присущих разным историческим состояниям и эпохам. «Наиболее интересными, – рассуждал Анри Пуанкаре, – являются те факты, которые могут служить свою службу многократно, которые могут повторяться. Мы имели счастье родиться в таком мире, где такие факты существуют. Представьте себе, что существовало бы не 60 химических элементов, а 60 миллиардов, и что между ними не было бы обыкновенных и редких,

6. Гегель. Соч. – М.; Л., 1935. – Т. 8. – С. 7–8.

а что все были бы распространены равномерно. В таком случае всякий раз, как нам случилось бы подобрать на земле булыжник, была бы большая вероятность, что он состоит из новых, нам неизвестных элементов. Все то, что мы знали бы о других камнях, могло бы быть совершенно неприменимо к нему. Перед каждым новым предметом мы стояли бы, как новорожденный младенец, как и последний, мы могли бы подчиняться только нашим капризам и нашим нуждам. В таком мире не было бы науки, быть может, мысль и сама жизнь были бы невозможны, ибо эволюция не могла бы развивать инстинктов сохранения рода… Биолог был бы совершенно подавлен, если бы существовали только индивидуумы, и не было бы видов, если бы наследственность не воспроизводила детей, похожих на их отцов»[7].

Подобным же образом дело обстоит и с эволюцией социальной, история есть деятельность преследующего свои цели человека. Она не могла бы осуществляться, если бы ее составляли «только индивидуумы». Но как тогда быть с гегелевским аргументом по поводу исторического опыта? Объяснение двоякое. Во-первых, пресловутое противоречие между «системой и методом» в гегелевской философии. История у него есть результат «деятельности» мирового духа, а не человека как такового, которым этот дух манипулирует, преследуя свои собственные, человеку неизвестные, цели. Во-вторых, современная Гегелю историография не представляла собой форму научного знания, это была мемориальная практика, продукт которой – историческая память[8]. Но историческая память и научное историческое знание – феномены разного порядка. Способ бытия исторической памяти – нарратив, образ. История как наука имеет своей целью исследование прошлого в соответствии с идеалами научной рациональности, т.е. независимо от мемориальной практики, ровно так же как это обстоит и обстояло в естествознании, возникновение которого предполагало «отрыв» от практических задач, понимание реальности как существующей сама по себе, независимо от деятельности людей. Поэтому-то всякая наука, если она претендует на этот статус, имеет дело не с отдельными единичными эмпирическими феноменами, а с абстрактными структурами, идеальными объектами. Традиционный же историк не исследует прошлое как таковое, он его «конструирует», каким, по его мнению, оно должно было бы быть. Понятно, извлечение «уроков истории» – вне компетенции историографии как мемориальной практики. Ее ориентир – действительно уникальное и неповторимое, ибо историческая память имеет своей основной социальной функцией удовлетворять идентификационные потребности тех или иных социальных групп. Отметим, что вводимое различие двух

7. Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983. – С. 289.

8. Антипов Г.А. Как возможна научная история? // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2010. – № 7.

типов историографии в методологии истории до сих пор не получило достаточно ясного осознания. Результат – разнобой и многочисленные аберрации в толковании предмета исторической науки, почти исчерпывающее представление о которых можно составить по недавно вышедшему сборнику статей «Способы постижения прошлого»[9].

Историческая память функционирует во многом подобно индивидуальной памяти человека. Общество тоже склонно вспоминать и забывать, быть злопамятным и т.п. Научное же знание пребывает по ту сторону добра и зла. Вспомним А.С. Пушкина: «А между тем отшельник в темной келье / Здесь на тебя донос ужасный пишет: / И не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от Божьего суда». Пушкинский Пимен как раз и занят мемориальной практикой. Он не ученый-историк в современном смысле, руководствующийся известной формулой Леопольда фон Ранке, показать «wie es eigentlich gewesen» (как было на самом деле). Он не должен судить и обвинять, его задача показать, как было на самом деле.

Современные «битвы за прошлое», бушующие в России, не имеют прямого отношения к исторической науке, к которой противники постоянно обращаются как к третейскому судье. Все это игры социальной памяти. Именно к истории / памяти, процессам ее формирования и функционирования относится известный тезис, приписываемый М.Н. Покровскому: «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Различные политические силы пытаются так сформировать историческую память, чтобы она на них «работала», чтобы общество «вспоминало» именно деяния и события тех персонажей, идеалы и действия которых представляются созвучными потребностям сегодняшнего дня. Научное, в том числе научно-историческое знание не содержит в себе никаких аспектов, инициирующих функционирование исторической памяти. Как в прошлом, так и сегодня мемориальными практиками занимаются писатели, поэты, кинорежиссеры и просто любители. Они, как и «отец истории» Геродот, не исследуют прошлое как таковое, они его «конструируют» таким, каким, по их мнению, оно должно было бы быть. Их вовсе не интересует объективная истина, да и не должна интересовать. Жизнь ведь есть борьба, борьба за настоящее, в которой ищут верных союзников в прошлом. И, естественно, находят. Все это современные пимены, хотя их жилищные условия несколько отличаются от тех, в которых жил и творил пушкинский Пимен. «История, – писал французский поэт-академик Поль Валери, – это самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Ее свойства хорошо известны. Она заставляет мечтать, она опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, растравляет их старые раны, мучает их во время от-

9. Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М.А. Кукарцева. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2011.

дыха, вызывает у них манию величия и манию преследования и делает нации желчными, высокомерными, нетерпимыми и тщеславными. История оправдывает все, что угодно. Она не учит абсолютно ничему, ибо содержит в себе все и дает примеры всего».

По отношению к истории / памяти сказанное вполне справедливо. В российской культуре наиболее ярким образцом истории / памяти стала, конечно, «История государства Российского» Карамзина. Поэтому, с поправкой на специфику жанра, нельзя отказать в известной «гносеологической» прозорливости известной эпиграмме Пушкина: «Послушайте: я сказку вам начну / Про Игоря и про его жену, / Про Новгород, про время золотое, / И наконец, про Грозного царя… / – И, бабушка, затеяла пустое! / Докончи нам «Илью-богатыря».

Среди афоризмов В.О. Ключевского, работы которого, в отличие от Н.М. Карамзина, уже явно ориентированы на идеалы истории / науки, есть и такой: «Политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение»[10]. Сюда же можно добавить и его суждение о том, что история ничему не учит, а только наказывает за незнание ее уроков. Значит все-таки в качестве реального процесса жизнедеятельности, скажем так, социального субъекта, история «учит», демонстрируя результаты усилий данного субъекта, их отношение к его намерениям, планам и проектам. Уроки истории здесь, по большей части, проявляют себя в расхождениях между намерениями и результатами. Гегель объяснял это «хитростью мирового разума». Поскольку в своих дальнейших действиях субъект не пытается понять природу этих расхождений, разгадать, эксплицировать и учесть их механизмы, история его «наказывает». Но, понятно, только из «наказаний» жизнь состоять не может, а поэтому, на самом деле, в той или иной форме, по большей части, конечно, не осознавая того, социальный субъект извлекает опыт из уроков истории. В истории, в социально-политической сфере, имея в виду сами процессы деятельности преследующего свои цели человека, происходит аккумуляция опыта, как она происходила в отношениях человека с природой, из чего выросло и научное естествознание, в конце концов. Все устанавливаемые в естествознании законы – суть свернутый и упакованный в логические формы опыт деятельности человека с вещами природного мира.

Подчас говорят: «любое знание о прошлой социальной реальности конструирует эту реальность»[11]. Подобное соотносимо лишь с исто-

10. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М.: Наука, 1968. – С. 323.

11. Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 7.

рией / памятью, да и то лишь с оговоркой, исключающей собственно научное знание. Принципиально различны их основания. В первом случае речь может идти о процедурах конкретизации, во втором – абстрагирования, понятно не как об абсолютно противоположных векторах мышления, вроде того как толковалось отношение индукции и дедукции во времена Бэкона и Декарта. И неокантианцы баденской школы вовсе не отрицали использования общих понятий в индивидуализирующем понимании истории. Речь может идти только о доминировании того либо другого в соответствующих контекстах.

Как и в истории естествознания, научная история общества начинается с формирования идеалов научного описания, характеристики которого не имеют прямого отношения к потребностям мемориальной практики, но так или иначе восходят к социально-политической практике настоящего. Но вовсе не в смысле истории как политики, опрокинутой в прошлое. Предметом описания становятся институциональные аспекты социального бытия и их изменения в реальном времени. Под общим влиянием становящегося естествознания в историографический дискурс инфильтрируются представления о том, что главной целью исследования должны становиться законы и объективные механизмы этих изменений, законы истории. История начинает прокламироваться в качестве естественно-исторического процесса. Но тем самым не мог не элиминироваться план рассмотрения истории как результирующей акции человеческой целесообразной деятельности, а значит, и план исторического опыта, путей использования его и усвоения.

Нельзя сказать, чтобы он вообще исчез из общекультурного контекста. Это историография перестала, да и не могла не перестать быть magistra vitae. В Европе, например, политика в виде «прикладной истории», говоря словами Ключевского, явно обнаруживает себя у Макиавелли. Все его политические рецепты, представленные в «Государе», или, по-современному, методические указания, смысловые структуры, которыми должен руководствоваться политик для достижения успеха, суть, очевидно, продукты рефлексии над историческим опытом, нашедшим отражение в стихии историографической традиции со времен древности («Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия», «История Флоренции»).

Традиция, истоки которой восходят к «Государю», ныне находит свое продолжение в теории политического менеджмента, социальной инженерии, теории рефлексивного управления[12]. Здесь зафиксированные исторической памятью прецеденты решения, скажем, управленческих задач анализируются на предмет экспликации общих принципов и регулятивов, могущих либо становиться основаниями успешных решений в некоторой области деятельно-

12. Антипов Г.А. Должны ли государством управлять философы? // Ценности и смыслы. – 2009. – № 1.

сти, либо отсечь заведомо неразрешимые задачи. К. Поппер, правда, подобные регулятивы называет «социологическими законами», хотя сама их формулировка несет в себе технологический смысл. Вот несколько из приводимых им в «Нищете историцизма» примеров: «Невозможно осуществить политическую реформу и избежать при этом последствий, нежелательных с точки зрения конечных целей этой реформы» (поэтому будьте внимательны). – «Нельзя провести политическую реформу не укрепляя сил оппозиции по мере развертывания реформы». (Это можно считать технологическим выводом из суждения: «Всегда есть интересы, связанные с сохранением *status quo*».) – «Нельзя осуществить революцию, не вызывая реакции»… «человек, получивший власть над другими людьми, не может не испытывать соблазна злоупотреблять ею, причем чем больше власть, тем больше соблазн; и мало кто способен ему противостоять»[13].

Можно привести и примеры того, как исторический опыт становился предпосылкой довольно адекватных исторических прогнозов (пророчеств). В восприятии многих, особенно в России, маркиз де Кюстин давно воспринимается как фигура довольно одиозная. Но вот что он говорил еще в середине XIX в.: «Политические верования здесь сильнее и прочнее религиозных. Единство православной церкви лишь кажущееся. Многочисленные секты, принужденные безмолвствовать из-за тонко рассчитанного молчания господствующей церкви, прокладывают себе подземные пути. Но народы немствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого народа и изумленному миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение. Из религиозных разногласий возникнет некогда социальная революция в России, и революция эта будет тем страшнее, что совершается во имя религии. На Волге продолжаются крестьянские бунты и жестокие усмирения. Во всем видят руку польских агитаторов – рассуждение, напоминающее доводы волка у Лафонтена. Свирепость, проявляемая обеими сторонами, говорит нам о том, какова будет развязка. Вероятно, наступит она нескоро: у народов, управляемых такими методами, страсти долго бурлят, прежде чем вспыхнуть. Опасность приближается с каждым часом, но кризис запаздывает, зло кажется бесконечным. Наши внуки, быть может, еще не увидят взрыва. Однако же сегодня можно предсказать его неизбежность, не пытаясь угадать, когда именно он разразится»[14]. Ошибка, как видно, лишь в том, что внуки маркиза все-таки увидели, как сбылось пророчество деда.

13. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. – М., 1992. – № 9. – С. 25–26.
14. Кюстин А. Николаевская Россия. – М.: Политиздат, 1990. – С. 209–210.

Впрочем, если нет пророка в отечестве своем, тем более его не может быть и в чужом.

Но социальный прогноз по своей мыслительной форме, в большинстве случаев, – проект. Действительно, всякая человеческая деятельность представляет собой некую акцию по изменению предмета деятельности (в контексте наших рассуждений таковым выступают социальные институты) в соответствии с идеально полагаемым планом. В простейших случаях подобный план складывается достаточно стихийно, на уровне следования некоторым уже имеющим место в культуре образцам. Однако по мере усложнения деятельности происходит расщепление и автономизация сферы разработки и проектирования самой деятельности. Ее результатом становится более или менее детализованная модель, воплощение которой в определенном материале и должно давать желаемый результат. Причем следует различать проектировщика и фигуру практика, реализующего проект, ибо здесь имеет место довольно много специфических моментов. Это умения, практический опыт и т.п., моменты неотчуждаемые от деятеля, неформализуемые. Деятельность проектировщика следует отличать от деятельности ученого-исследователя. Деятельность проектировщика ориентирована на трансформацию некоего материала, создание феноменов с желаемыми свойствами. Материалом в нашем случае выступает социальная реальность, объективные (не желаемые, а, именно, объективно присущие ей) свойства которой весьма далеки от нашего сегодняшнего понимания. На получение знаний о свойствах реальности как таковой ориентировано собственно научное познание. Проектировщику заданы желаемые свойства, функции, под которые необходимо «подобрать» соответствующий материал. Научная задача: задан, известен материал – необходимо определить его свойства, функции, зависимости, которым подчиняются их изменения. Вопрос в том, какую роль в обеспечении решения задач социального строительства может играть историческое знание.

Ж. Людвиг

БЕСПОКОЙНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК: ЕС, РОССИЯ И ИХ ОБЩИЕ ПОСТСОВЕТСКИЕ СОСЕДИ*

**Людвиг Жужа – доктор философии,
старший научный сотрудник Института мировой экономики
Венгерской академии наук.**

Вступительные замечания и постановка вопросов

В последние годы между Россией и ЕС развернулась более или менее открытая конкуренция за интеграцию с их общими соседями – европейскими постсоветскими странами. Будучи так называемой *мягкой властью*, ЕС применил *мягкие* инструменты: предложил соседним странам привлекательную модель отношений и поддержку процесса их *европеизации*, т.е. демократической и рыночной трансформации без силовых политических приемов. Предложение ЕС содержало обещание частичной экономической интеграции, но не полного членства, а также предоставление ограниченной финансовой поддержки для достижения намеченных целей. Новая концепция ЕС формулируется как «Восточное партнерство» (Eastern Partnership, EaP), которое охватывает Украину, Молдову, Беларусь, Грузию, Армению и Азербайджан. В то же время в отношениях между ЕС и Россией действует самостоятельная концепция, имеющая помимо особых элементов, характерных для отношений этих двух сторон, также ряд общих черт с Восточным партнерством. В то же время Москва в рамках своего прагматического подхода применила иные, зачастую более жесткие средства, чтобы удержать постсоветские страны в своем лагере. Однако вопрос все еще остается открытым. Является ли предложение ЕС достаточно привлекательным, чтобы приблизить указанные страны? Или Россия способна привязать их к себе с помощью смеси старых и новых идей?

* *Статья основана на выступлении автора на конференции «Россия в многополярном мире», организованной Институтом экономики РАН 28–29 октября 2010 г. в Москве.*

Следует ли именно так ставить указанные вопросы? Почему не решать проблему в большей мере в духе сотрудничества? В чем состоят реальные интересы рассматриваемых «промежуточных» стран? Более глубокий анализ показывает, что соперничество является наихудшим вариантом. Оно неблагоприятно для ЕС не только потому, что ведет к глубоким разногласиям внутри ЕС, но также и потому, что является одним из главных препятствий для развития в целом отношений между ЕС и Россией. (Ведь Россия, одна из двух ведущих европейских держав, также является основным постсоветским политическим и экономическим партнером ЕС!) Конкуренция заставляет затрагиваемые ею страны – участницы Восточного партнерства принимать тяжелые, подчас невыполнимые решения. Россия также страдает в этой ситуации, в том числе в финансовом аспекте, а конфликты с ближайшими соседями несколько раз наносили ущерб ее имиджу как надежного глобального игрока.

Как следует вести себя ЕС? Это сложный вопрос, главным образом, из-за большого разнообразия интересов стран-членов. «Российская проблема» (или в более широком плане «постсоветская проблема») уже оказывалась одним из наиболее серьезных факторов разделения позиций внутри ЕС. Инициатива Восточного партнерства отражает эту проблему довольно точно. Однако эта концепция в данный момент еще обладает достаточной гибкостью, чтобы, с одной стороны, от лица определенной группы стран – членов ЕС поддерживать у стран – объектов их политики надежду на возможную перспективу членства, а с другой – в соответствии с интересами другой группы стран – членов ЕС выступать в качестве подходящего средства удержания этих стран на определенной дистанции от ЕС. Что в этой ситуации может сделать Брюссель? Какой компромисс возможен? В какой мере Лиссабонский договор способствует решению этих проблем? В статье будут рассмотрены эти сложные вопросы, хотя автор сознает, что дать конкретные и окончательные решения невозможно, они остаются заданием для Брюсселя.

1. Краткий обзор состояния отношений между ЕС и Россией

Два десятилетия истории отношений между ЕС и Россией весьма напоминают аттракцион американских горок, когда дорога некоторое время идет круто вверх, затем внезапно обрушивается вниз, затем снова поднимается и т.д. После нескольких лет «потепления» в первой половине 1990-х годов, когда предстояло установить новые формы отношений, они вскоре подверглись падению в результате российско-чеченского конфликта. После недолгого периода сближения отношения ЕС и России снова испытали удар, на этот раз из-за российского финансового кризиса, разразившегося в 1998 г. За этим последовал наиболее позитивный этап отношений, названный «стратегиче-

ским партнерством», начавшийся в 1999 г. и продолжавшийся почти до второй половины 2003 г., который ознаменовался амбициозными стратегиями партнерства с обеих сторон. Затем эти масштабные инициативы и задачи оказались мечтами, лишенными реальных оснований и ведущими к длительному негативному периоду в отношениях в целом, характеризуемому напряженностью и потерей доверия (табл. 1).

Таблица 1

ЭТАПЫ ОТНОШЕНИЙ ЕС И РОССИИ

Период	*Характер отношений*	*+ или -*
1992–1994	Более интенсивный диалог	+
Конец 1994–1996	Движение назад, столкновение с реальностями	-
1997–1998	Улучшение институциональной структуры (Международный суд в Гааге, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (PCA)) Перелом ситуации: Последствия августовского кризиса 1998 г.	+/-
1999 – II половина 2003	Этап «стратегического партнерства» – далеко идущие планы и стратегии	+
II половина 2003 – 2010	Разрушение иллюзий – утрата доверия	-
2011 – ?	«Перезагрузка»? Новые соглашения? Новые концепции? Возможность вступления России в ВТО?	? (+)
Учитываемые факторы: Институциональные изменения, внутренняя политика, экономические факторы и др.		

С 2003–2004 гг. отношения ЕС и России были довольно прохладными, со многими нерешенными проблемами, включая две важнейшие: трудности в переговорах по энергетике и расхождение во взглядах на будущее общих постсоветских соседей. Последняя проблема вышла на первый план в августе 2008 г. вследствие российско-грузинского конфликта и реакции на него со стороны ЕС. Однако с 2010 г. в отношениях между ЕС и Россией, как и в американо-российских отношениях, появились признаки «перезагрузки». Новые источники конфликтов между сторонами отсутствуют, а старые находятся в стадии разрешения. Европа устала от конфликтов с Россией, своим крупнейшим европейским партнером. Перенастройке отношений может способствовать новая система европейских институтов, действующая, согласно Лиссабонскому соглашению, также с 2010 г. Соглашение изменило компетенции национальных органов государственного управления и самого Европейского Совета и создало новый баланс власти между европейскими институтами за счет введения новых высших должностей. Основные направ-

ления внешней политики ЕС определяются Европейским Советом и Советом по иностранным делам и осуществляются Верховным представителем ЕС по иностранным делам при содействии как Европейского Совета, так и Европейской Комиссии. Эти нововведения ведут к ограничению влияния отдельных стран-членов, однако различия в подходах между странами-членами все еще могут считаться основным препятствием для развития отношений между ЕС и Россией. В то же время России также необходимо оценить свои амбиции с точки зрения своей международной роли и направленности внешней политики в свете последствий экономического кризиса. Другие, кроме России, мощные центры, такие как три страны БРИК – Китай, Индия и Бразилия, оказались в выигрыше за счет кризиса. В результате Европа может снова занять более высокое место в планах российских политиков как фактор модернизации, поскольку Китай, крупнейший развивающийся партнер России, еще не в состоянии выполнять такую миссию.

Несмотря на все положительные признаки, новая институциональная структура двусторонних отношений практически не развивается. Переговоры по новому соглашению начались в июле 2008 г., и к концу 2010 г. состоялись 12 полномасштабных переговорных раундов. Новое соглашение призвано обновить и заменить действующее соглашение о партнерстве и сотрудничестве. В соответствии с официальной позицией ЕС новое соглашение «должно обеспечить всестороннюю основу для отношений между ЕС и Россией, включить в себя реальные, юридически закрепленные обязательства во всех областях сотрудничества, в том числе в области политического диалога, проблематики правосудия, свободы и безопасности, экономического сотрудничества, научных исследований, образования и культуры, а также надежные положения относительно торговли, инвестиций и энергетики» (22). Обращает на себя внимание то, как менялось название нового соглашения между ЕС и Россией за последние годы: в начале десятилетия оно носило название «Соглашение о стратегии и сотрудничестве», затем «Новое соглашение о сотрудничестве», и теперь это просто «Новое соглашение». Это вполне отражает серьезные изменения в характере отношений.

Отсутствие прогресса в заключении нового соглашения объясняется главным образом различиями в ожиданиях двух сторон. Так, ключевой элемент планов ЕС – свободная торговля – отнюдь не привлекает внимание России, которая имеет устойчивую, хотя и одностороннюю структуру экспорта в ЕС, и, как правило, не встречает серьезных торговых ограничений. Другое важное препятствие – затянувшийся процесс вступления России в ВТО. С точки зрения европейских бюрократов, членство в ВТО является необходимым условием для экономического сближения с Россией, тогда как российская сторона в последние годы рассматривает вступление в ВТО весьма прагматически. Тем не менее в конце 2010 г. здесь появились некоторые по-

ложительные сдвиги. Возможно, российский подход к проблеме изменился, и конечная цель вступления в ВТО снова воспринимается серьезно. Западный мир может только приветствовать такой поворот, поскольку членство России в «клубе» соответствует его высшим интересам. Что касается другой ключевой проблемы международных отношений России – энергетической хартии, то, как показали заявления Москвы в 2010 г., она не придает ей большого значения, тогда как европейская сторона связывает с ней большие ожидания. Еще одна проблема, где проявляются различные подходы, связана с визами. Россия добивается для своих граждан безвизового режима, но ЕС весьма нерасположен к его предоставлению.

Две наиболее значимые проблемные ситуации в отношениях ЕС – Россия, помимо часто упоминаемой так называемой дилеммы «ценностей», связанной с состоянием российской демократии, состоят в следующем. Во-первых, это затруднения в сотрудничестве в сфере энергетики, возникающие прежде всего из-за потери доверия, корни которой уходят в постсоветские газовые (и нефтяные) конфликты, сильно ударившие по Европе в последние годы, а также в реализации параллельных инфраструктурных проектов, что тесно связано с первой проблемой. Во-вторых, это соперничество за влияние на стран-соседей, т.е. на ориентацию их модели развития, и вытекающее из него общее уязвимое место сотрудничества. Хотя Россия сильно пострадала в результате мирового экономического кризиса и ее экономическое положение в мире частично ослабло, не подлежит сомнению, что она по-прежнему стремится быть лидером постсоветского пространства и рассматривает его как сферу своего влияния. В этом плане Украина, в прошлом пионер в установлении новых форм сотрудничества с ЕС, является ключевой страной региона. Последние президентские выборы в Украине открыли для России возможность создать новые формы сотрудничества с ней.

С точки зрения экономических показателей отношения ЕС – Россия имеют существенное значение. Россия – третий по величине торговый партнер и важнейший поставщик энергоресурсов для Европейского союза. Новое «Партнерство для модернизации», инициированное в период председательства Швеции в июне 2010 г., призвано еще раз подчеркнуть это значение и продвинуть вперед развитие взаимоотношений. Однако его еще предстоит наполнить содержанием. Подводя итог отношениям ЕС – Россия, следует сказать, что за последние шесть-семь лет они вряд ли продвинулись вперед, и часто менявшиеся формы и названия этих отношений лишь затушевывали их неэффективность.

2. Разработка Европейским союзом «предложения» постсоветским странам

В 1990-е годы после десятилетий холодных отношений страны европейской интеграции, теперь составляющие Европейский союз, и постсоветские страны начали разрабатывать рамки новых отношений. Главной чертой этого периода была поддержка со стороны ЕС процесса демократизации и построения рыночной экономики, что отразилось на основных формах сотрудничества, таких как Программа по предоставлению технической поддержки странам СНГ (TACIS), а затем серия соглашений о партнерстве и сотрудничестве почти со всеми постсоветскими странами, включая Россию. Накануне нового века планы расширения ЕС прямо поставили вопрос о постсоветских странах в его повестку дня, что привело к переоценке отношений. Благодаря вступлению Финляндии в 1995 г. в ЕС, Россия стала непосредственным его соседом. Новая волна расширения на Восток сделала проблему более острой не столько из-за географической близости, сколько из-за интенсивности отношений между Россией (до того Советским Союзом) и новыми странами – членами ЕС. Принятие новых членов в 2004 и 2007 гг. сыграло специфическую роль, поскольку ЕС получил новых соседей, принадлежащих к постсоветскому региону и составлявших для России «ближнее зарубежье». Между ЕС и Россией возникла новая буферная зона, состоящая из европейских стран, имевших очень тесные связи с Россией, но в то же время находившихся на пути создания тесных отношений с ЕС. Эта ситуация была наиболее характерна в случае с Украиной, которая в то время пыталась проводить так называемую многовекторную политику.

Накануне расширения ЕС в 2004 г. основная идея состояла в формировании отношений дружбы, экономического процветания и стабильности с соседями и на Юге, и на Востоке, в том числе с будущими соседями из постсоветского пространства. С этой целью ЕС выработал новую политику, получившую название Политики европейского соседства (European Neighbourhood Policy, ENP), позже подкрепленную новым финансовым инструментом (ENPI). Сердцевину новой политики в отношении соседей составляло поощрение экономических связей за счет интеграционных мер и создание более регулярного и интенсивного политического диалога со всеми рассматриваемыми странами; при этом темпы и уровень «сближения» должны были определяться как намерениями соответствующих стран, так и результатами, достигнутыми ими при выполнении «домашних заданий», порученных ЕС. Согласно первоначальной идее, каждая страна, участвующая в Политике европейского соседства, придерживалась собственного пути (и временны́х рамок) при сближении с ЕС. Для некоторых из них это мог быть режим свободной торговли, для других предполагался более интенсивный

диалог по политическим или визовым вопросам. И только в 2009 г. произошло разделение восточного и южного векторов Политики европейского соседства, причем последний охватывал страны, не претендовавшие на вступление в ЕС. Восточное партнерство было запущено на саммите в Праге в мае 2009 г.

Украина была государством, игравшим ключевую роль в этой политике по ряду причин. Она первой из постсоветских стран заявила о намерении вступить в ЕС. Она имеет общую границу с несколькими новыми странами-членами и с Россией. Она демонстрировала признаки наибольшего успеха в демократизации в том, что касается, например, демократических выборов или создания партий. Она также обладает крупнейшей постсоветской экономикой после России и тесными экономическими связями как с Россией, так и с ЕС. И главное, даже сейчас она занимает позицию основного транзитера газоснабжения из России в ЕС. Украина была пионером Политики европейского соседства, демонстрируя наибольшие амбиции и надежды на перспективу вступления в ЕС. Однако вместо того, чтобы поощрять этот путь, руководствуясь достижениями Украины в двусторонних отношениях с ЕС, новая европейская инициатива партнерства последовала старой логике единообразия и поместила ее в одну корзину с пятью другими постсоветскими странами. Всем им было предложено то, чего Украина уже достигла к тому времени: перспектива соглашения об ассоциации (Association Agreement) с всеобъемлющим соглашением о свободной торговле в его основе, дальнейшие переговоры об облегчении визового режима, диалог по проблемам энергетики и т.д.[1] Ни одной постсоветской стране не была предоставлена перспектива вступления в ЕС, хотя три из них уже сделали явную заявку: Украина, Молдова и Грузия. ЕС не сказал и четкого «нет». Другие страны: Беларусь, Армения и Азербайджан, не имеют столь тесных отношений с ЕС и даже определенных целей относительно них.

3. Расхождения интересов среди стран – членов ЕС

Что стоит за осторожностью и единообразием подхода ЕС к постсоветским странам? Очевидно, что на официальных лиц и дипломатов в Брюсселе влияет так называемый «российский фактор». Любые инициативы ЕС в отношении восточных соседей будут иметь последствия для России и, таким образом, для отношений между Россией и ЕС. Но различные страны – члены ЕС смотрят на эту проблему по-разному. Точнее говоря, именно проблема России служит основной разграничительной линией внутри ЕС. По мнению

1. В виде исключения предложения ЕС Беларуси были ограниченными, и эти ограничения были связаны с внутренними политическими событиями в стране.

Питера Манделсона, бывшего Комиссара ЕС по торговле, «никакая другая страна, кроме России, не высвечивает столь ярко наши (*т.е. стран – членов ЕС*) различия». К этому следует добавить еще одно важное положение: двусторонние отношения с Россией также определяют или оказывают глубокое воздействие на подходы стран-членов к Восточному партнерству (ЕаР).

Таблица 2

ГРУППИРОВКА СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕС ПО ТИПУ ИХ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ (2009)

Стратегические партнеры	*Дружественные прагматики*	*Прохладные партнеры*
Германия	Испания	*Великобритания*
Франция	Финляндия	Швеция
Италия	Австрия	Польша
	Болгария	Румыния
	Словакия	Латвия
	Венгрия	Эстония
		Литва
		Чешская Республика

Примечание: В таблице указаны только те страны – члены ЕС, которые исследовались в рамках проекта по изучению различий в политике по отношению к России, проведенного под руководством автора в Институте мировой экономики Венгерской академии наук. Проект охватывал новые страны – члены Центральной и Восточной Европы и так называемые большие страны. Распределение по категориям отражает состояние на 2009 г.[2]

Страны – члены ЕС могут быть разделены на три категории по их отношению к России. (Эта группировка весьма близка к российской категоризации ее партнеров в ЕС на: 1) стратегических партнеров; 2) прочих друзей; 3) недружественных партнеров.) Естественно, что позиции, отраженные в таблице, могут изменяться. Страны, обозначенные курсивом, являются подвижными, не привязанными постоянно к своей группе. Так, Великобритания несколько лет назад являлась стратегическим партнером, в начале десятилетия Венгрия была прохладным партнером, а Чешская Республика принадлежала к группе дружественных прагматиков (11). Словакия подавала признаки более прохладного подхода после перерыва в снабжении газом в январе 2009 г. (3). Польша также в последнее время встала на путь большего пони-

2. В рамках данного проекта были использованы результаты другого международного проекта, осуществленного для Европейского Совета по иностранным делам (European Council on Foreign Relations, ECFR) под руководством Н. Попеску и Л. Марка. В его окончательном документе были представлены пять групп стран с добавление двух «крайних»: 1) группа «троянских коней», придерживающихся сильного пророссийского направления (Греция, Кипр); 2) группа «новых поборников холодной войны» с антироссийским подходом вплоть до использования вето для блокирования совместных действий ЕС (Польша и Литва) (14).

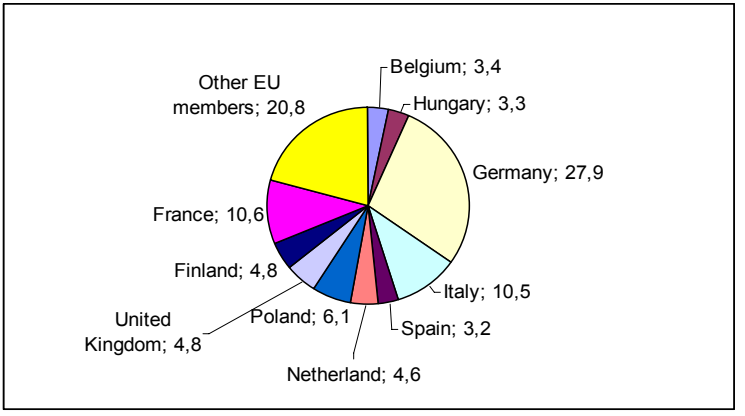
мания в отношении России. Пример новых членов ЕС из Центральной и Восточной Европы говорит о том, что такие изменения часто связаны с внутренними изменениями в политической власти. В ряде других случаев причина смены подхода коренится в политике России, например в случае Великобритании – из-за наличия признаков российского антидемократического процесса, или в случае Словакии – из-за российско-украинского газового спора 2009 г., нанесшего ей ущерб перерывом в газоснабжении.

Посмотрим более внимательно на эти группы стран. Первая из них – группа *стратегических партнеров*. Основными характеристиками стран этой группы, в которую входят Германия, Франция и Италия, являются крупные и сильные экономики и, следовательно, влиятельные позиции в рамках ЕС и очень тесные экономические связи с Россией. Хотя политические отношения между ними и Россией интенсивны и сбалансированы, очевидно, что основа их партнерства коренится в деловых контактах, все они среди крупнейших торговых партнеров России (см. диагр. 1 и 2). Общей чертой, доминирующей в этих отношениях, является энергетическое партнерство, но важно также и то, что Россия является крупным рынком. В их подходе прагматизм преобладает над идеологией, или, иными словами, деловые интересы важнее, чем так называемые «ценности». Эти страны стремятся в максимально возможной степени вовлечь Россию в инициативы ЕС[3]. Конечно, за таким «национальным поведением» стоит сильное промышленное лобби[4], в то время как общественное мнение может отличаться от дипломатического курса. Франция может служить прекрасным примером такой ситуации (10).

3. Недавним примером служит предложение, сделанное Президентом Франции Н. Саркози в октябре 2010 г., относительно создания нового совместного с Россией пространства экономики и безопасности, что можно рассматривать как положительный ответ на российскую идею новой системы европейской безопасности. Президенты России и Франции и Канцлер ФРГ провели также трехстороннюю встречу во Франции в конце октября, которая стала первой за последние пять лет (4; 23).

4. См. данные по Германии в исследовании Охманна (Ochmann) (16).

Диаграмма 1

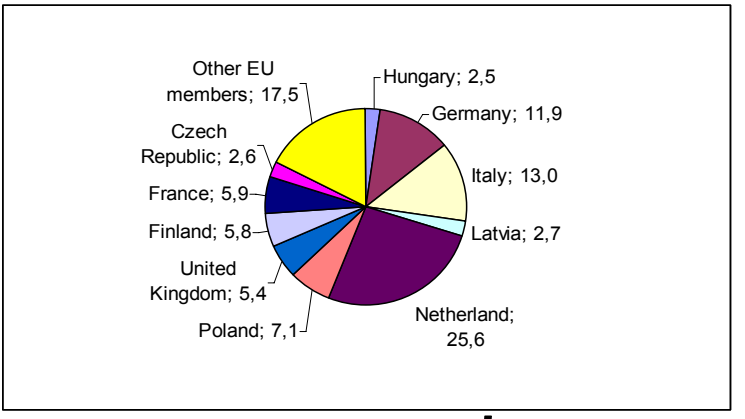

Доля стран ЕС в экспорте ЕС в Россию (2010) (в %)

Источник: Федеральная таможенная служба РФ (6).

По часовой стрелке:
Другие страны – члены ЕС
Бельгия
Венгрия
Германия
Италия
Испания
Нидерланды
Польша
Великобритания
Финляндия
Франция

Диаграмма 2

Доля стран ЕС в импорте ЕС из России (2010) (в %)[5]

Источник: Федеральная таможенная служба РФ (6).

По часовой стрелке:
Другие страны – члены ЕС
Венгрия
Германия
Италия
Латвия
Нидерланды
Польша
Великобритания
Финляндия
Франция
Чешская Республика

Проводя в жизнь политику Восточного партнерства, стратегические партнеры следовали принципу первоочередного учета интересов России («Россия на первом месте» – «Russia First»). Их подход к восточной составляющей Политики европейского соседства (ENP) скорее осторожен, поскольку-

5. Доля Нидерландов искусственно завышена из-за влияния реэкспорта через голландские международные порты, главным образом Роттердам.

ку они в значительной степени принимают во внимание интересы России и ее чувствительность по отношению к ближнему зарубежью. Они не были среди тех стран, которые поддержали идею предоставить Украине перспективу вступления в ЕС, не поддержали они и идею членства Украины и Грузии в НАТО. Интересно, что британские эксперты, представители страны, которая была стратегическим, но затем стала прохладным партнером России, также относятся с пониманием к ее чувствительности к соседям (17). Однако в период после оранжевой революции необходимость дать Украине ответ со стороны ЕС вызывал у большинства из них головную боль.

Прохладные, или недружественные партнеры занимают другую крайнюю позицию на шкале. Это смешанная группа, в нее входят малые и большие страны, старые и новые члены ЕС, объединенные общим чувством русофобии, которое особенно сильно у последних. Они склонны видеть в России опасность. Их подход к России определяется скорее идеологией и так называемыми «европейскими ценностями», чем простыми деловыми интересами. Конечно, их экономические связи с Россией также сильны. Для многих из них зависимость от российских энергетических поставок является решающей проблемой. Следовательно, они стремятся удерживать Россию максимально дальше от ЕС, как инициируя новые пути снабжения энергоресурсами в обход России, так и с помощью общих условий (2; 15). При проведении политики Восточного партнерства они играют роль главных сторонников восточной составляющей Политики европейского соседства (ENP), некоторые из них даже требовали четкого предоставления европейской перспективы, например для Украины. Сама инициатива Восточного партнерства исходила от этой группы, в качестве главных ее локомотивов выступали Польша и Швеция. Многие из недружественных партнеров хотели бы видеть программу Восточного партнерства отделенной от проблемы России в некоторых вопросах вплоть до утверждения политики «Украина на первом месте» («Ukraine first»).

Группу, занимающую среднее положение, мы назвали «*дружественными прагматиками*», поскольку их подход отличается пониманием по отношению к России. Основываясь на своем прагматическом образе мыслей, они создали сбалансированные политические отношения с Россией. Так же как и стратегические партнеры, эти страны признают важность чувствительности России к общим соседям. Соответствующий их подход к России объясняется очень сильными экономическими связями, как правило, в энергетической сфере (1), а также в ряде других случаев (например, в случае Финляндии) учетом ее значения как рынка (13). Эти страны (за исключением Испании) непосредственно связаны с российской системой энергетической инфраструктуры и в результате сильно зависят от российского топлива. По причинам своего специфического «российского подхода» и особого географическо-

го положения, а также благодаря историческим и этническим факторам, их восприятие Восточного партнерства отличается значительной неоднородностью. Для тех стран, которые не были членами советского блока или расположены вдали от современной территории России (как Испания), весьма характерен подход «Россия на первом месте». Как отмечалось выше, подход новых членов ЕС к России может колебаться в зависимости от внутреннего политического баланса власти, который может радикально меняться в результате выборов. Однако для некоторых из этих новых членов ЕС важное значение имеют определенные страны – участники Восточного партнерства (например, Украина для Венгрии и Словакии), и это обстоятельство заставляет их балансировать между поддержкой Восточного партнерства и политикой «Россия на первом месте».

В следующей таблице суммированы описанные выше подходы различных стран ЕС к политике Восточного партнерства.

Таблица 3

ГРУППИРОВКА СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕС ПО ТИПУ ИХ ПОДХОДА К ВОСТОЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ (УКРАИНЕ)

Политика «Россия на первом месте» / пассивность по отношению к Восточному партнерству	*Признание важности и России, и участников Восточного партнерства / поддержка Восточного партнерства*	*Политика «Восточное партнерство на первом месте» / локомотивы Восточного партнерства*
Германия	Австрия	Швеция
Франция	Болгария	Польша
Италия	Словакия	Чешская Республика
Финляндия	Венгрия	Латвия
Испания		Литва
Великобритания		Эстония
		Румыния (черноморская синергия!)

Примечание: Таблица содержит сведения только о тех странах – членах ЕС, которые исследовались в 2009 г. в рамках проекта Института мировой экономики Венгерской академии наук. (Румыния заинтересована в большей мере в политике ЕС «Черноморская синергия» (Black Sea Synergy), чем в самом Восточном партнерстве. Интерес представляет Великобритания, которая, хотя и принадлежит к недружественным партнерам России, но следует политике «Россия на первом месте», когда учитывает ее чувствительность к ближнему зарубежью).

4. Россия как постсоветский центр притяжения

Очевидно, что Россия выступает как важнейший и наиболее мощный центр притяжения на постсоветском пространстве. Еще важнее то, что с самого начала процесса трансформации Россия проявляла сильное желание сохранить за собой лидирующую позицию на всем этом пространстве. Этой

цели служило создание по российской инициативе целого ряда постсоветских институтов и организаций. Три наиболее существенные элементы «пакета», предложенного Россией другим постсоветским странам, представляли собой: 1) систему безопасности; 2) привлекательные сделки в области энергетики; 3) экономическую интеграцию[6]. Конечно, существуют большие различия в том, как постсоветские страны реагируют на эти «приглашения», присоединяясь к той или иной из постсоветских организаций. Кроме того, процессы создания группировок среди постсоветских стран в течение почти двух десятилетий имеют собственную историю, представленную рядом проектов, в том числе как инициированных Россией, так и, напротив, имеющих целью избежать российского влияния.

Рассмотрим пример экономической интеграции. Со времени 1990-х годов Россия выдвинула несколько инициатив в области экономической интеграции, начиная от создания в 1993 г. Содружества независимых государств, задачи которого включали как экономическую интеграцию, так и коллективную безопасность. Далее следовали шаги в направлении создания Союзного государства России и Беларуси и таможенного союза пяти стран, позднее реорганизованного в Евразийское экономическое сообщество (в составе России, Беларуси, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана, к которым позднее присоединился Узбекистан). Общей чертой этих интеграционных институтов явилось то, что большинство амбициозных целей не были реализованы и оставались на бумаге из-за расхождений интересов стран – членов и неэффективных организационных структур.

Наиболее значительной российской инициативой 2000-х годов явилась идея Единого экономического пространства, выдвинутая в 2003 г. с целью интеграции четырех крупнейших экономик среди стран СНГ – России, Украины, Беларуси и Казахстана. Этой интеграционной организации предстояло следовать логике процесса европейской интеграции со свободной торговлей на первом этапе, последующими этапами в виде таможенного союза и общего рынка и завершением в виде реального экономического и политического союза. Однако идея вскоре потерпела неудачу из-за выхода Украины и столкнулась с серьезными трудностями и среди трех других членов, которые одновременно являются членами Евразийского экономического сообщества.

6. В данной статье не рассматриваются проблемы безопасности СНГ. К тому же в ней лишь затрагивается сложный вопрос о постсоветской энергетической сфере, указывается лишь на сильную корреляцию между хорошими и сбалансированными политическими отношениями с Россией, с одной стороны, и благоприятными ценами на газ, предлагаемыми Россией, – с другой. Эта корреляция была значительно ослаблена за последние годы в связи с развертыванием российских планов сближения энергетических (газовых) цен в СНГ с ценами мировых рынков. Однако три указанных выше элемента находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Таможенный союз был провозглашен в 2010 г. лишь после серьезных разногласий между Россией и Беларусью и с многочисленными оговорками (9)[7]. После украинских президентских выборов в 2010 г. возник новый базис для российско-украинских отношений, был также поставлен вопрос о присоединении Украины к единому экономическому пространству. Однако этот вопрос весьма проблематичен. Украина находится в процессе переговоров с ЕС относительно соглашения о свободной торговле. Согласно логике ЕС, Украина не может иметь режим свободной торговли с ЕС и одновременно быть членом Единого экономического пространства, поскольку другие его члены не имеют режима свободной торговли с ЕС. Вступление Украины в Единое экономическое пространство поставило бы также серьезные проблемы относительно членства Украины в ВТО. Таким образом, в настоящий момент в том, что касается инициативы по интеграции, можно наблюдать колеблющуюся Украину и разочарованную Россию. Тем временем Брюссель, видимо, опасается любых дальнейших сближений двух крупнейших постсоветских стран.

5. «В промежутке» – страны Восточного партнерства

С точки зрения отношения к своему промежуточному положению страны Восточного партнерства представляют пеструю картину, тем не менее они могут быть разделены на две группы. Первая группа включает Азербайджан, Армению и Беларусь, вторая – остальные три страны. Для первой группы промежуточное положение не представляется реальным бременем, более того, ситуация, при которой они интересуют оба центра притяжения, может быть выгодной для них. Например, для *Азербайджана* соперничество между ЕС и Россией фактически не представляет проблемы. Его современные отношения с ЕС носят в основном экономический характер с упором на энергетику, а деловые отношения в энергетике не требуют специальных условий, энергетический бизнес может действовать на собственной основе. Эта страна не имеет каких-либо намерений в отношении реальной интеграции с ЕС. Интерес представляет то обстоятельство, что даже в этом случае имеет место критическое настроение в отношении Восточного партнерства. *Араз Азимов*, заместитель министра иностранных дел Азербайджана, высказался весьма скептически, заявив, что «Восточное партнерство, эта инициатива ЕС по развитию отношений с восточными соседями, неадекватна для решения геополитических проблем Кавказа» (21). Это означает, что Азербайджан заинтере-

7. Другие центральноазиатские страны – члены Евразийского экономического сообщества показали свою неготовность к присоединению к группе трех более развитых экономик Таможенного союза.

сован скорее в активизации ЕС в геополитическом смысле, чем в его участии в основном в процессах трансформации и экономической интеграции. Наряду с этим, в Азербайджане хотели бы видеть в качестве «дополнительных направлений» Восточного партнерства крупные инфраструктурные проекты в области энергетики и транспорта (21). Более того, Азербайджан, согласно словам заместителя министра, чувствует себя находящимся не «между» Россией и Западной Европой, а скорее между европейской и азиатской цивилизациями. Хотя Восточное партнерство имеет множественную направленность, эта точка зрения выходит далеко за его пределы.

Армения стремится получить максимально возможные выгоды от сотрудничества с ЕС, но также не имея конечной цели интеграции. Для нее Восточное партнерство представляется не острой проблемой, а полезным инструментом приобретения дополнительных средств и опыта для процесса трансформации страны. Для *Беларуси* Восточное партнерство означает благоприятную возможность уравновесить влияние России прежде всего в экономической сфере (с точки зрения структуры источников кредитных ресурсов или решения проблем энергетики), но также и политически. Беларусь сегодня также не имеет каких-либо реальных намерений в отношении интеграции с ЕС, однако этот вопрос может внезапно появиться в повестке дня в случае смены внутренней политической власти, чего не следует исключать когда-либо в будущем.

В данный момент наиболее проблемная группа включает Украину, Молдову и Грузию. Эти страны вызывают сильную головную боль и у России, и у ЕС. Их «промежуточная» ситуация сложна для самостоятельного решения по ряду хорошо известных причин. Все они мечтают об интеграции с ЕС вплоть до претензий на перспективу членства, с одной стороны, и имеют прочные экономические контакты и острые проблемы безопасности, связанные с Россией, – с другой. Рассмотрим пример *Украины*. После «оранжевой революции» отношения между ЕС и Украиной стали более интенсивными и дружественными. Украина стала страной-пионером постсоветского пространства, для которой ЕС разработал идею так называемого «глубокого и всеобъемлющего соглашения о свободной торговле» («deep and comprehensive free trade agreement», DCFTA), а позднее концепцию соглашения об ассоциации (Association Agreement). Именно в это время Украина решила выйти из инициированного Россией проекта Единого экономического пространства, нацеленного на интеграцию четырех крупнейших постсоветских экономик. В результате она понесла крупные торговые потери из-за длительных торговых войн, инициированных Россией против украинских производителей (а затем и наоборот). Сегодняшняя географическая структура внешней торговли Украины говорит о том, что страна выиграет при режиме свободной торговли как с Россией, так и с ЕС, однако в последнем случае это не столь очевидно

по причине неблагоприятной товарной структуры украинского экспорта в ЕС и в еще большей степени низкой конкурентоспособности продукции по широкому кругу товаров[8]. Говоря о «вынужденном выборе», можно сказать, что положение *Молдовы* очень близко к украинскому, за исключением одной существенной проблемы – ситуации в Приднестровье. Этот замороженный конфликт также требует кооперации с Россией. *Грузия* – единственная страна, которая прямо вышла из СНГ, также выиграла бы от восстановления отношений с Россией, чему могло бы способствовать сближение России с ЕС.

В целом, для последних трех стран неблагоприятная ситуация состоит в том, что их курс на интеграцию с ЕС из Москвы видится как политически недружественный шаг, означающий отход от ядра, заложенного Россией. Это особенно явно проявлялось в период прохладных отношений ЕС и России, который начался в 2003–2004 гг. и продолжался почти до настоящего времени. Хотя в последнее время появились признаки «перезагрузки» в отношениях ЕС – Россия, новая инициатива «Партнерства для модернизации» (2010) до сих пор не стала убедительной в этом плане, поскольку ряд основных дилемм, включая проблематику стран-соседей, все еще ждет своего решения.

Перспективы отношений ЕС – Россия: Соперничество или сотрудничество?

В первой половине 2011 г. Венгрия председательствовала в ЕС. Когда министру иностранных дел Венгрии Яношу Мартоньи задали вопрос о приоритетных задачах, которые ставит Венгрия перед своим председательством в связи с проблематикой Восточного партнерства и России, он, опираясь на пример Украины как главного партнера Венгрии, ответил: «Мы принимаем во внимание, что в современных условиях отношения с Россией имеют первостепенную важность для Украины. Мы намерены укреплять связи Украины с европейским центром притяжения, т.е. Европейским союзом, предлагая партнерское сотрудничество и практические выгоды, но при этом не затрагивая вопроса о выборе и не ставя (Украину) перед необходимостью выбора» (20). Весь вопрос в том, как это сделать? Ни одна из сторон – ЕС, Россия или страны – участники Европейского партнерства – не готова ответить на этот важнейший и значимый вопрос, но сегодня очевидно, что соперничество вредоносно для всех. Хотя все три стороны уже признают важность мыслить в тройном направлении, ни одна не нашла ответа «как». Базовые схемы и инициативы уже существуют и в отношениях между ЕС и Россией, и в отноше-

8. Не случайно, что переговоры с Украиной о DCFTA в последнее время замедлились из-за сопротивления со стороны украинского промышленного лобби, опасающегося открытия украинского рынка.

ниях между ЕС и Украиной (между странами ЕС и странами Восточного партнерства), а также и относительно возможных форм отношений между Россией и Украиной. Как содержание этих схем может быть согласовано и подходить одно к другому?

История отношений ЕС и России свидетельствует о взлетах и падениях. После долгих лет прохлады настала очередь подъема. Фон общей ситуации также указывает на новые возможности: в отношениях между США и Россией наступила «перезагрузка», отношения России с НАТО могут стать перспективными в сравнении с предшествующими годами, осложненными рядом конфликтов. ЕС также стремится к расширению сотрудничества с Россией. Столкнувшись с новыми вызовами на мировой арене, связанными с формирующимися рынками Азии, точнее говоря гонкой с Китаем и Индией, Европа стала бы сильнее вместе с Россией. В отношениях между ЕС и Россией настало время нового этапа сотрудничества. Помимо хорошо известной взаимозависимости в энергетической сфере, Россия также нуждается в Европе для процесса модернизации. Однако сближение между ЕС и Россией невозможно без разрешения проблемы соперничества в отношениях с общими соседями!

Хотя новые институциональные изменения, введенные Лиссабонским договором, могут внести принципиальный вклад в формулирование более цельной политики ЕС по отношению к России, это не разрешит российскую дилемму ЕС. Некоторые крупные и влиятельные страны – члены ЕС, такие как стратегические партнеры России, Германия, Франция и Италия, с одной стороны, и Польша и Великобритания – с другой, сохранят свое специфическое и определенное видение России, даже несмотря на недавнее смягчение жесткости позиции последних.

Другая крупная проблема состоит в том, что Европейский союз все еще не способен рассматривать все постсоветское пространство как сложный комплекс, хотя и выдвинул инициативы в отношении всех частей региона: концепцию четырех пространств для России[9], Восточное партнерство для шести других европейских постсоветских стран (2009) и общую центральноазиатскую стратегию (2008). Теперь задача состоит в том, чтобы сблизить эти концепции таким образом, чтобы сделать их приемлемыми для всех сторон, включая Россию. Общей целью партнерства ЕС – Россия и Восточного партнерства является либерализация визового режима. Глубокая и всесторонняя

9. 1. Общее экономическое пространство, охватывающее экономические проблемы и проблемы окружающей среды. 2. Общее пространство свободы, безопасности и правосудия. 3. Общее пространство внешней безопасности, включающее управление кризисными ситуациями вопросы нераспространения ядерного оружия. 4. Общее пространство науки и образования, включающее культурные аспекты.

свободная торговля как новая форма экономической интеграции также стоит в повестке дня как Восточного партнерства, так и сотрудничества ЕС и России. Энергетическая проблема связывает все три концепции, т.е. охватывает также и Центральную Азию. Эксперты ЕС уже начали исследовать возможные аспекты синергии в рамках панъевропейского пространства (доклад 2009 г.) (5). Настало время включить этот подход в практические действия Брюсселя! Конечно, возникает ряд вопросов. Каковы интересы России? Какие решения приемлемы для России? К каким компромиссам готов ЕС с учетом значительных расхождений интересов и подходов различных стран-членов? Могут ли страны – участницы Восточного партнерства принять всеобъемлющую постсоветскую стратегию ЕС? Пришло время положить эту повестку дня на стол переговоров.

Литература

1. Astrov, Vasily: Austria. Relations with Russia and implications for the Eastern Partnership. 2009. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: East European Studies N. 1. P. 165–182.

2. Bruge, Ilvija – Bukovskis, Karlis: The EU and the Eastern neighbours, relations with Russia and implications for the ENP. The case of the Baltic states. 2009. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: East European Studies N. 1. P. 86–131.

3. Duleba, Alexander: Slovakia's relations with Russia and Eastern neighbours. 2009. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: East European Studies N. 1. P. 7–60.

4. Górka-Winter, Beata – Kumoch, Jakub (2010): What is behind Sarkozy's Proposal for Reshaping EU-Russia Relations? Bulletin. The Polish Institute of Foreign Affairs. N. 125. 8th October, 2010.

5. Emerson, Michael – Fujiwara, Noriko – Checchi, Arianna – Gajdosova, Ludmilla – Gavrilis, George – Gnedina, Elena (2009): Synergies vs. Spheres of Influence in the Pan-European Space, CEPS, Brussels.

6. Federal Customs Service of Russia (http://www.customs.ru).

7. Éltető, Andrea: Spanyolország – udvarias pragmatizmus (Spain – polite pragmatism). 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok (East-European Studies), N. VII. P. 9–62.

8. Hugyecz, Attila: Németország – Oroszország modernizátora (Germany – Russia's modernisator), 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok (East-European Studies), N. VI. P. 9–62.

9. ICPS Inside Ukraine. 10th July, 2010.

10. Kiss, Szilvia: Franciaország – pragmatikus üzleti szemlélet és kulturális nagyrabecsülés (France – pragmatic business approach and mutual cultural) 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok (East-European Studies), N. VI. P. 63–114.

11. Kratochvil, Petr – Kuchinkova, Petra: Between the return to Europe and the Eastern Enticement: Czech relations to Russia. 2009. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: East European Studies N. 1. P. 61–85.

12. Ludvig, Zsuzsa (2009b): Oroszország, az Európai Unió és a közös posztszovjet szomszédság (Russia, the European Union and the common post-Soviet neighbourhood), in Stratégiai Kutatások 2008–2009 (Strategic Researches 2008–2009), Kutatási jelentések (Research Reports), P. 91–120. Office of the Prime Minister – Hungarian Academy of Sciences, Budapest.

13. Ludvig, Zsuzsa: Finnország – józan partnerség. (Finland – sober partnership) 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok (East-European Studies), N. VII. P. 135–200.

14. Mark, Leonard – Popescu, Nicu (2007): A Power Audit of EU-Russia Relations. Policy Paper. European Council for Foreign Relations. London.

15. Novák, Tamás: Románia – gyanakvó távolságtartás. (Romania – cautious distance keeping) 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok (East-European Studies), N. VII. P. 113–134.

16. Ochmann, Cornelius (2010): The future of the Eastern Partnership Seen from a German Perspective. Bertelsmann Stiftung.

17. Somai, Miklós: Nagy-Britannia – «értékvédelem versus pragmatizmus» (Great-Britain – guarding 'values' versus pragmatism) 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok, (East-European Studies), N. VII. P. 63–112.

18. Szemlér, Tamás: Friends will be friends? Bulgaria, Russia and the Eastern ENP partners. 2009. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: East European Studies N. 1. P. 132–164.

19. Tarjányi, Krisztina: Olaszország – a bilateralizmus túlsúlya Európával szemben? (Italy – the dominance of bilateralism over Europe?) 2010. Budapest, Institute for World Economics HAS, in: Kelet-Európa Tanulmányok (East-European Studies), N. VI. P. 115–148.

20. http://www.kulugyminiszterium.hu

21. http://www.euractiv.com

22. http://eeas.europa.eu/russia/index_en.htm

23. http://www.bsr-russia.com/en/international-relations/item/1024-russian-french-and-german-leaders-conclude-summit-in-france.html

Перевод с английского канд. экон. наук И.Г. Минервина

Т.В. Чубарова

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: РОССИЯ НА ФОНЕ МИРОВОГО ОПЫТА

Чубарова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, заведующая Центром экономической теории социального сектора ИЭ РАН.

Проблема социальной ответственности бизнеса сейчас находится в центре внимания. Она активно обсуждается и в научном сообществе, и в обществе в целом. На первый взгляд все достаточно ясно: бизнес реализует программы по социальным вопросам и в целом такая деятельность вносит определенный вклад в решение социальных проблем и оценивается положительно. Многие компании имеют социальные программы, выделяя на их финансирование значительные средства. Более того, вокруг социальной ответственности бизнеса сложилась целая PR-индустрия, пропагандирующая ее достоинства и поддерживаемая самим бизнесом и государством. Однако проблема, на наш взгляд, гораздо глубже и должна обсуждаться в рамках понимания роли и форм участия бизнеса в социальном развитии общества. Может ли коммерческая организация иметь альтруистические цели, или она и в решении социальных проблем преследует прежде всего свои выгоды?

Две точки зрения на социальную ответственность бизнеса

Социальная ответственность бизнеса – это многоаспектный феномен, для анализа которого используются различные термины. Наиболее широкое употребление получило понятие «корпоративная социальная ответственность» (КСО). Но общепринятого определения КСО на сегодня не выработано, нет согласия и по поводу того, что оно должно включать, а существующие формулировки подчеркивают какой-либо из аспектов рассматриваемого явления. Пожалуй, есть общее понимание, что КСО – это нечто большее, чем просто благотворительность или строгое соблюдение соответствующих норм законодательства. В результате под «зонтиком» КСО собираются самые раз-

ные направления социальной деятельности бизнеса – от защиты прав человека до охраны окружающей среды. Часто определения просто перечисляют основные сферы деятельности корпораций, которые, по мнению их авторов, должны включаться в социальную ответственность бизнеса, т.е. КСО определяется через ее основные компоненты.

Необходимо понимать, за кого бизнес несет социальную ответственность. Множественность субъектов КСО позволяет условно разделить ее на внутреннюю и внешнюю. Такой подход основан на выделении социальных субъектов, которые имеют свой интерес в деятельности конкретной организации. В их число входят акционеры и сотрудники (внутренняя среда) и общество в целом, местные сообщества, потребители продукции (внешняя среда). Этот подход концептуально закреплен в теории стейкхолдеров (stakeholder).

Практически все определения КСО подчеркивают добровольный характер соответствующей деятельности предпринимателей. Предполагается, что организация не просто выполняет предписания законодательства, но идет дальше в решении социальных задач современного общества. Добровольность часто подразумевает приверженность бизнеса определенному этическому кодексу поведения по отношению к обществу.

Как отмечалось выше, конкретные формы социальной ответственности многообразны; они могут быть условно разделены на финансовые (денежные взносы и выплаты) и натуральные (предоставление товаров и услуг). Предполагается, что компании не обязательно должны иметь все возможные виды КСО, а могут выбирать исходя, в том числе, из своих интересов. При этом нужно иметь в виду то обстоятельство, что часто корпорации пытаются представить свою основную деятельность как КСО, по существу спекулируя на социально значимом характере своей продукции. Наглядный пример – фармацевтические компании, которые утверждают что они «социальны по определению» и соответственно просто не могут в ходе своей деятельности принимать «несоциальные» решения.

Поэтому современные формулировки КСО часто отражают определенные интересы, высвечивая некоторые противоречия в ее понимании. Используемая в широком смысле идея ответственности в таких определениях часто ограничивается областью принципов и этики, не называя конкретных действий и результатов. Речь идет о вкладе бизнеса в «хорошее общество» – однако непонятно, что под этим подразумевается и какой результат должен быть достигнут.

Возможно для прояснения сути вещей возникают различные модификации КСО, такие как корпоративное гражданство (*corporate citizenship*) или корпоративная социальная деятельность (*corporate social performance*). Недавно появилась еще одна интерпретация данного термина, предлагающая

заменить корпоративную социальную ответственность (*corporate social responsibility*) на корпоративную общественную ответственность (*corporate societal responsibility*) для того, чтобы подчеркнуть, что ответственность корпораций перед обществом не ограничивается только вопросами социального благосостояния, а охватывает более широкий круг проблем.

На базовом уровне социально ответственное поведение означает воздержание от причинения вреда окружающему миру. Но закономерно возникает принципиальный вопрос о том, какую роль играет бизнес в повышении благосостояния общества, на чем настаивает стандартная рыночная теория и, соответственно, можно ли с помощью рыночных механизмов реализовать прогрессивные социальные изменения? Еще одна проблема в понимании КСО состоит в том, должна ли она стать объектом общественного регулирования и прежде всего государственного регулирования.

По поводу социальной ответственности бизнеса есть прямо противоположные мнения. Например, такие известные ученые, как лауреат Нобелевской премии Милтон Фридмен и Т. Левит выступили против КСО. Т. Левит отмечал: «Функция бизнеса – это производство устойчиво высокой прибыли. Сущность свободного предприятия – идти за прибылью любым способом, соответствующим собственному выживанию как экономической системы. Благосостояние и общество не являются делом корпорации. Ее дело делать деньги, а не нежную музыку» (20).

М. Фридмен в знаменитой статье «Социальная ответственность бизнеса состоит в повышении прибыли» подверг критике идею социальной ответственности бизнеса в обществе свободного предпринимательства (19), считая ее подрывающей основу свободного общества. Эксперты традиционно подчеркивают в высказываниях М. Фридмена два положения:

- социальная ответственность бизнеса состоит в том, чтобы платить налоги, справедливую заработную плату и создавать рабочие места;
- топ-менеджеры корпораций ответственны перед владельцами компании, которые заинтересованы только в получении прибыли.

Причем противники КСО из стана общественных организаций и научного сообщества ставят под сомнение искренность бизнеса в его стремлении решить социальные проблемы: КСО рассматривается как уловка бизнеса перед лицом растущего недовольства общественности. Они видят в КСО больше соображений выгоды для бизнеса, рекламы, а не реального вклада в решение социальной проблемы. Известный польский экономист и государственный деятель Г. Колодко отмечает, что концепция социальной ответственности предприятия является «модной дымовой завесой в мире бизнеса» (4, с. 47). Сошлемся и на статью в британском журнале «Экономист» в 2005 г., повторяющую тезис о том, что социальная ответственность бизнеса состоит прежде всего в получении прибыли (21).

Однако есть и другой подход к социальной ответственности бизнеса. Его сущность отражена в высказывании американского политика Р. Дала, который считал, что «сегодня абсурдно рассматривать корпорации просто как предприятия, основанные для единственной цели получения прибыли. Мы, граждане, даем им специальные права, власть и привилегии, защиту и преимущества на основе понимания, что их деятельность будет …приносить нам выгоду… Каждая корпорация должна рассматриваться как социальное предприятие, чье существование и решения могут быть оправданны, только если они служат общественной или социальной цели» (17, с. 17–23).

Это подразумевает финансовое и организационное участие корпораций в реализации социальных программ. Формы такого участия различны и определяются национальными традициями, политическими, экономическими и социальными особенностями той или иной страны. Именно такой подход концептуализирует корпоративная социальная ответственность. Следует отметить, что КСО независимо от отношения к ней различных экспертов – состоявшийся факт современной жизни, получивший отражение и в теории, и на практике. Поэтому необходимо понять причины возникновения и основные направления развития рассматриваемого феномена, включая его перспективы на будущее. Важно проанализировать, зачем КСО нужна, с одной стороны, самому бизнесу, а с другой – обществу, какова ее роль в социальном развитии. При этом имеется в виду так называемый демократический капитализм, который означает соединение возможности получения выгоды от предпринимательской инициативы и обещания равных возможностей для всех граждан.

Текущий экономический кризис показал, что для бизнеса КСО все-таки является маргинальной сферой деятельности. Как отметил в одной из статей влиятельный журнал «*Business Week*», сначала корпорации должны делать деньги, а потом думать о какой-либо социальной деятельности (18). Кризис остро поставил вопрос о способности компаний реализовывать долгосрочные интересы, жертвовать интересами извлечения сиюминутной прибыли в целях стратегического развития.

Однако развитие КСО поддерживается определенными объективными процессами. На ее формирование оказывают влияние общественные ожидания. Так как бизнес – структура, которой имманентно не присущи социальные функции, принятие ею социальных обязательств спровоцировано извне, прежде всего общественным давлением. Риторика корпоративной ответственности часто используется бизнесом для того, чтобы избежать критики общественности. Стали ли компании в итоге действительно более ответственными, или они просто приспосабливаются к новым условиям рынка? Это действительно социальная ответственность или просто здравый смысл делового мира?

Процессы, которые происходят в западных странах развитого капитализма, говорят о неутешительных для сторонников «триады М. Фридмана» явлениях и тенденциях, а именно:

- ликвидация рабочих мест и перенос производств в третьи страны;
- низкая заработная плата и проблема работающих бедных;
- снижение доли заработной платы и опережающий рост доли прибыли в ВВП;
- уклонение от уплаты налогов, в том числе перевод средств в офшоры, и лоббирование снижения налогового бремени.

Достаточно часто КСО ассоциируется с благотворительностью. Последнюю следует рассматривать как важный компонент социальной ответственности бизнеса. Однако, хотя она представляется хорошим начинанием, оценивать ее нужно осторожно. Благотворительность носит сугубо добровольный, односторонний и часто разовый характер. Положительные и отрицательные стороны этого явления хорошо известны и описаны в литературе, в том числе художественной.

Благотворительность организаций обычно направлена вовне, она связана с обществом в целом и имеет мало отношения к работникам. Ее следует рассматривать как частное проявление социальной ответственности отдельных предпринимателей, что в современных условиях не может стать основой долгосрочной стратегии социального взаимодействия бизнеса и общества в решении социальных проблем. Так, в докладе «Giving USA 2009», отмечается, что в 2008 г. 82% средств поступило от частных дарителей, 13 – от фондов, а доля корпораций составила только 5%. Если учесть, что все дарения составили около 2,2% ВВП США, то легко рассчитать, что доля корпоративных дарений в ВВП страны крайне незначительна. При этом в обществе широко распространено убеждение, что корпорации являются основными дарителями.

Традиционно считается, что одним из стимулов развития благотворительности являются налоговые льготы. Однако точных эмпирических доказательств этому найти сложно. Есть данные, показывающие, что доля дарений в прибыли или продажах весьма скромная. Следует отметить, что некоторые компании выделяют на благотворительность специально закрепленную сумму, обычно долю прибыли (например, Google – 1% прибыли, Real Networks – 5% прибыли).

В 2007 г. компанией МакКинзи был проведен опрос о филантропии, в котором приняли участие более 720 руководителей компаний из различных стран – 74% на уровне исполнительных директоров компаний (22).

Респонденты в основном считают, что в условиях растущих ожиданий потребителей благотворительность становится как никогда важной, однако многие отмечают, что компании не очень эффективно выполняют социальные ожидания стейкхолдеров. При этом почти 90% респондентов хотят полу-

чить выгоду для бизнеса от своей благотворительной деятельности. Только 12% опрошенных отметили, что не преследуют каких бы то ни было деловых целей в своей благотворительности. Среди выгод бизнесмены чаще всего отмечали улучшение репутации или брендинг, 80% – отметили поиск новых возможностей при определении кому помогать и только 24% – не придали этому значения. Около 1/3 респондентов ответили, что компании преследуют вполне конкретные цели, например получение знания о новых потенциальных рынках или областях инновации, около 2/3 – что их благотворительные программы направлены на те социальные и политические проблемы, которые ближе их бизнесу (22).

Социальная ответственность бизнеса в России и особенности российского капитализма

Российская теория и особенно практика социальной ответственности бизнеса имеет свою специфику, однако, как представляется, базовые подходы и дилеммы, обсуждаемые в России, вполне отражают общие тенденции в развитых капиталистических странах. Тем более что хотя в России существуют богатые исторические традиции в области социальной ответственности предпринимателей (см.: 13, 14), КСО как способ ее концептуализации получила распространение только в последние 20 лет.

Терминология КСО активно развивается и самим бизнесом. Лидером в этом отношении является Ассоциация менеджеров России, которая определяет социальную ответственность бизнеса как «добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума» (8, с. 15).

В России также активно используется термин «социальные инвестиции», под которыми подразумевается материальные технологические и иные ресурсы, а также финансовые средства компаний, направляемые по решению руководства на реализацию социальных программ, разработанных с учетом интересов основных внутренних и внешних заинтересованных сторон и с расчетом, что в стратегическом отношении компанией будет получен определенный социальный и экономический эффект.

Теоретический анализ проблем КСО в России набирает силу. Появляющиеся работы скорее следуют в русле западных дискуссий, что в общем понятно, так как эта концепция пришла в российскую науку вместе с переходом к капитализму и появлением в стране бизнеса. Различие в том, что в России больше развито практическое направление, эмпирические исследования в основном сосредоточены на уровне конкретных программ, оценки их плюсов и минусов. Это главным образом социологические исследования, опросы

управленцев и руководителей предприятий, что вполне объяснимо, так как российские компании неохотно раскрывают финансовую информацию, необходимую для экономического анализа.

Причем в дискуссиях сам феномен КСО оценивается скорее положительно и в принципе не подвергается принципиальной критике. Например, И. Соболева рассматривает КСО в рамках расширения круга субъектов социальной политики и их взаимодействия (7). Экономический императив социализации бизнеса она видит в возрастании роли нематериальных факторов экономического роста, связанных с развитием человеческого потенциала. По ее мнению, социально ответственное поведение не может быть сведено к благотворительности или честному соблюдению правил игры. Его критерием должно стать наличие нерыночных элементов в воспроизводственном поведении фирмы, связанных с формированием партнерских отношений.

Известный российский исследователь С. Перегудов считает, что ограничителями развития КСО являются необходимость расходов на социальные мероприятия и связанный с этим рост затрат, что приводит к снижению конкурентноспособности компаний (9, с. 4–8). И. Семененко отмечает, что ключевым для фирмы становится оценка экономической выгоды социальных расходов (9, с. 4–8).

В 2008 г. агентством The Economist Intelligence Unit по инициативе ОК РУСАЛ и при поддержке Pricewaterhouse Coopers в России и Программы развития ООН (United Nations Development Programme, UNDP) было проведено исследование, цель которого состояла в том, чтобы сравнить практику КСО российских и международных транснациональных корпораций, оценить ее зрелость и место в развитии компаний и достижении стратегических задач в России, а также сформулировать первоочередные вопросы, которые российским транснациональным корпорациям предстоит решить для закрепления своей позиции на мировых рынках.

Данное исследование выделило следующие положения, характерные для КСО в России:

- практически у всех крупных компаний уже есть политика в области КСО или устойчивого развития или она находится в стадии разработки;
- традиционно большое внимание уделяется совершенствованию социальной политики на производстве, но сейчас на первый план выходят вопросы охраны окружающей среды. Для большинства российских компаний корпоративная филантропия является важным элементом КСО;
- усиливая свое присутствие на глобальном рынке, российские компании уделяют большое внимание защите и продвижению своих брендов;
- российские компании не уделяют достаточного внимания работе с поставщиками и подрядчиками, разработке этических стандартов ведения бизнеса и развитию лидерства;

- существенные затраты на КСО являются одним из главных препятствий активного развития в данной области. Недостаток нужных знаний и навыков наряду с отсутствием внимания к этой теме со стороны средств массовой информации также затрудняет прогресс в этой сфере;
- компании, принявшие участие в исследовании, отметили широкий спектр возможных преимуществ от использования практики КСО – повышение энергоэффективности, рост производственных показателей, создание конкурентных преимуществ и больших возможностей для привлечения инвестиций;
- российский бизнес считает, что государство должно более активно создавать стимулы для развития КСО (2).

Следует отметить, что сам российский бизнес достаточно активно включился в проблематику КСО и активно воспринимает западный опыт. В ноябре 2004 г. XIV съездом РСПП была принята Социальная хартия российского бизнеса (13). Российский бизнес продекларировал, что успешное развитие предпринимательской деятельности невозможно без устойчивого развития общества и неотделимо от него, а успехи предпринимательской деятельности должны способствовать увеличению совокупного общественного богатства и социальному прогрессу.

Спектр деятельности российского бизнеса в рамках КСО достаточно разнообразен. Интересную типологию социальных программ российского бизнеса с учетом территориальной составляющей предложила Н.В. Зубаревич. Она считает, что необходимо учитывать социальные интересы бизнеса, прежде всего крупного, которые существенно различаются в зависимости от социально-экономического положения в регионах. По ее мнению, только в тех регионах, где бизнес имеет базовые активы и устойчивые перспективы развития, возникает возможность интеграции его интересов и ресурсов в те направления социального развития, которые позволяют улучшить условия для ведения самого бизнеса и снизить социальные риски. К ним относится рост человеческого капитала (образование и подготовка кадров), массовая безработица, бедность и маргинализация местного населения. Автор выделяет три степени готовности крупного бизнеса участвовать в реализации социальных программ, отвечающих его интересам:

- в базовых для крупного бизнеса городах и регионах – наиболее широкий спектр разнообразных форм социальной политики;
- в регионах экспансии – в основном внутрикорпоративная социальная политика;
- в периферийных регионах – имиджевая благотворительность, прочие формы реализуются компаниями только по принуждению (1).

В свою очередь С.В. Калашников подразделяет социальную деятельность бизнеса на три направления, а именно «разработку краткосрочных филантро-

пических программ, например помощь детям-инвалидам; разработку проектов, которые смогут путем взаимодействия бизнеса с региональными властями улучшить в провинции состояние социальной сферы; разработку стратегических долгосрочных проектов, которые принесут бизнесу экономическую выгоду – развитие профобразования, реформирование системы обязательного медицинского страхования и изменение в меньшую сторону налогообложения благотворительности» (3, с. 165).

Исследования КСО по экономическим показателям, проведенные Ассоциацией менеджеров в 2003 и 2007 гг., дают возможность проследить динамику. За этот период величина социальных расходов на одного работника (IL) существенно не изменилась, хотя удельный вес социальных расходов в валовых продажах компаний (IS) возрос с 1,96 до 3,76%. Можно предположить, что объемы социальных инвестиций в российских компаниях находятся в прямой зависимости от уровня развития бизнеса. Однако показатель удельного веса социальных инвестиций в балансовой прибыли (IP) за четыре года сократился почти в 2 раза, составив в среднем по выборке 6,25%. Ассоциация менеджеров предлагает свое объяснение этому факту, отмечая, что наиболее успешные российские компании, возможно за прошедший с первого исследования период, стали более системно подходить к выбору объектов социальных инвестиций, а также тщательнее отслеживать эффективность этой деятельности. При этом в половине опрошенных компаний показатель IP не превысил 12,5%. Показательно, что похожие результаты были получены и Фондом Charities Aid Foundation, по данным которого на внешние социальные программы российские компании тратят в среднем от 10 до 17% чистой прибыли (табл. 1).

Таблица 1

ЗНАЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ в 2003 и 2007 гг.

Разновидность индекса социальных инвестиций	*2003 г.*	*2007 г.*
Величина социальных инвестиций на одного работника (IL)*	42 807 руб.	54 335 руб.
Отношение социальных инвестиций к валовым продажам (IS)	1,96%	3,76%
Отношение социальных инвестиций к балансовой прибыли (IP)	11,25%	6,25%

* *Примечание:* Стоимостные показатели приведены в ценах 2007 г.

Источник: Доклад о социальных инвестициях в России – 2008 // Под общ. ред. Ю.К. Балашова, С.Е. Литовченко, Е.А. Ивановой. – М.: Ассоциация менеджеров России, 2008. – С. 49.

В докладе Ассоциации отмечается, что существенное влияние на социальные инвестиции и их структуру оказывает отраслевая принадлежность компании. Однако проблема состоит в том, что в 2007 г. были изменены компоненты структуры по сравнению с 2004 г., что затрудняет сравнение (табл. 2).

Таблица 2

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ, %

		2004 г.	*2007 г.*
1	Развитие персонала	44,4	46,3
2	Охрана здоровья	9,3	8,5
3	Ресурсосбережение	21,0	
3а	Природоохранная деятельность и ресурсосбережение		11,0
4	Добросовестная деловая практика	5,1	
4а	Добросовестная деловая практика в отношении потребителей		16,8
4б	Добросовестная деловая практика в отношении деловых партнеров		2,0
5	Развитие местного сообщества	9,1	15,3
6	Другое	4,0	

Источник: Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 г. // Под общ. ред. С.Е. Литовченко: Ассоциация менеджеров России, 2004. – 80 с. – С. 37; 2007. – С. 52.

Вышеприведенные данные показывают, что:

– расходы на персонал сохранили самую большую долю в структуре социальных инвестиций и даже немного увеличились;

– расходы на охрану здоровья несколько снизились;

– доля расходов на развитие местного сообщества увеличилась в 1,7 раза.

Другие показатели сравнивать сложно, если вообще возможно. Однако можно сделать определенные допущения, даже исходя из самого факта изменения группировки расходов. Так, доля ресурсосбережения, хотя к нему и добавилась природоохранная деятельность, снизилась в среднем почти в 2 раза. Очень существенно выросли – с 2% почти до 19% – расходы на добросовестную деловую практику, причем в ее составе было специально выделено и заняло главное место отношение к потребителям. Однако более подробный анализ показывает, что это произошло за счет компаний связи и телекоммуникаций, где этот показатель достиг 71%.

Основной закономерностью, которая прослеживается во всех компаниях независимо от их отраслевой специфики, является превалирование двух «внутренних» направлений инвестирования, связанных с развитием персонала и охраной его здоровья, над четырьмя «внешними» направлениями, относящимися к местному сообществу, потребителям, деловым партнерам и эко-

логии. Очевидно, компании считают важным развитие, мотивацию и удержание персонала.

На развитие социальной ответственности бизнеса в России оказали влияние два серьезных фактора, а именно наличие в экономике мощных структур, обладающих значительными ресурсами, и влияние международной практики в условиях глобализации (7, с. 166). Особенности КСО в современной России состоят в следующем.

Во-первых, российские предприятия всегда активно участвовали в решении социальных проблем общества в советское время, эти традиции остались, хотя формы их реализации меняются.

Во-вторых, нефинансовые риски (политические, социальные, экологические, законодательные и т.д.) в России пока что существенно выше, чем в развитых странах мира. Поэтому управление ими имеет большее значение в силу неразвитости российского рынка, а также слабого законодательного и практического обеспечения прав собственности и справедливой конкуренции.

В-третьих, в России достаточно остро стоит проблема легитимизации бизнеса и, может быть, именно поэтому часто звучат призывы к бизнесу «делиться с обществом», что связано с проходившей в стране приватизацией и соответственно формированием бизнеса.

В-четвертых, в ряде российских городов одно предприятие является градообразующим и играет решающую роль в обеспечении населения социальными услугами. К моногородам относятся населенные пункты, которые соответствуют одному их двух следующих критериев: 25% экономически активного населения должно трудиться на предприятиях, работающих в рамках единого производственно-технологического процесса; на долю этих предприятий должно приходиться более 50% промышленного производства. Моногорода существуют во многих странах, однако в России эта проблема имеет особенное значение, так как они играют значительную роль в экономике. На долю 460 населенных пунктов, которые официально относятся к моногородам, приходится порядка 40% суммарного ВРП, в них проживают 25% населения страны (5). В этих условиях закрытие таких предприятий или возникновение у них экономических проблем непосредственно отражаются на удовлетворении социальных потребностей местного населения.

В-пятых, в развитии КСО в России значительную роль играет государство, и это понятно, если учесть что государство в конечном счете выражает интересы крупного капитала.

Отношение российского государства к социальной ответственности бизнеса достаточно противоречивое. Причем его позиция претерпела определенные изменения. В 1990-е годы государство активно поощряло предприятия избавляться от объектов соцкультбыта. В последнее время наблюдается не-

сколько иная тенденция – похоже, государству стало понятно, что в условиях его постепенного ухода из социальной сферы предприятия могли бы взять часть функций социальной политики на себя. Как отмечает Н.Ю. Лапина, специфика социальной ответственности бизнеса в России состоит в том, что она часто является ответом на запрос властей (11). В результате бизнес воспринимает ее как дополнительный социальный налог, внедряемый жесткими административными методами, что может привести к нарастанию противоречий между обществом, властью и бизнесом.

Идея социального государства, которым является Россия по Конституции 1993 г., подразумевает, что организатором обеспечения граждан социальными услугами выступает государство, создавая в том числе систему поощрения бизнеса к участию в решении проблем благосостояния населения. Однако в России складывается феномен, который А.Я. Рубинштейн определил как *инверсию социальной ответственности*. Это стратегия государства, которое, будучи по своей природе и типу поведения некоммерческой организацией, начинает вести себя как корпорация. Фактически начиная заниматься бизнесом, оно перекладывает ряд своих функций на коммерческие организации, стимулируя тем самым некоммерческий тип поведения последних (10). И.В. Соболева также подчеркивает ущербность государственной социальной политики и недостаточность социальных инвестиций. В результате деятельность корпораций рассматривается скорее как замещение государственной социальной политики, а не дополнение к ней (7).

С.П. Перегудов выделяет три сценария развития КСО в России в зависимости от взаимоотношений с властью, а именно: добровольный, добровольно-принудительный и контрактный. Первый наиболее полно реализуется внутри предприятий и организаций, а третий наиболее распространен в регионах и оформляется в виде соглашений крупных компаний и местных администраций. Основу взаимодействия государства и бизнеса многие исследователи видят в формировании между ними партнерских отношений на основе учета реальных потребностей бизнеса в социальной сфере.

Практика свидетельствует, что российский бизнес плохо выполняет социальную ответственность «по Милтону Фридмену». Вот только некоторые факты.

1. Регрессивная шкала единого социального налога явно противоречила основным идеалам социального партнерства. Следует отметить, что регрессивные системы существовали, когда в избирательных системах был имущественный ценз, и поэтому избранные состоятельные граждане устанавливали размер налогов в своих интересах. В 2011 г. в связи с переходом на страховые взносы и отменой ЕСН был установлен предел в 415 тыс. руб. на работника, при превышении которого страховые взносы не выплачиваются.

2. Сохраняются нерегулярность выплаты заработной платы и задолженность по заработной плате. Хотя последняя имеет тенденцию к сокращению, тем не менее на 1 февраля 2010 г. объем просроченной задолженности по зарплате в РФ составил 4,119 млрд. руб. Задолженность по заработной плате на 1 февраля имели 0,2 млн. человек (12, с. 151).

3. В оплате труда до сих пор сохраняется сильная дифференциация соотношения размера средней заработной платы 10% наиболее оплачиваемых и 10% наименее оплачиваемых работников, достигшая в 2009 г. около 20 раз в промышленности, примерно 25 раз – в строительстве, более 33 раз – в банковской деятельности (12, с. 172; 176). Коэффициент Джини по заработной плате составил в 2010 г. 0,483 вместо 0,395 – в 2000 г., коэффициент фондов – 20 раз против 13,9 раза (12, с. 168).

4. Уклонение от уплаты налогов в практике российского бизнеса принимает многообразные формы. Во-первых, достаточно широко распространены выплаты зарплаты в конвертах с тем, чтобы снизить взносы предприятия в систему социального страхования. Во-вторых, широкое распространение получил перевод средств в офшоры. Как справедливо отмечает Б.А. Хейфец, в этих условиях вряд ли можно говорить о социальной ответственности бизнеса.

Экономический кризис дал новый импульс дискуссиям о социальной ответственности бизнеса. Хотя обсуждаемые проблемы далеко не новы, в последнее время становится очевидным, что финансовый критерий является главным в оценке деятельности бизнеса. С одной стороны, на первый план выходят вездесущая конкурентоспособность и интересы акционеров, а не стейкхолдеров, включая работников. С другой стороны, все чаще логика бизнеса применяется к развитию самой социальной сферы. Ставится вопрос о снижении социальных расходов в интересах обеспечения конкурентноспособности. Трудовое законодательство, защищающее национальные социальные нормы, рассматривается как препятствие для реализации этой цели. В результате сегодня подвергается серьезному испытанию принцип социальной солидарности, который долгое время лежал в основе социальных государств в развитых капиталистических странах.

Литература

1. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. – М.: Поматур, 2005. – 101 с.

2. Из России с любовью. Национальный вклад в глобальный контекст КСО. – М., 2008. – 20 с.

3. Калашников С.В. Очерки теории социального государства. – М., 2006.

4. Колодко Г. Этика в бизнесе, экономике и политике // Вопросы экономики. – 2007. – № 11.

5. Моногорода России: Как пережить кризис? Анализ социально-экономических проблем моногородов в контексте мирового финансово-экономического кризиса, влияющего

на состояние градообразующих корпораций. Институт регионального развития. – М., 2007. – 80 с.

6. Россия в цифрах 2010. – М., 2010.

7. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: Проблемы сохранения и развития. – М.: Наука, 2007. – 202 с.

8. Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка / Под ред. С.Е. Литовченко и М.И. Корсакова. – М.: Ассоциация менеджеров, 2003. – 208 с.

9. Социальная ответственность бизнеса и корпоративное гражданство // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2005. – № 11. – С. 3–13.

10. Социальная ответственность бизнеса и публичная политика // Горбачёв-фонд. – М., 2006. – 90 с.

11. Социальная политика бизнеса в российских регионах // Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Отв. ред. Лапина Н.Ю. – М., 2005. – 212 с.

12. Социальное положение и уровень жизни населения России // Статистический сборник. – М., 2009.

13. Социальная хартия российского бизнеса. – М., 2005.

14. Б.А. Хейфец. Офшоризация глобальной экономики: вызовы для национальных хозяйств: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2008.

15. Чубарова Т.В. Социальная политики и охрана здоровья работающих: Потенциал предприятия // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем. – М.: Дело, 1999. – С. 300–306.

16. Чубарова Т.В. Распределение социальной ответственности в обществе: Социальная политика государства и функции предприятия // Куда идет Россия..? Социальная трансформация постсоветского пространства. – М.: Дело, 1996. – С. 424–426.

17. Dahl R.A. (1972). A Prelude to Corporate Reform // Business and Society Review. Spring. – N 1. – P. 17–23.

18. Giving in an unforgiving time // Business week. – N.Y., June 1. – 2009.

19. Friedman M. Social Responsibility of Business is to Increase its Profits // The New York Times Magazine. September. 13. 1970. – P. 33.

20. Levitt T. The Dangers of Social Responsibility // Harvard Business Review. September-October. 1958. – 36 (5). – C. 41–50.

21. The good company // Economist. January 20, 2005.

22. The State of Corporate Philantrhropy: A McKinsey Global Survey, 2007. (www.mckinsag-quaterly.com).

Х.Ф. Бингол

РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ

Бингол Хасан Фатих (Турция) – кандидат политических наук.

В современной мировой политике среди стратегических ресурсов[1] особенно выделяются энергетические: от них во многом зависит внешняя и внутренняя политика государств, экономические, социальные, военные, правовые и даже культурные отношения между странами. Ограниченность углеводородных запасов и постоянно увеличивающийся спрос на них обостряют проблему энергетической обеспеченности мира, ведут к борьбе за контроль над ними и их транспортировкой. Собственные энергетические интересы государств отражаются на международных отношениях, в том числе на отношениях между Россией и Турцией.

Россия, обладающая большими запасами углеводородов, активно участвует в мировых процессах, связанных с энергоносителями. Турция, благодаря своему уникальному географическому положению, является естественным трансконтинентальным мостом между регионами с богатыми энергоресурсами и их крупнейшим потребителем – Европой. Важнейшую часть экономического сотрудничества обеих стран образует энергетическая составляющая. В 2008 г. Россия вышла на первое место во внешнеторговом обороте Турции; Турция занимает четвертое место в экспорте России. Разумеется, между ними, как между любыми соседствующими субъектами международных отношений, существует конфликт интересов в разных сферах. Однако, несмотря на это, в сфере энергетической политики между экспортером-транзитером Россией и транзитером Турцией накопился ценный опыт взаимодействия.

Большие запасы углеводородных ресурсов позволяют Каспийскому бассейну стать важнейшим их поставщиком после Ближнего Востока. Мировые державы поэтому проявляют активный интерес к региону Каспия. В энерге-

1. О значении стратегических ресурсов см. подробнее: (22).

тической игре за контроль над использованием и транзитом его ресурсов, кроме пяти прикаспийских стран (Россия, Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), принимают участие также США, ЕС, Китай как крупнейшие потребители и Турция как потребитель и транзитная страна.

До 1990-х годов энергетическая проблематика не привлекала внимания Турции – страна не была крупным импортером или экспортером энергоносителей и не могла влиять на ход событий на мировом рынке. В свое время СССР считал, что безопасность его юга во многом зависит от безопасности Турции, в том числе от безопасности проливов. Поэтому он выступал за их закрытие для военных судов нечерноморских стран и поддерживал турецкий суверенитет над проливами. Однако сближение обеих стран не носило долговременного характера из-за противодействия Великобритании и Франции, вместо которых сегодня выступают США.

После распада СССР турецкие руководители, осознавая, что прокладка нефтегазопроводов по территории страны усилит ее геополитическое влияние, начали превращать Турцию в коридор передачи энергии между Востоком и Западом, Севером и Югом. Упрочению позиций Турции способствует ее контроль над грузопотоком через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Российский исследователь Е. Кирсанов отмечает, что в последнее время на фоне охлаждения отношений Анкары с Западом наблюдается положительная динамика ее отношений с Россией во многих областях, в том числе в энергетике. К этому сближению Турцию, несомненно, подталкивает и «непонимание» ее стремления к интеграции с Евросоюзом со стороны Франции и Германии (5).

По словам известного турецкого журналиста С. Кохена, Турция – уже не та страна, какой она была в период «холодной войны». Благодаря достижениям в экономическом, политическом и социальном развитии она превратилась в сильное и стабильное государство, которое может проводить более независимый внешнеполитический курс, соответствующий ее интересам. Он может не совпадать с интересами США и даже иногда противоречить им (24).

Ярким примером политических разногласий Турции и США стало военное вторжение США в Ирак в 2003 г. Накануне вторжения турецкий парламент проголосовал против размещения на турецких базах вооруженных сил коалиции во главе с США. В результате американо-британские войска вынуждены были нанести удар по Ираку лишь с юга, что существенно осложнило проведение операции. Традиционный для США расчет на Турцию, как на своего стратегического союзника, отмечает К. Вертяев, на этот раз не оправдался, тем более что многие аналитики ожидали явно ангажированное политическое решение, которое должно было бы удовлетворить американцев (3, с. 209). В свою очередь, Д. Накисбаев считает, что двусторонние турецко-американские отношения демонстрируют периоды острых разногласий, по-

этому «золотой эры» в их истории никогда не было (7, с. 20). Сегодня точно так же существуют серьезные разногласия между Вашингтоном и Анкарой по ядерной проблеме Ирана. Единственным способом ее решения руководство Турции считает дипломатию, и оно готово решительно отстаивать свою позицию (25). Как непостоянный член Совбеза ООН Турция 9 июня 2010 г. голосовала против проекта резолюции о введении более жестких санкций в отношении Ирана[2].

Поставки энергоносителей с Севера на Юг – одно из важнейших направлений энергетической стратегии Турции (29, с. 5). В связи с этим она развивает взаимодействие с Россией в сфере энергетической политики. Уже в ноябре 2005 г. президент Путин во время открытия газопровода «Голубой поток» указал на возможность строительства еще одной ветки газопровода по дну Черного моря для поставок газа в Южную Италию, на юг Европы и в Израиль (9).

В феврале 2006 г. в Анкаре Алексей Миллер заявил, что «Газпром» не отказывается от идеи поставлять газ транзитом через «Голубой поток» и Турцию в Ливан и Израиль, чему способствует расширение мощности трубопровода (2). В том же году А. Миллер сообщил, что «Газпром» собирается строить газопровод «Голубой поток-2» для снабжения топливом Турции, Греции, Италии, а также Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии. «Голубой поток-2» также дает возможность осуществлять поставки на Ближний Восток, в Израиль, Ливан, Сирию. Правда, когда родилась идея «Южного потока», который пойдет по дну Черного моря до Болгарии, вопрос о транзите российского газа в Южную Европу через территорию Турции перестал активно обсуждаться. Однако в марте 2009 г. А. Миллер и министр энергетики Турции Хильми Гюлер вновь обсудили реализацию проекта «Голубой поток-2». Возвращение к его рассмотрению происходит на фоне напряженности в газовых отношениях между Россией, ЕС и Украиной (1). В августе 2009 г. в ходе визита премьер-министра В. Путина в Анкару Турция выдала Газпрому разрешение «на проведение морских рекогносцировочных и экологических изысканий по маршруту газопровода “Южный поток” для его сооружения в исключительной экономической зоне Турецкой Республики» (13). Одновременно Анкара дала согласие на сооружение «Голубого потока-2», обеспечивая таким образом поставку топлива турецким потребителям и помогая Москве завоевать растущие рынки Восточного Средиземноморья и Южной Европы (11).

Кроме того, «Газпром» вместе с турецкими компаниями может продавать газ ближневосточным государствам, для чего «Aksa Energy» и «Газпромэкспорт» создадут совместное предприятие.

2. Совбез ООН вводит против Тегерана дополнительные санкции // Российская газета. – 10 июня 2010 г.

Россия также согласилась поддержать турецкий нефтепровод Самсун – Джейхан и экспортировать через него часть российской нефти. Это, заявил глава «Транснефти» Н. Токарев, позволит снять с черноморских проливов нагрузку, связанную с транспортировкой нефти, что одновременно решит вопрос о заполнении нефтепровода Самсун – Джейхан (16).

Итак, Турция из транзитера фактически превратится в поставщика, который реэкспортирует энергоносители.

Напомним, что Турция к 2012 г. стремится осуществлять 6% мирового снабжения нефтью через свою территорию (29, с. 6). Предполагается, что таким образом страна может привлекать иностранный капитал для дальнейшего развития своего ТЭК. Это необходимо для ее энергоемкой и быстро растущей экономики. При этом нефтегазопроводы не только послужат интеграции Кавказа и Центральной Азии с Западом, но и приведут к росту благосостояния и политической стабильности в регионе (29, с. 2).

Строительство новых трубопроводов, кроме того, будет способствовать снижению грузопотока через Босфор и тем самым – ослаблению риска экологических катастроф в регионе, в том числе в Стамбуле и Дарданеллах. Стамбул является экономическим центром Турции, производящим значительную часть (21,2%) ВВП (30), поэтому страна заинтересована в различных вариантах снижения нагрузки на Босфор.

У Турции, отмечает американский политолог Ф.С. Ларраби, было несколько вариантов стратегических направлений – европейское, евразийское, ближневосточное, стратегическое сотрудничество с США, а также комбинированное направление. Исходя из национальных интересов страна, считает он, должна вести многостороннюю политику, соответствующую последнему из направлений. В последнее время этот подход пользуется большой популярностью в различных политических кругах страны. Анкара прилагает усилия для развития связей с Европейским союзом, однако членство в ЕС остается нерешенной проблемой из-за его трудновыполнимых требований к Турции. С одной стороны, Анкара укрепляет стратегическое партнерство с США, с другой – прилагает усилия для развития взаимоотношений с Россией и кавказскими странами, в том числе Арменией. Исключительную активность проявляет Турция в отношениях со странами Ближнего Востока и Ираком. Похоже, сегодня в турецких правящих кругах преобладает мнение в пользу поэтапного построения благоприятных и многосторонних отношений с этими государствами (23, с. 51–53).

В последнее десятилетие Турция пошла на резкое сближение со своими соседями, что связано с принятым страной курсом на обретение статуса мощной региональной силы. Одна из ключевых политических фигур сегодняшней Турции, министр иностранных дел, профессор А. Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина», утверждает, что с точки зрения историче-

ской, географической и социально-культурной Турция имеет серьезные предпосылки для раскрытия своего потенциала (19, с. 552). Геополитические реалии вынуждают страну установить тесные связи с внешним миром. Правильно оценив свои исторические и географические преимущества, добившись возрастания своей мощи, она сможет, наконец, освободиться от положения страны-«крыла» периода «холодной войны» и превратиться в «центральное государство» (19, с. 555).

Однако в связи с быстрыми темпами развития экономики Турция сама нуждается в обеспечении энергоносителями.

Потребление энергии в стране возрастает на 4,3% в год, что гораздо выше, чем ежегодный рост потребления энергии в мире – 2,6% (21). Среднегодовые темпы роста экономики Турции в 2002–2007 гг. составили 6,8% (28, с. 27). По оценкам Международного валютного фонда и Мирового банка, ВВП Турции в 2008 г., исчисленный по паритету покупательной способности, обеспечил ей позицию 15-й крупнейшей мировой экономики (31). Ряд исследователей относят Турцию к группе новых индустриальных стран по преобладанию промышленной продукции в экспорте (17, с. 80).

Следуя экспортоориентированной стратегии на фоне увеличения импорта, Турция постоянно наращивает объем импорта энергоносителей, в том числе из России. Сегодня Россия устойчиво занимает первое место в общем объеме товарооборота Турции. В 2008 г. товарооборот между двумя странами составил 37,842 млрд. долл. США. Объем российского экспорта в Турцию в 2008 г. составил 31,36 млрд. долл. США (28, с. 128–129). Таким образом, Турция занимает четвертое место в структуре российского экспорта (27, с. 42).

В структуре турецкого импорта из России доля топливно-энергетических товаров (нефть, нефтепродукты, природный газ и уголь) в 2008 г. составила 83% (24, с. 42). Россия уверенно лидирует среди экспортеров природного газа в Турцию с удельным весом 62%[3]. Несмотря на то, что страна стала участником конкурирующего с российскими инициативами европейского проекта «Набукко» (магистральный газопровод из Центральной Азии в страны ЕС), Турция, по данным 2008 г., является вторым крупнейшим потребителем российского природного газа после Германии (в 2007 г. – третье место после Германии и Италии – 23,3 млрд. м^3). В 2008 г. среди экспортеров сырой нефти в Турцию Россия с удельным весом 32% занимала второе место после Ирана (36%)[4].

Ориентируясь на пример развитых стран, Турция стремится удовлетворять потребности в энергии за счет пяти главных источников: нефти, природ-

3. Рассчитано автором по данным BOTAS 2008 (18).

4. Рассчитано автором по данным Управляющего органа рынка энергии Турции (26).

ного газа, угля, ГЭС, АЭС. Напомним, что во время визита В. Путина в Анкару 6 августа 2009 г. стороны подписали протокол о сотрудничестве в сфере атомной энергетики. Он создает условия для сооружения в Турции первой АЭС, в строительстве которой планируют принять участие российские компании «Атомстройэкспорт» и ОАО «Интер РАО ЕЭС». Бюджетная стоимость станции составит, по различным оценкам, 18–20 млрд. долл. (8; 15). В ходе визита Д. Медведева в Анкару в мае 2010 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве с Россией в сфере строительства и эксплуатации атомной станции на площадке «Аккую» в Турции (8).

Российско-турецкие усилия по развитию сотрудничества в энергетической области подвергались критике в оппозиционно настроенной турецкой и западной прессе и в политических кругах, особенно в ходе реализации проекта «Голубой поток». Однако российские уполномоченные лица, в частности бывший посол РФ в Анкаре А. Лебедев и член Правления Газпрома Ю. Комаров, предпочитали говорить не об односторонней зависимости и о взаимозависимости. По мнению Ю. Комарова, «не только Турция попадает в зависимое положение от России, но и в Россия становится зависимой от Турции» (6, с. 69). Сотрудничество двух стран в энергетической области со временем приобрело настолько конструктивный характер, что стало содействовать взаимопониманию, привело к общим поискам путей борьбы с терроризмом и облегчило режим прохода российских нефтяных танкеров через турецкие проливы[5]. Позиция Турции в отношении центральноазиатских государств также приобрела более реалистический характер, что снимает озабоченность России и встречает ее понимание.

Развитию российско-турецких отношений способствует и нынешний внешнеполитический курс Турции, основанный на концепции А. Давутоглу – «многосторонняя дипломатия и ноль проблем с соседними странами». Проводя все более самостоятельную политику, Турция укрепляет отношения со своими восточными и северными соседями, в том числе с Россией.

Для упрочения репутации надежных партнеров по обеспечению энергетической безопасности, оба государства объединяют усилия в урегулировании политической напряженности не только в пределах своих территорий, но и в регионе. Ярким примером этого стали дипломатические действия турецкого руководства после российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. По сравнению с западными партнерами, в том числе по НАТО, Турция проводила достаточно нейтральную политику после пятидневной войны между Россией и Грузией. Она, вопреки ожиданиям, не выдала разрешение военным

5. «Инструкция о порядке мореходства в турецких проливах» отменила много положений, замедляющих или усложняющих проход судов, и по большему счету удовлетворила требования российской стороны (6, с. 169).

кораблям НАТО на нарушение режима проливов. Одновременно премьер Р. Эрдоган посетил Россию и Грузию и выступил с инициативой по созданию Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе без участия внерегиональных политических сил, в том числе США.

Таким образом, торгово-экономические связи России и Турции занимают приоритетное место в отношениях двух стран, и энергетическая составляющая стала их важнейшим направлением. Россия играет важную роль в обеспечении Турции энергоресурсами, а также в осуществлении стремления Турции превратить страну в коридор передачи энергоресурсов между Севером и Югом. Все это, наряду с окончанием «холодной войны», порождает положительные тенденции в отношениях двух государств, представляющих собой сегодня полюс региональной безопасности.

Литература

1. Босоногов И. «Газпром» и Турция обсуждают расширение трубы в обход Украины // Страна.ру–http://www.strana.ru. – 29.03.2009.

2. Бутрин Д. Алексей Миллер объединит Турцию и Грецию трубой // Коммерсантъ. – 04.02.2006.

3. Вертяев К.В. Курдский вопрос и интересы Турции в Ираке // Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. Сб. статей / Отв. ред.: Болдырев А.В., Ульченко Н.Ю. – М., 2008.

4. Итоги визита Дмитрия Медведева в Турцию, 13.05.2010 // Новости Турции / URL: http.//www.turkishnews.ru/news/2068.html (дата обращения: 25.05.2010).

5. Кирсанов Е.Е. К вопросу российско-турецкого стратегического партнерства // Электронный ресурс // Ин-т Ближнего Востока. – 23.02.2010. – URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/ 2010?23-02-10a.htm (дата обращения: 01.04.2010).

6. Колобов О.А., Корнилов А.А. Современные турецко-российские отношения: Проблемы сотрудничества и перспективы развития. – Н. Новгород–Стамбул. – 2004.

7. Накисбаев Д.В. Американо-турецкие отношения в эпоху глобализации и перспективы их развития (политологический анализ). – М.: 2008.

8. Новости Турции.

URL: http://www.turkishnews.ru/news/1587.html (дата обращения: 24.03.2010).

URL: http://www.turkishnews.ru/news/2068.html (дата обращения: 25.05.2010).

9. Об участии Президента России В. Путина, Премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана и Председателя Совета Министров Италии С. Берлускони в церемонии открытия газопровода «Голубой поток» (г. Самсун, Турция), 17.11.2005. http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/57111F3920CF730EC32570BD002A62BE?OpenDocument (дата обращения: 23.12.2009).

10. Официальный сайт посольства РФ в Турции // www.turkey.mid.ru

11. Путину удалось подкупить Турцию. http://www.rosbalt.ru/2009/08/07/661721.html. – 07.08.2009.

12. «Российская газета». – 10 июня 2010.

13. Российско-Турецкая Декларация о борьбе с терроризмом. – Москва, 5 ноября 1999 г.

14. Стародубцев И.И. Российско-турецкие многоплановые отношения в области энергетики: Перерастет ли сотрудничество в стратегическое партнерство? // http://www.iimes.ru/ rus/frame_stat.html. – 26.08.2009.

15. Стародубцев И.И. Энергетический фактор в развитии турецкой экономики URL: http.//www.iimes.ru/rus/stat/2010/02-02-10b.htm (дата обращения: 01.04.2010).

16. Турция поддержала «Южный поток». http://www.rosbalt.ru/2009/08/06/6611418.html. – 06.08.2009.

17. Ульченко Н.Ю. Экономическая география Турции: Учебник. – М., 2008.

18. BOTAŞ 2008 Sektör Raporu. – Ankara. – 2008.

19. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye. nin Uluslararasi Konomu. – Istanbul, 2009.

20. Ekoenezji. – 2009. – N 26.

21. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanliği http://www.enerji.gov.tr/index.php?dil=tr&sf=web-pages&b=enerji&bn=215&hn=12&nm=384id=384

22. Kennedy P. Rise and fall of the Great Powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. – London, 1989.

23. Khalilzad Z., Lesser I.O., Larrabee F.S. Türk-Bati Ilişkilerinin Geleceği: Stratejik Bir Plana Doğtu. – Ankara, 2001.

24. Kohen S. Washington'la katolik evliliği // Miliyet. – 20.03.2010.

25. İkinci Büyükelçiler Konferansi Sonuç Bildirisi, 08 Ocak 2010 // Türkiye Dişişleri Bakanliği. URL: http://www.mfa.gov.tr/ikincibuyukelciler-konferansi-sonuc-bildirisi_08-ocak-2010.tr.mfa

26. Petrol Bilgi Sistemi // EPDR-Enerji Piyasasi Düzenleme Kurulu // http://www.epdk.gov.tr/lisans/petrol/petrolbilgisistemi/tupras/ek6.htm (15.10.2009).

27. Rusya Federasyonu'nun Genel Ekonomik Durumu veTürkiye ile Elonomik – Ticati İlişkileri. – M., 2009.

28. TOBB Ekonomik Rapor 2008. – Ankara., 2009.

29. Türkiye'nin Enerji Stratejisi. T.C. Dişişleri Bakanliği Enerji, Su ve Çevre İşleri Genel Müdür Yardimciliği. – Ankara, 2009.

30. Wikipedia, the free encyclopedia http://en.wikipedia.org/wiki/Istanbul

31. Wikipedia – The free encyclogedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP) (дата обращения: 22.12.2009).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.Л. Литвин, А.А. Сальникова

ПРОБЛЕМА СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА В НОВЕЙШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Литвин Алтер Львович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой историографии и источниковедения Казанского государственного университета (КГУ), заслуженный деятель науки РФ.

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор КГУ.

«Американский историк считает голодомор геноцидом украинцев», «В США выпущена книга, доказывающая факты геноцида во времена Сталина», «Голодомор был не единственным сталинским геноцидом» – такие заголовки заполнили российский и в еще большей степени украинский Интернет в ноябре 2010 г. Речь шла о только что появившейся книге профессора Стэнфордского университета Нормана Наймарка «Сталинские геноциды», в которой автор вновь обратился к, казалось бы, достаточно хорошо исследованной, но по существу своему «вечной» теме – теме массовых убийств и преступлений против человечности в период сталинского правления в СССР.

Истории советской карательной политики и террору посвящена, как известно, огромная литература (18, 20, 23, 27, 40), и тем не менее эти проблемы по-прежнему продолжают привлекать внимание исследователей. Среди новейших, опубликованных в 2010 г. работ зарубежных историков, направленных на изучение этой проблемы, можно назвать, в первую очередь, вышеупомянутую книгу Н. Наймарка о сталинском геноциде (41), а также сборник статей о сталинском терроре в странах Восточной Европы, изданный под редакцией британских исследователей Кевина МакДермотта и Мэттью Стибба (42).

Норман Наймарк – известный специалист по изучению геноцида и этнических чисток в странах Восточной Европы XX столетия. Свою новую рабо-

ту, вышедшую в серии «Права человека и преступления против человечества» (редактор серии Э.Д. Вейц), Наймарк определил как «короткую книгу, в действительности даже расширенный очерк», а основной задачей своей поставил доказать, что «массовые сталинские убийства 1930-х гг. следует классифицировать как геноцид» (41, с. 1). Автор обратил внимание на особую трудность аргументации этого положения, поскольку в то время в СССР, по его словам, не было единого случая геноцида, а была серия взаимосвязанных атак на «классовых врагов» и «врагов народа». Поэтому, полагает Наймарк, время сталинского правления в 1930-е – начале 1940-х годов, когда были репрессированы миллионы людей, следует рассматривать «как важную главу в истории геноцида» (41, с. 2), а сложившийся тогда в СССР режим правления – как режим «геноцидального» характера.

Наймарк дает свое определение «геноцида» как «систематического массового уничтожения, сознательно совершаемого политической элитой государства против целенаправленно избранной группы внутри или за границами этого государства». «Именно это должно отличать геноцид от таких форм массового убийства, как погромы, резня или террористические взрывы», – поясняет он далее (41, с. 4). Наймарк пытается доказать свое понимание геноцида в главах книги, посвященных И.В. Сталину, раскулачиванию, «голодомору», переселению народов, «большому террору». Изложение этих сюжетов, впрочем, не отличается особой новизной, как и вся работа, носящая скорее характер политологического, нежели исторического исследования. В ней нет историографического и источниковедческого разделов, поэтому создается впечатление выборочного использования только тех фактов и документов, которые нужны были автору для доказательства его положений… и игнорирования тех сведений, которые не вписывались в представленную им картину «всеобщего геноцида» той поры. Присутствие таких разделов в книге Наймарка сделало бы более понятным и очевидным, что нового он вносит в понимание истории сталинизма и почему термин «геноцид» применяется им к таким политико-экономическим репрессивным кампаниям, как раскулачивание, «голодомор» и прочее. Ведь эти сюжеты уже неоднократно рассматривались во многих исследованиях (в частности, в работах В.П. Данилова, В.В. Кондрашина, Н.А. Ивницкого, Роберта Конквеста, Шейлы Фитцпатрик, Ю. Слезкина и др.), но не связывались с понятием «геноцид»[1]. В полемике с этими и другими специалистами, а также при более пристальном прочтении и анализе разнообразных источников, прежде всего источников

1. В декабре 2007 г. участники Международной научной конференции в Париже «1937–1938: Апогей большого сталинского террора» не назвали его геноцидом (28).

документальных (2, 19, 31, 32, 35), могли бы появиться и более значимые аргументы pro et contra в отношении точки зрения автора.

Во второй главе работы – «Создавая геноцидария» – реконструируется биография Сталина. Завершается эта глава выводом о том, что по рождению этот человек «геноцидарием» не был, а стал им под влиянием жизненных обстоятельств, может быть и потому, что слишком увлеченно продолжал карательную политику Ленина, учеником которого не раз себя провозглашал. Автор утверждает, что в действительности Сталиных было два: Сталин живой, настоящий, со всеми присущими ему слабостями и противоречиями, и сконструированный им же самим Сталин вымышленный – могучий, сильный, значительный, в существовании которого постоянно приходилось убеждать окружающих, и не дай Бог кому-нибудь было в этом усомниться (41, с. 50). Хотя представленный автором портрет Сталина в значительной степени основан на хорошо известных, даже хрестоматийных фактах его биографии, это образ получился довольно убедительным и ярким, а небольшой и, вероятно, далеко не основной раздел книги – едва ли не самым удачным в ней.

Однако главным в работе Наймарка является, безусловно, не личность самого вождя, а выявление основных «геноцидарных» характеристик сталинского режима. Наймарк прямо увязывает появление геноцида в советской России со сталинской диктатурой и считает нецелесообразным применять этот термин к более раннему периоду советской истории, в частности, распространять его на массовые убийства «ужасающего характера», имевшие место в годы Гражданской войны (41, с. 14).

Что же считать геноцидом и наблюдался ли геноцид в СССР, если учесть, что мировая история полна миллионами погибших от голода, болезней, войн и депортаций? Наиболее крупной формой геноцида XX в. является Холокост – уничтожение 6 млн. евреев нацистским режимом Германии только за их национальное происхождение. В СССР было одно отличие от подобного рода геноцида: преследовались евреи (6), подвергались депортации многие народы (1), раскулачивание стало трагедией для миллионов крестьян. Но их отправляли в спецпоселения[2], в необжитые районы страны, ограничивая свободу передвижения, а не в газовые камеры, как это делали нацисты с евреями и другими неугодными им народами. Но если происходившее в то время все же можно назвать геноцидом, исходя из того, что он носил разные формы, то вряд ли определение «геноцид» применительно к «большому террору» середины 1930-х годов и так называемому «голодомору».

2. В октябре 1946 г. в спецпоселениях НКВД СССР (Сибирь, Казахстан, Урал, Средняя Азия) находились около 2,5 млн. человек, из них примерно треть детей в возрасте до 16 лет. Это были люди разных национальностей, в том числе и раскулаченные (33, с. 157).

Как известно, термин «большой террор» стал популярен особенно после издания одноименной книги Р. Конквеста (1974) и касался он репрессий в России 1930-х годов (25, 38). Но на самом деле в Советской России не было ни «большого, великого», ни «малого, ограниченного» террора, а был один государственный террор против сограждан. Он был легализован правительственными декретами от 18 февраля 1918 г. о введении внесудебных расстрелов и от 5 сентября 1918 г. о красном терроре. Сталин лишь продолжил и усовершенствовал репрессивную политику Ленина, придав ей немыслимый размах и неслыханную жестокость. В 1918–1922 гг. во время Гражданской войны в стране примерно 1,3 млн. человек стали жертвами красного, белого, бандитского террора и погромов (8, с. 19). Это был воистину большой террор, только велся он воюющими сторонами в военное время.

Впрочем, по мнению Наймарка, сталинский «большой террор» имел «геноцидальные качества», но не может быть прямо назван геноцидом (41, с. 136). Он по праву связывает усиление террора с приказом № 00447, подписанным 30 июля 1937 г. наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и утвержденным 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б). На основании этого приказа расстрелу или тюремному заключению подвергались бывшие кулаки, уголовники, активисты бывших политических партий, противники большевизма, члены религиозных общин, бывшие служащие царской администрации, казаки. С августа 1937 по ноябрь 1938 г. были осуждены около 800 тыс. человек: примерно половина к расстрелу, остальные к длительным срокам заключения в тюрьмы и ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря). Приговоры выносились внесудебными органами: тройками, двойками, особым совещанием и др. (34, с. 15). Приказ касался репрессий разных слоев населения, он действительно был преступным по отношению к сотням тысяч граждан страны.

Но если вопрос о наличии в «большом терроре» «геноцидальных качеств» еще можно в науке считать дискуссионным, то совершенно иначе обстоит дело с голодомором 1932–1933 гг. В последние время эта тема перешла из исторической плоскости в политическую. Согласно Наймарку, голодомор был геноцидом *против украинского народа* (41, с. 71–75) и в этом автор отнюдь не оригинален. В советское время голодными были 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг., однако усилиями украинской диаспоры именно голод начала 1930-х годов стал именоваться «голодомором». В 1993 г. на Украине была создана Ассоциация исследователей голода-геноцида 1932–1933 гг. (22, с. 243, 253, 256, 260). Известно, что далеко не все специалисты согласны с этим определением, находя его в современных условиях излишне политизированным. В мае 2007 г. в Москве состоялась встреча российских и украинских историков, посвященная обсуждению проблемы «Голод на Украине и других республиках СССР. 1932–1933 годы. Организаторы и вдохновители». Участники встречи не смогли договориться лишь по одному вопросу: являлся

ли голод на Украине геноцидом украинского народа? Российские историки были категорически против такого определения, а потому в резолюции по итогам встречи решено было записать так: «Рассмотрение проблемы необходимо направить из публицистически-спекулятивной в строго научную плоскость» (3, с. 86).

Наймарк занял точку зрения украинских политиков и отдельных историков, игнорируя иные взгляды на проблему, предлагаемые российскими и зарубежными исследователями. Например, он не обратил внимания на полемику о числе жертв голода 1932–1933 гг. в СССР, которая в свое время велась между В.П. Даниловым и Р. Конквестом (7, 26). Вне его внимания осталось и обстоятельное исследование этой проблемы, содержащееся в монографии В.В. Кондрашина, который посвятил специальный раздел своей книги сравнительному анализу причин и последствий голодных лет начала 1930-х годов в России и на Украине. В те годы, пишет Кондрашин, голод затронул не только Украину, но и Поволжье, Казахстан, Дон, Кубань, Центральный Черноземный район, Южный Урал и Западную Сибирь. Поэтому «дискуссия на тему, какой народ больше пострадал от сталинского режима, малопродуктивна в научном отношении и опасна в нравственном и политическом». Многочисленные документальные данные позволили российскому исследователю заявить о том, что голод тех лет был общенациональной трагедией, а не только исключительно украинской. Он выразил свое несогласие с теми, кто утверждал и продолжает утверждать, что организация голода была направлена на уничтожение украинского народа – таких документальных подтверждений не найдено. Кондрашин не видит по той же причине и социального геноцида по отношению к крестьянству со стороны сталинского правления. По его мнению, сталинский голодомор – это печальный, трагический опыт политических решений (24, с. 237–248, 370–380). Мы бы дополнили от себя – преступных решений, направленных на уничтожение людей. И если в этой связи и можно говорить о геноциде, то против не украинского, а всего народа, крестьянства, проживавшего в зоне бедствия.

Наймарк не раз ссылается на книги Р. Конквеста о сталинском терроре 1930-х годов и результатах коллективизации, но игнорирует тот факт, что в них исследуемые им проблемы отнюдь не названы геноцидом, да еще одного народа (39).

Разумеется, право автора присоединяться к той или иной точке зрения, но при этом нужна научная аргументация, а не публицистические заявления типа: Сталин не убивал и не депортировал украинцев, но «хотел уничтожить их как враждебную нацию» (41, с. 78–79).

Значительную роль в развенчании политических спекуляций о том, что голод в стране начала 1930-х годов был геноцидом украинского народа, сыграли документальные публикации ранее засекреченных документов.

К 60-летию и 70-летию голода на Украине историки республики в доказательство того, что голод был организованным актом геноцида украинского народа, выпустили том документов и монографию (4, 5). В первой книге были собраны воспоминания очевидцев голодомора и документы, подтверждавшие свидетельства крестьян. Выяснилось, что голодные смерти на Украине прекратились только после сбора нового урожая в конце 1933 г., а всего на Украине от голода погибли 3,5–4 млн. человек – примерно половина от всех потерь сельского населения СССР. Однако свидетельств того, что это были только украинские (по национальности) крестьяне, нет: это были сельские и городские жители республики, погибшие в результате голода, люди разных национальностей. В тот период на Украине, как известно, проживали не менее 1 млн. русских крестьян. Тогда же Поволжье потеряло около 1 млн. человек, Казахстан – примерно 2 млн. По разным подсчетам, всего голодали в то время не менее 25–30 млн. человек. Анализ писем трудящихся России тех лет свидетельствовал об идентичности высказанных в них жалоб воспоминаниям украинских крестьян. Принятый тогда закон о паспортизации населения страны за исключением крестьян (27 декабря 1932 г.), строго секретная директива за подписью Сталина и Молотова о запрещении массового выезда голодающих крестьян с Северного Кавказа и Украины в западные и центральные районы (22 января 1933 г.) касались всего сельского населения страны (9, 13, 30, 35)[3].

Наймарк не учел всех этих документов и отказался считать голодомор 1932–1933 гг. геноцидом всего советского крестьянства. При этом он называл геноцидальным явлением процесс раскулачивания в СССР (41, с. 133). Известно, что выселение зажиточных крестьян с мест их постоянного проживания затронуло судьбы миллионов людей. В 1930–1934 гг. были выселены из деревень не менее 2,5 млн. человек, из них от холода, голода и болезней погибли не менее 800 тыс., в основном пожилых людей и детей. Наймарк утверждает, что обвинение в принадлежности к кулачеству было наследственным и препятствовало нормальному образу жизни потомков кулаков (41, с. 58–59). Эти утверждения в значительной степени корректируются работами российских историков, в том числе и тех, кто изучал жизнь кулацких спецпоселений и индивидуальные судьбы раскулаченных (11, 12, 15, 16, 36). Разумеется, судьбы эти были разные: одни были призваны в армию и вернулись героями войны, получив право покинуть спецпоселения, другие во время раскулачивания покинули свои хозяйства и переехали в города. Так, внук раскулаченного Б.Н. Ельцин сделал блестящую карьеру, став Президентом Российской Федерации.

3. Крестьяне страны получили паспорта только в 1976–1981 гг.

Раскулачивание, безусловно, было жестокой и бесчеловечной акцией советской власти. Только в 1954 г. были сняты различные ограничения с бывших кулаков, находившихся в спецпоселениях. Можно назвать депортацией сам акт раскулачивания, но геноцидом этого весьма расплывчатого слоя сельского населения – едва ли.

Книга Наймарка, на наш взгляд, излишне политизирована, а многие ее положения недостаточно аргументированы. Стремление автора распространить понятие «геноцид» на социальные и политические группы чревато опасностью размывания этого понятия и применения его при каждой «удобной» в политической конъюнктуре ситуации. Вместе с тем сама попытка применить понятие «геноцид» к разнообразным явлениям советской истории явно провоцирует их дальнейшее изучение, и в этом заключена безусловная значимость работы американского исследователя.

Резко контрастирует с книгой Наймарка коллективная монография о сталинском терроре в Восточной Европе (42). Она отличается значительно большей академичностью, научно-объективной аргументацией выдвинутых положений. В десяти разделах книги авторы подробно рассказывают о времени сталинского террора в странах Балтии (Aldis Purs) и в Советской Молдавии (Igor Casu), в Восточной Германии (Matthew Stibbe), Польше (Lukasz Kaminski), Чехословакии (Kevin McDermott), Венгрии (Laszlo Borhi), Румынии (Dennis Deletant), в Югославии (Jerca Vodusck Staric), Болгарии (Jordan Baev) и Албании (Robert C. Austin). Предисловие, написанное К. Макдермоттом и М. Стиббом, посвящено перспективам и различным интерпретациям исследования проблемы.

Авторы разделов сосредоточили свое внимание на реалиях сталинского террора в тех странах, где политические судебные процессы над видными партийными и государственными деятелями практически зеркально отражали происходившее в 1930-х – начале 1950-х годов в СССР, выявили специфику репрессий и преследований здесь инакомыслящих. Определяя террор как «сталинский» и понимая под ним «сознательную попытку коммунистических руководств разрушить гражданское общество и его автономные институты, прежде всего путем массовых арестов, принудительного труда, перемещения подозреваемых лиц, полицейской жестокости и правовых и неправовых наказаний, для достижения общей цели… – осуществления монополии партийной власти через подавление альтернативных источников власти и приверженности», и не отрицая значительной личной роли Сталина в организации этих событий, авторы утверждают, что, несмотря на это, невозможно объяснить суть происходивших здесь сложных процессов без учета их собственных по-

литических, социально-идеологических и этнических измерений (42, с. 3)[4]. Во многих случаях, однако, заимствование методов носило «практически буквальный характер», как, например, в Румынии, где показательные политические процессы против выдающихся деятелей партии носили скалькированный с СССР характер, в семьях политзаключенных предусматривался принудительный развод, а их детям вплоть до 1963 г. отказано было в поступлении в университеты.

В предисловии редакторы книги отмечали, что авторы ее так и не договорились о мотивах террора в тех странах, о которых они писали, о степени соотношения советского, коммунистического и локального в отношении каждого региона. Одни считали главными причинами проводимых репрессий внешние факторы (советскую оккупацию, наличие советских советников и т.д.), другие видели в этом желание новых коммунистических лидеров избавиться от возможных противников и установить авторитарную власть, третьи полагали виной происшедшего переплетение внутренних и внешних факторов. А. Пурш отмечал, например, что в Прибалтике «террор был советским по форме, но локальным по содержанию» (42, с. 5). Авторы предисловия усматривали основную причину террористических акций в «реальной политике Сталина» и бесконечных попытках найти «врагов» органами безопасности, действующими под руководством советских кураторов. Эти «враги» идентифицировались новыми правителями по советским установкам: кулаки, частные предприниматели, священнослужители, социал-демократы, бывшие офицеры, госслужащие и др. (42, с. 5–6). В статьях содержатся данные о численности жертв террора, формах его реализации (тюрьмы, концлагеря, расстрелы, показательная пропаганда и т.д.).

Интереснейшим сюжетом книги, проходящим через все ее разделы, являлся сюжет о «герменевтике души» – поведенческих практиках, настроениях и чувствах людей, оказавшихся в условиях «сталинского террора».

Книга важна и значима тем, что в ней ставятся многие вопросы, требующие дальнейшего изучения. Один из них относится к сравнительному анализу нацистской и советской оккупации. Страны Балтии и Молдавии испытали советскую оккупацию в 1940–1941 гг., затем они подверглись нацистской оккупации, а с 1944 г. – вновь советской. Можно утверждать, что они были репрессированы трижды. История присоединения и советизации Прибалтики известна достаточно подробно (см., например, 14, 37). Исследования российских историков отличаются трактовкой событий от ряда работ современных прибалтийских авторов, доводящих «советскую оккупацию» в своих странах

4. Термин «сталинский» (террор, репрессии, партийные чистки) присутствует практически во всех названиях разделов книги.

до 1990 г. и называющих нацистское присутствие в них и участие в борьбе с большевиками «борьбой за независимость».

Никто не отрицает жестокость и безнравственность массовых советских репрессий и депортаций тысяч жителей Прибалтийских стран. Понятно и желание авторов сборника назвать эти действия «приближающимися к геноциду» (42, с. 20). Они не считали свои республики в полном смысле слова советскими, а потому пишут о репрессиях против граждан независимых государств, в отличие, скажем, от депортации кулаков, крымских татар или поволжских немцев, которые были репрессиями в отношении «собственных граждан» (42, с. 35). С этими выводами трудно согласиться. Укажем на то, что до 1991 г. прибалтийские историки выступали как представители советских республик и славили национальные дивизии как части Советской армии. Ныне они заняли прямо противоположные позиции, именуя свои страны независимыми территориями под «советской оккупацией», а тех, кто сражался на стороне наци, – «борцами за суверенные государства». Когда происходит такое политико-конъюнктурное изменение мнений, ясно, что требуется более объективное исследование произошедшего. Есть и другие причины для его проведения.

В конце 2010 г. Еврокомиссия отказала заявлению министров иностранных дел Литвы, Латвии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Чехии в принятии закона о двойном геноциде, согласно которому предполагалось введение уголовного наказания за отрицание преступлений коммунистических режимов по аналогии с действующим в ряде европейских стран запретом на отрицание Холокоста. В ответе Еврокомиссии отмечалось: «Несмотря на все ужасные преступления СССР, нельзя сравнивать людей, которые построили Освенцим, с теми, кто освободил его узников» (10). И еще. По подсчетам Ю.З. Кантор, к июню 1941 г. в странах Балтии были арестованы 14 467 человек, выселены 25 711, в общей сложности репрессированы 40 178 человек. Нацисты создавали на этой территории Остланд как часть рейха и стали ее осваивать, проповедуя идею «растворяющейся ассимиляции». Они арестовывали всех лояльно относящихся к советской власти. В результате, в прибалтийских республиках нацистами были арестованы примерно 50 тыс. человек (21). Это превышает число арестованных советскими властями в прибалтийских государствах накануне войны.

Югославия вышла из-под сталинского влияния в 1948 г. Сталин даже пытался физически ликвидировать И. Тито. Но в Югославии продолжался свой собственный коммунистический террор. Польша, к руководству которой Сталин все время относился с подозрением, вдруг, по образному выражению советского поэта Булата Окуджавы, стала самой «свободной камерой в социалистическом лагере». Авторы статей о Чехословакии и Венгрии акцентируют внимание на репрессиях конца 1940-х – начала 1950-х годов, полагая,

что именно они были главным фактором в формировании тоталитарного общества (42, с. 119–120, 131, 133–136).

На наш взгляд, важно было бы, говоря о репрессиях, творившихся в те годы в странах «социалистического лагеря», более подробно остановиться на движениях сопротивления этому террору: восстанию в ГДР 17 июня 1953 г., грандиозной демонстрации жителей Будапешта 6 октября 1956 г., в день похорон Ласло Райка, ошибках советских лидеров, потворствовавших назначению и поддерживавших неавторитетных руководителей этих стран. Ныне российская историография отошла от советских утверждений о венгерском восстании 1956 г. как о «контрреволюционном» и видит в нем народное возмущение деспотическим режимом, прибегавшим к террору, и национальной униженностью. Это восстание явилось проявлением кризиса советской модели организации социалистического общества, а его подавление стало свидетельством неспособности системы решать возникавшие проблемы ненасильственными методами (17). Позднее сторонники социализма в Чехословакии, занимавшие высокие посты в управлении страной, постепенно пришли к выводу о возможности «социализма с человеческим лицом» и тем самым также отвергли к 1968 г. принципы советского социализма.

Книга Наймарка и коллективная монография о сталинском терроре в странах Восточной Европы отражают современные тенденции в изучении серьезной и сложной научной темы. Ряд выводов в этих книгах, о которых речь шла выше, показывают, что даже наличие сегодня большой фактологической и историографической базы не гарантирует историка от соблазна поддаться политико-конъюнктурному решению поставленных проблем. Но важнее то, что обе они свидетельствуют о сохраняющемся интересе зарубежной историографии к советской политической истории, в том числе в ее взаимосвязи с политическими «историями» стран Восточной Европы.

Литература

1. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). – М.: Инсан, 1998. – 368 с.

2. Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности: Сборник документов. – Казань: КРИСТА, 1997. – 536 с.

3. Голод по-большевистски: Организаторы и вдохновители // Родина. – 2007. – № 9. – С. 80–86.

4. Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. – Київ: Наукова думка, 2003. – 887 с.

5. 33-й: Голод. Народна книга-меморіал. – Київ: Радяньский письменник, 1991. – 584 с.

6. Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938–1953: Документы / Сост. Г.В. Костырченко. – М.: МДФ, 2005. – 590 с.

7. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демократической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 116–121.

8. Данилов В.П. За что погибли шестнадцать миллионов россиян? // Юность. – 1990. – № 10. – С. 10–19.

9. Данилов В.П., Зеленин И.Е. Организованный голод: К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 97–111.

10. Еврейское слово. 2010. 28 декабря – 10 января. № 48.

11. Земсков В.Н. Спецпоселенцы. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.

12. Зима В.Ф. Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 177–183.

13. Зима В.Ф. Голод 1932–1933 гг. в письмах трудящихся России // Отечественная история. – 2006. – № 2. – С. 47–55.

14. Зубкова Е. Прибалтика и Кремль: 1940–1953. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.

15. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). – М.: РАН. Ин-т рос. истории, Университет г. Торонто (Канада), 2000. – 351 с.

16. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.

17. Исламов Т.М. Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии // Вопросы истории. – 1997. – № 11. – С. 42–55.

18. Историография сталинизма: Сборник статей / Под редакцией Н.А. Симония. – М.: РОССПЭН, 2007. – 478 с.

19. История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. – М.: РОССПЭН, 2004–2005.

20. Канн А.С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 120–133.

21. Кантор Ю.З. Новые документы об оккупационном режиме на территории «Остланд». 1941–1944 гг. // Исторический источник и проблемы российской истории: Сб. статей. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2011. – С. 155–166.

22. Касьянов Г. Разрытая могила: Голод 1932–1933 гг. в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. – 2004. – № 3. – С. 237–269.

23. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. – М.: РОССПЭН, 2009. – 328 с.

24. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг.: Трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 520 с.

25. Конквест Р. Большой террор: В 2 т. – Рига: Растниекс, 1991.

26. Конквест Р. Свидетельства неочевидца // Московские новости. – 1989. – 26 марта. – № 13.

27. Кропачев С.А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 166–172.

28. Кропачев С.А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 206–213.

29. Красный террор. – Казань. – 1918. – № 1.

30. Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. – 1996. – № 6. – С. 185–203.

31. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): В 8 т. М.: Институт российской истории РАН, 2001–2008.

32. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. – М.: РОССПЭН, 1998–2004.

33. Справка отдела спецпоселений НКВД о количестве спецпоселенцев на октябрь 1946 г. // URL: <http://wordweb.ru/ist_rus_xx/11_11.htm>

34. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. – М.: РОССПЭН, 2009. – 927 с.

35. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. – М.: РОССПЭН, 1999–2006.

36. Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. – М., 1963. – С. 264–285.

37. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. – М.: Наука, 2008. – 476 с.

38. Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. – N.Y.: Oxford UP, 1990. – 581 p.

39. Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. – N.Y.: Oxford UP, 1988. – 421 p.

40. Litvin A., Keep J. Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium. – L., N.Y.: Routledge, 2005. – 248 p.

41. Naimark N.M. Stalin's Genocides. – Princeton: Princeton UP, 2010. – 163 p.

42. Stalinist Terror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression / Ed. by K. McDermott and M. Stibb. – Manchester: Manchester UP, 2010. – 235 p.

С.А. Ермолаев

ЗАПАДНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ И РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ (ПОЛЕМИКА С А.А. ГОРСКИМ)

Ермолаев Сергей Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник ИНИОН РАН.

Чем были схожи средневековые Русь и Западная Европа, и в чем они кардинально расходились? Советская наука когда-то пыталась настаивать на принципиальной близости их социального порядка. Широко известно представление о феодализме как о многоступенчатой вассально-ленной иерархии – системе земельных держаний нижестоящих феодалов от вышестоящих в обмен на военную службу. Официальные советские историки, начиная еще с М.Н. Покровского, на первых порах подгоняли русское Средневековье под описанную модель (21, с. 28–54). Впоследствии, впрочем, такой подход потерял актуальность. Трудно было не заметить, что применительно к Руси классические представления о феодализме не работают. Совсем не случайно уже в наше время исследователи все чаще говорят о том, что никакого феодализма в русских землях не было вовсе. На данный счет авторитетным стало мнение классика французской медиевистики М. Блока, в свое время ограничившего зону господства феодализма Западной Европой, добавив, правда, еще Японию (4, с. 429–436). Спустя несколько десятилетий известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич в феодализме тоже оказался «склонен усматривать преимущественно, если не исключительно, западноевропейский феномен» (9, с. 20).

Впрочем, чаще отечественные исследователи придерживались другого мнения. Они считали, что феодализм в России существовал, но носил весьма своеобразный характер. Об этом русском своеобразии писали многие: И.Н. Данилевский, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин, Л.В. Милов, И.Я. Фроянов, А.Л. Юрганов и т.д. Работы этих авторов начисто устраняли сомнения: русское Средневековье, независимо от того, называть ли его феодальным, от за-

падного отличалось сильно. Расхождения в социальном устройстве казались более явными, чем сходства.

И вот в недавних статье и книге отечественного историка-россиеведа А.А. Горского мы находим совсем другие мысли (6; 7). Вдруг выясняется, что «развитие общественного строя Руси в эпоху Средневековья шло по тому же пути, что и в других европейских странах» и надо говорить о «принципиальном типологическом единстве» всех стран тогдашней Европы, включая, естественно, Русь (7, с. 80). Может показаться, что мы вернулись к самым истокам советской исторической науки, чуть ли не во времена Покровского. Однако полным возвращение назвать нельзя. Горский применяет совсем другую логику рассуждений. Он вовсе не подстраивает русское Средневековье под модель классического феодализма. Напротив, по словам Горского, очень многое из русских реалий в нее не вписывается: «частная крупная земельная собственность вплоть до XIV века была на Руси распространена относительно мало, вассальные отношения носили преимущественно одноступенчатый характер» (6, с. 24; 7, с. 78). «Одноступенчатый» – поскольку вся военная элита русского средневекового общества служила непосредственно князю. А вот в «классической модели» феодализма, как уже отчасти сказано, существовало несколько уровней: огромное число феодалов были одновременно и вассалами, и сеньорами. На этот нюанс историки часто обращают внимание, когда сравнивают западноевропейский феодализм с русским общественным строем или – шире – с социальным устройством средневековой Восточной Европы. П. Андерсон писал, что на всем восточноевропейском пространстве «было мало или совсем не было промежуточной страты землевладельцев между рыцарями и монархами», что «сложные цепочки феодальной лестницы были здесь практически неизвестны» (2, с. 209). И Милов, обращаясь уже непосредственно к Руси, считал невозможным создание тут «сколько-нибудь многоступенчатой феодальной иерархии». Зато в Западной Европе, по словам Милова, такая иерархия служила «могучим рычагом консолидации класса феодалов» (20, с. 465).

Так откуда же тогда взяться пресловутому «принципиальному типологическому единству» средневековых Запада и Руси? Горский данное «единство» выводит из того, что та самая «классическая модель» феодализма «в действительности практически нигде не существовала», «являет собой едва ли не фикцию» (6, с. 15, 24; 7, с. 66, 78). Во-первых, Горский ссылается на гипотезу Н.Ф. Колесницкого (17) о том, что «первоначальной формой феодальной эксплуатации в Западной Европе служили государственные подати, а подчинение крестьян частным земельным собственникам явилось уже дальнейшей стадией процесса формирования феодальных отношений» (6, с. 13; 7, с. 64). Во-вторых, та самая частная земельная собственность – «сеньория-феод… обусловленная службой», – согласно приглянувшейся Горскому работе анг-

лийской исследовательницы С. Рейнольдс (27), «стала реальностью только к XII веку» (6, с. 14; 7, с. 65). Никаких аргументов в пользу этого тезиса Горский не приводит, но уверен в нем целиком и полностью. А, в-третьих, даже после того как «сеньория-фьеф» все же «стала реальностью», в Западной Европе все еще оставалось немалое количество «рядовых свободных» крестьян. Крестьяне эти находились в подчинении не феодалов, а государства – чем не доказательство, что «общественные отношения в Западной Европе не исчерпывались “феодальной ипостасью”» (6, с. 14–15; 7, с. 65).

И получается у Горского практически полная идентичность русского и западного Средневековья. На Руси крестьяне, по меньшей мере, до конца XV в. были свободны, и на Западе многие так и не попали в зависимость к феодалам; на Руси была неразвита система вассалитета, и на Западе она созрела лишь во втором тысячелетии; наконец, на Руси частное землевладение до самого образования единого Московского государства играло незначительную роль, и на Западе сеньории далеко не сразу достигли преобладающего положения. Словом, как кажется Горскому, все почти один к одному. Разница может состоять лишь в пропорциях, в которых выступали «государственные и сеньориальные формы общественных отношений». Горский вынужден признать, что на Западе «сеньориальные формы» в конечном счете распространились заметно шире, чем в средневековой Руси (6, с. 25; 7, с. 79–80). Но этот факт, с точки зрения Горского, мало что меняет. Он ссылается на мнение Ю.Л. Бессмертного о том, что те самые «сеньориальные» и «государственные» элементы общественных отношений как в Западной, так и в Восточной Европе не просто сосуществовали, но тесно переплетались и глубоко проникали друг в друга (6, с. 14; 7, с. 65). И на Руси, и на Западе, условно говоря, государственные люди были одновременно землевладельцами и, наоборот, землевладельцы в чем-то представляли собой государственных людей. Следовательно, совершенно неважно, какой из «элементов» – «государственный» или «сеньориальный» – в том или ином регионе Европы формально преобладал.

Обратимся к той статье Бессмертного, на которую опирается Горский в своих выводах (3). Действительно в ней много сказано о том, что не только на Руси, но и, к примеру, во Франции не вся территория находилась в частном владении. Немалую часть земли сохранило за собой государство в лице французского короля, который управлял ею руками своих чиновников – прево и бальи. Точнее, они только считались чиновниками, а, по сути, как считает Бессмертный, были обычными феодалами. Прево и бальи осуществляли управленческие функции – собирали налоги и штрафы, вершили правосудие, т.е. делали все то же самое, что и владельцы феодов. И, так же как и феодалы, прево и бальи передавали свои права на земли по наследству. Поступления с «королевских свободных» в пользу государства, проходившие через прево и

бальи, рассматривались как рентный фьеф, а держателей этого фьефа, согласно Бессмертному, фактически можно считать собственниками земли, которой они управляли (3, с. 28–30).

В этой части анализ Бессмертного выглядит вполне убедительным. И гораздо хуже обстоит дело, когда он от Франции переходит к Руси. По его утверждению, в русских землях роль французских прево и бальи играли кормленщики (3, с. 30–31). Отличие Бессмертный согласен видеть лишь в том, что права и обязанности кормленщиков по отношению к конкретным волостям не были наследственными. Но он тут же оговаривается, что «это отличие вряд ли следует считать принципиальным» потому, в частности, что «кормленщик пользовался своими функциями в данной местности достаточно долго» (3, с. 31). Специалисты по русской истории тут же поймали бы Бессмертного на ошибке. В действительности полномочия кормленщиков на одной и той же территории зачастую не были долгими. С.Б. Веселовский писал, что кормления князья давали на год или же на два-три года, преследуя при этом цель «пропустить через кормления по очереди значительное количество лиц» (5, с. 76). Следовательно, не приходится говорить о долговременных правах кормленщиков на землю, а заодно и о переплетении «государственного и сеньориального элемента». Кормленщики были в чистом виде государственными служащими, а вот сеньорами их ни Бессмертному, ни Горскому представить не удалось.

Уже в этом пункте идея Горского о «типологическом единстве» средневековых Запада и Руси трещит по швам. А в других пунктах трещит еще сильнее. Предположим, и тут, и там было много «рядовых свободных» крестьян. Но как насчет того, чтобы соотнести доли свободных и зависимых? Каково это соотношение было на Западе в развитом Средневековье? И в самом деле историки сейчас полагают, что дошедшая до нас оттуда максима «Нет земли без господина» не отражала действительного положения дел. Ж. ле Гофф писал, что крестьяне, не попавшие в зависимость к феодалам, «были в Средние века более многочисленными, нежели это часто утверждается». Но тут же добавлял, что такая разновидность крестьянства «выпадала из экономической феодальной системы» (19, с. 279). То есть не эти крестьяне определяли западноевропейский общественный строй, где «феодальная ипостась» все же господствовала. А теперь возьмем данные по Руси. В домонгольские времена, по словам Фроянова, «рядовое свободное людство… решительно преобладало над всеми другими жителями» (25, с. 318). И в более поздние времена – во второй половине XV в., – как узнаем из книги Кобрина, «в Северо-Восточной Руси преобладали земли черных крестьян» (14, с. 40). Черные (не находящиеся в частных владениях) крестьяне не выпадали из системы, а сами были основной ее частью.

Предположим, «сеньория-феод» на Западе поздно оформилась. Но ведь оформилась же. Горский называет «классическую модель» феодализма – многоступенчатую вассальную иерархию – «едва ли не фикцией», но все же вынужден признавать, что эта «едва ли не фикция» все-таки «в определенный период существовала» (7, с. 78). А с какого времени существовала? С XII в., с момента, от которого упомянутая Горским Рейнольдс отсчитывает «сеньорию-феод»? Вообще-то другие историки, опираясь на документальные свидетельства, ведут отсчет с более ранних времен. Разумеется, не от самого начала Средних веков, но, например, от 1000 г. Ле Гофф считает последующие за тем годом десятилетия периодом «основной перестройки социальной и политической структуры всего христианского мира», временем «incastellamento», когда происходила «организация всей жизни вокруг замка» (18, с. 84). Территории, подвластные владельцам замков, как раз представляли собой сеньории и феоды (18, с. 84–85). Андерсон, со своей стороны, исходную точку ищет несколько раньше. По его словам, «полноценная система феодальных владений» укоренилась на Западе век спустя после Карла Великого, т.е. в X столетии. А при Карле Великом появилось «ее первое ядро», «произошел важнейший синтез между земельными дарениями и обязательствами служения» (1, с. 138–139).

Еще к правлению Карла Великого относится примечательный эпизод. В 811 г. Карл Великий пожаловался, что некоторые прежде верные ему люди отказываются от военной службы под тем предлогом, что их сеньор на нее не призван, и они должны оставаться при нем (19, с. 66). Обратите внимание: сеньоры уже в начале IX в. препятствовали прямым сношениям своих вассалов с королем. Разве это не признак еще не сформировавшейся, но уже немало продвинувшейся в этом формировании той самой многоступенчатой вассальной иерархии? Есть основания полагать, что и сложилась она полностью несколько раньше XII столетия. Андерсон считал, что феодализм возник в X в. (1, с. 178), но чаще историки начинают феодализм все от того же 1000 г., с XI столетия (18, с. 82–92; 11, с. 17). Однако конкретная дата не столь и важна. Веком раньше или позже – какая разница? Принципиально другое: «классическая модель» феодализма по крайней мере в своих основных чертах – никакая не «фикция». Эта модель действительно наблюдалась в истории, пусть и не так долго, как хотелось когда-то официальной советской историографии. И если средневековая Русь ни в один момент не подходила под этот образец (в этом можно с Горским согласиться), то она серьезно отличалась от средневековой Западной Европы. И тогда никакого «принципиального типологического единства» не выходит.

Расхождение между русским средневековым общественным порядком и классической моделью феодализма еще глубже, чем представляет Горский. Надо принять во внимание сам характер, а не только масштабы частного

землевладения. Горский, как уже сказано, признает, что в русских княжествах оно было мало распространено. Но те земли, которые все же находились в личном владении дружинников, были, по Горскому, сродни западным феодам. Он неоднократно говорит о том, что на Руси князья жаловали земли за службу (6, с. 23, 25; 7, с. 77, 79). Однако свою позицию ничем не подкрепляет, не ссылается на документы или исторические исследования. Стоит тогда обратиться к работам крупных историков, которые Горский, учитывая его квалификацию, обязан знать. Что же эти историки говорят о службе с земли в русских княжествах?

Сначала В.О. Ключевский. Он пишет, что на Руси «поземельные отношения вольных слуг строго отделялись от служебных». По словам Ключевского, «эта раздельность настойчиво проводится в княжеских договорах XIV века». Такова была общая практика: «бояре и вольные слуги свободно переходили от одного князя на службу к другому; служа в одном уделе, могли иметь вотчины в другом; перемена места службы не касалась вотчинных прав, приобретенных в покинутом уделе» (13, с. 359). Теперь В.И. Сергеевич. Он ссылается на многочисленные документы, из которых следует, что владение бояр вотчинами в одном княжестве, а служба совсем в другом, было обычным явлением (23, с. 409, 412–413). Далее Веселовский, писавший как до революции, так и в советские времена. В своей поздней работе он упомянул, что в удельные времена служба с земли была не обязанностью землевладельца, а правом (5, с. 206). Перейдем к современным авторам. Милов пишет о весьма позднем создании «московской великокняжеской (царской властью) статуса служилой вотчины» (20, с. 465). Ранее, получается, вотчина служилой не была. Наконец, возьмем монографию, где Горский выступал ответственным редактором и одним из авторов. Открываем главу, вышедшую из-под пера П.С. Стефановича, и читаем: «На Руси до сложения поместной системы (то есть фактически до конца XV века) служба бояр или других людей практически никогда не связывалась с земельными пожалованиями» (8, с. 202). Странно, что Горский не знает, о чем сказано в им же редактируемой книге.

Почему же вотчины не обязывали бояр к службе? Казалось бы, одно подразумевает другое: раз князь дал вотчину приближенному, то должен что-то получить взамен. Но в том-то и дело, что с земельными раздачами обстояло даже хуже, чем думает Горский. Не княжеские дарения на протяжении большей части русского Средневековья были основным источником формирования земельной собственности. По Фроянову, «основные и первоначальные способы земельного стяжательства в Киевской Руси» – это «заимка пустых неосвоенных земель и купля» (24, с. 212). Делает свой вывод Фроянов не голословно (этим выгодно отличаясь от Горского), а после глубокого анализа документов. И все сразу встает на свои места: бояре обычно не получали

земли от князя, а приобретали их самостоятельно, и, следовательно, за них ему ничего не были должны.

И такая заметная роль земельных купель, по Фроянову, имела место и в так называемый «Московский период», причем на значительном его протяжении, по XVI в. включительно (24, с. 212–213). И ведь не сказал Фроянов чего-то нового. Еще Сергеевич приводил договор от конца XIV в. между Дмитрием Донским и Владимиром Серпуховским: «А тебе, брату моему молодшему, в моем уезде сел ти не купити, ни твоим бояром..; также и мне в твоем уделе сел не купити, ни моим бояром» (23, с. 409). Более чем убедительное свидетельство того, что бояре активно покупали земли, причем далеко за пределами княжеств, в которых служили.

Вот откуда бралась та самая «раздельность» служебных и земельных отношений на Руси – как в киевские, так и в удельные времена почти до самого их завершения. Для западного феодализма, напомню, подобная ситуация – нонсенс, там земельные отношения в своей массе подразумевали службу. Ключевский отсюда делал вывод об отсутствии в Московской Руси «феодального момента» (13, с. 359). Вывод простой и логичный, увы, не соответствующий шаблонной схеме Горского.

Впрочем, указанная «раздельность» не существовала вечно. Земельные пожалования на Руси тоже с некоторого момента вошли в практику. Ближе к концу удельного периода они заметно расширились и постепенно стали к тому же приобретать служебный характер. Финальный аккорд данного процесса – учреждение Иваном III системы поместий, дававшихся исключительно на условиях службы. Сходства между западным феодализмом и общественным строем Руси (пусть уже становившейся Россией), как может показаться, стало заметно больше. Но это на первый взгляд. А на самом деле не больше и не меньше: как была пропасть, так она и осталась. В одном отношении русское Средневековье в преддверии собственного заката все же немного приблизилось к западному, а в другом – напротив, очень сильно от него отдалилось. И потому опять к «типологическому единству» с Западом не пришло.

Итак, служебные и земельные отношения в Московском государстве в общем и целом в конце концов совпали. Но был ли это вассалитет западного образца? Следует вспомнить верное указание Андерсона на принцип «обоюдности» «западного средневекового феодального контракта». Андерсон справедливо отмечает, что «настоящая феодальная система содержала очевидный компонент взаимности – у вассала были не только обязанности перед своим господином, но и права, которые сюзерен был обязан уважать» (2, с. 212). В частности, сеньор не мог чинить насилие против вассала; вассал, как показывает Блок, в случае рукоприкладства со стороны сеньора имел право разорвать с ним отношения (4, с. 225).

На Руси отдаленным подобием таких отношений была исконная взаимосвязь князей с их старшей дружиной (боярами). Здесь принципы «обоюдности» и «взаимности» соблюдались в полной мере. Князь, примерно как король в западной «феодальной лестнице», был лишь первым среди равных (16, с. 55). Бояре были вольными слугами, имели возможность перехода на службу к другому князю. Отсюда поведение князя в отношении дружины: как писал Сергеевич, «дружине нельзя приказывать, ее надо убеждать» (23, с. 410). К примеру, в 1169 г. князь Владимир Мстиславович не спросил в одном мероприятии совета дружины и получил от нее ответ: «О себе еси, княже, замыслил, а не едем по тобе, мы того не ведали» (23, с. 410–411).

Мало-помалу все изменилось. Князья в Северо-Восточной Руси все охотнее стали опираться не на старшую дружину, а на младшую – на людей своего двора или, иначе говоря, дворян. Их «общественное положение», по тактичному замечанию Сергеевича, «было не из высоких», среди них встречались даже холопы (23, с. 458). Как отмечают Кобрин с Юргановым, это были не друзья и соратники князя, а его личные слуги, – естественно, и относился князь к ним как к слугам, а не равным товарищам (16, с. 56–57). Постепенно такое отношение распространялось на остальных служилых людей, т.е. на бояр. «Из вольных слуг они стали невольными» (23, с. 428–429), элементы «обоюдности» и «взаимности» из их отношений с князем пропали. Конечно, это был долгий процесс. Его завершение обозначили знаменитые слова Ивана Грозного, с которыми он казнил в массовом порядке и дворян, и бояр, и даже князей: «А жаловати есьмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же» (26, с. 36). Тогда у царя уже не было сомнений, что любой, даже самый знатный подданный является его холопом. Но истоки таких отношений коренятся в более ранних периодах русской истории. Так, еще в 1432 г., во времена куда менее тиранические, Иван Всеволожский, один из самых высокопоставленных бояр, уничижительно, как считается, называл себя «холопом великого князя» (12, с. 268).

Однако и тут следует возражение Горского. Если ему верить, не так уж плохи были дела московской знати. И правда, как пишет Горский, при Иване Грозном и позже «совпадение определения служилых людей как “холопов” государя с наименованием людей несвободных способствовало развитию представлений о приниженном положении знати по отношению к правителю». А до того было не так. По словам Горского, «изначально определение знатными людьми себя в качестве “холопов” государя не имело целью уничижение знати» (7, с. 221). Логика следующая. «Холоп» – это производное от монгольского «богол», т.е. «раб». «Боголами» называли людей, зависимых от ханов. И не всех подряд, а весьма высокопоставленных, тогда как «человеку относительно незнатному имя ханского “богола” надо было заслужить» (7, с. 218). И в том числе «боголами» были русские князья, подчиненные хану.

Этим званием, как выходит у Горского, подчеркивался их высокий статус. А дальше, по мере освобождения от власти татар, московские князья становились на место ханов, сами начинали превращаться в верховных правителей. И «боголами» или «холопами» были для них уже собственные бояре. Боярское звание «холоп», полагает Горский, поднимало статус московского князя как лица, взявшего в свои руки прежние полномочия монгольского хана, а вовсе не принижало положение бояр. Напротив, их статус становился только выше, «как ни парадоксальным это может показаться» (7, с. 221). «Холопами» («боголами») раньше именовали князей, теперь «следовательно, те, кто именовался "холопами" царя московского, тем самым приравнивались к князьям». «Какое уж тут самоуничижение…», – заключает Горский (7, с. 222).

Честное слово, такое рассуждение в голове не укладывается. Обозвав холопами, бояр «приравняли к князьям»… Давайте вспомним: ханы были обычными восточными деспотами, которые, по крылатому определению, являлись собственниками всех своих подданных, независимо от их ранга (22, с. 63). Вот и над русскими князьями ханы имели полную власть и распоряжались всецело их жизнями. Хан, отмечают Кобрин и Юрганов, «не только мог приговорить русского князя к смертной казни, но и привести приговор в исполнение самым унизительным образом» (16, с. 57). Неужели Горский не видит в таком порядке ничего уничижительного?

И если название «холоп» перешло потом к боярам, это означало, что на них распространились и принципы, заложенные в таком звании. Князья были по сути рабами ханов, а бояре стали таковыми по отношению к князьям. Иван Грозный, творя полный произвол над подданными, явно относился к ним как к рабам. Кажется, Горский с этим не спорит. Только зря он ведет отсчет «приниженного положения знати» от Ивана Грозного. Начинать надо гораздо раньше. Еще отец Ивана Грозного Василий III, по свидетельству западного наблюдателя, в «принижении» очень отличился: «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством…» (26, с. 35). Василий III периодически советовался по государственным вопросам с приближенными, но одного из них казнил за «непригожие речи», когда тот пожаловался, что государь не любит против себя возражений (15, с. 16, 118). А отец Василия III Иван III удостоил казнью или опалой тех из придворных, которые дали неправильный, как показалось самому государю, совет по поводу назначения наследника. А потом напоминал приближенным судьбу одного казненного и рекомендовал «не высокоумничать» (15, с. 119). Помимо этого Иван III фактически ликвидировал «право отъезда» бояр, т.е. право на выбор места службы или вовсе на отказ от нее. Ликвидировал без излишней щепетильности: служилые люди просто брались под стражу «при малейшем подозрении об отъезде» (23, с. 424). Если в Западной Европе насилие со стороны сеньора было основанием для разрыва служебной связи, то в русских условиях эта связь с определенного момента

как раз и обеспечивалась высочайшим насилием. Вот как поступали с теми, кого, по версии Горского, «приравняли к князьям».

На самом деле ничего удивительного в таком положении знати не было. В нем заключалось цена, которую Русь заплатила за монгольское иго. Цена сложилась не только из катастрофических последствий монгольских набегов, не только из огромной дани, которую выплачивали русские люди, но и из деспотических отношений внутри русских земель, перенесенных сюда под монгольским воздействием. На Западе феодальные отношения возникли под влиянием германо-романского синтеза, первым шагом в их направлении была «рекомбинация различных элементов», каковыми принято считать «разложившийся рабовладельческий способ производства… и расширенные и деформированные способы производства германских завоевателей» (1, с. 19–20; 10). Русь через германо-романский синтез не проходила – именно с этим Кобрин и многие другие связывали ее вековые отличия от Западной Европы (14, с. 203). Зато для русской средневековой истории был характерен другой синтез, «рекомбинация» древнерусских и восточных порядков. И этот синтез оказался для русских земель столь же судьбоносным, как германо-романский для Западной Европы.

Эти два разных синтеза наложили неизгладимый отпечаток на пути развития Западной Европы и России. Горский настаивает на том, что данные пути разошлись только к концу XVI столетия, когда после формирования крепостнических отношений российский общественный строй приобрел «типологическую специфику» (6, с. 26; 7, с. 80). Но откуда она в данном случае взялась? Очевидно, из предшествующей специфики – той, которая была характерна для всего русского Средневековья. Именно она предопределила и позднейшее качественное своеобразие русской истории, ее отличия от западной. Запад на базе своего феодального прошлого быстро пошел капиталистическим маршрутом, Россия же, лишенная схожего феодального фундамента на многие века погрязла в крепостничестве.

Литература

1. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. – М., 2007. – 288 с.
2. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. – М., 2010. – 512 с.
3. Бессмертный Ю.Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. – Ростов-н/Д., 1980. – С. 21–37.
4. Блок М. Феодальное общество. – М., 2003. – 504 с.
5. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. – М.–Л., 1947. – 495 с.
6. Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. – М., 2008. – Вып. 69 (4). – С. 9–26.

7. Горский А.А. Русское Средневековье. – М., 2010. – 222 с.
8. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. – М., 2008. – 480 с.
9. Гуревич А.Я. «Генезис феодализма» и генезис медиевиста // Гуревич А.Я. Избранные труды. Германцы. Викинги. – СПб., 2007. – С. 5–22.
10. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Гуревич А.Я. Избранные труды. Германцы. Викинги. – СПб., 2007. – С. 187–342.
11. Дюби Ж. Европа в Средние века. – Смоленск, 1994. – 316 с.
12. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М., 1991. – 286 с.
13. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. Т. 1. – М., 1987. – 432 с.
14. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. – М., 1985. – 278 с.
15. Кобрин В.Б. Иван Грозный. – М., 1989. – 175 с.
16. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. – М., 1991. – № 4. – С. 54–64.
17. Колесницкий Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. – М., 1968. – С. 618–637.
18. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб., 2007. – 391 с.
19. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, 2005. – 560 с.
20. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 2006. – 568 с.
21. Покровский М.Н. Русская история. Т. 1. – СПб., 2002. – 346 с.
22. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. – М., 2008. – 401 с.
23. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. – М., 2007. – 699 с.
24. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. – СПб., 1999. – 372 с.
25. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. – Л., 1990. – 328 с.
26. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX– начала XX в. – М., 1991. – С. 34–75.
27. Reynolds S. Fiefs and vassals. The medieval evidence reinterpreted. – New York–Oxford, 1994. – 544 p.

И.А. Васильева

ПЛОСКАЯ ШКАЛА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОЦЕНКИ «СВЕРХУ» И «СНИЗУ»

Васильева Ирина Анатольевна – старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

Налогообложение доходов физических лиц (подоходный налог), зародившееся в середине XIX в. в Великобритании, в настоящее время действует во всех странах. Он взимается с совокупного дохода каждого физического лица независимо от источников его формирования.

На практике облагаемый налогом доход меньше совокупного дохода, что достигается или системой льгот (необлагаемый минимальный доход, скидки на детей и др.), или системой вычетов, дифференцированных в зависимости от таких факторов, как семейное положение, наличие иждивенцев, возраст и др. В большинстве стран действует система прогрессивного налогообложения, а в некоторых действует принцип: «сверхдоходы облагаются сверхналогами».

В царской России подоходного налога не было. В фискальном плане его практически полностью заменяли акцизы на водку, которые давали в 1913 г. около 27% доходов государственного бюджета. Но в 1914 г. из-за начала Первой мировой войны был введен сухой закон, и этот источник пополнения казны иссяк. Закон о подоходном налоге разрабатывался в России около 50 лет и был принят только в 1916 г. с отсрочкой платежей до 1917 г. После Февральской революции временное правительство ввело прогрессивный подоходный налог. Его верхняя планка составляла 30%. Имелись существенные льготы на облагаемую прибыль. Однако закон вызвал бурю негодования со стороны крупного капитала, требовавшего взамен увеличения косвенных налогов.

В годы военного коммунизма (1918–1920) смысл подоходного налогообложения нивелировался. Кроме того, налоговая политика стала носить ярко выраженный классовый характер. Во время Гражданской войны в финансо-

вой и налоговой политике Советской России царил хаос. После введения НЭПа в 1921 г. встал вопрос об упорядочении налоговой системы, в частности о введении подоходного налога. Серьезной проблемой было отсутствие специалистов в этой области. Другая проблема состояла в огромном количестве субъектов налогообложения. Тем не менее в 1922–1923 гг. в России впервые было введено подоходное налогообложение. Ставки налога менялись каждый год, но основные принципы в 20–40-е годы в СССР состояли в очень невысоком уровне низших ставок, постепенности его повышения для бедных и средних слоев населения и высоком уровне для богатых. Например, зарплата рабочего облагалась налогом, составлявшим меньше 1% от его зарплаты (1931).

В 70-е годы принципы подоходного налогообложения оставались для населения весьма щадящими. В частности, минимальная заработная плата (до 70 руб. в месяц) вообще налогом не облагалась. Подоходный налог для большинства населения составлял всего 6%. С 1991 по 2001 г. уровень налогов в нашей стране менялся почти ежегодно, однако прогрессивная шкала налогообложения сохранялась.

В 2001 г. был принят Налоговый Кодекс РФ, который преследовал много целей. Одной из них являлось выведение высоких доходов физических лиц из теневого оборота, т.е. их легализация. Для достижения этой цели была введена единая ставка (13%) подоходного налога, дополнительные имущественные и социальные вычеты, которые со временем корректируются, а также особый порядок их предоставления. В качестве налоговой базы стали учитываться только официальные части активных доходов за вычетом выплат социального характера.

С момента ввода плоской шкалы подоходного налога (или налога на доходы физических лиц – НДФЛ) экономисты и политики разделились на два лагеря. Одни считают, что введение такой шкалы позволило вывести высокие доходы физических лиц из теневого оборота. Другие доказывают, что введение плоской шкалы НДФЛ отрицательно повлияло не только на собираемость налога в бюджет, но и нарушило принцип справедливости в налогообложении. Так, в диссертационной работе Ю.Д. Шмелёв (5) показал, что в результате налоговых реформ дифференциация доходов населения увеличилась более чем в 3 раза. С учетом скрытых доходов эта дифференциация еще более усиливается и, по оценкам экспертов, достигает 40:1 и более; коэффициент Джини также увеличивается более чем в полтора раза.

Расчеты М.Е. Чичелева (4) (Московский центр развития предпринимательства) также показывают, что реформа привела к увеличению уровня налогообложения населения с низкими и средними доходами, а налогообложение высокодоходных групп населения существенно уменьшилось, т.е. бремя обязательных платежей легче для богатых: от 76,6% для бедных с минималь-

ным доходом оно снижается в 4,7 раза до 16,2% для богатых с максимальным доходом.

Таким образом, подтверждается тезис о том, что отказ государства от принципа справедливости в налогообложении в пользу принципа эффективности не дал желаемого результата, не привел к легализации теневых доходов, а только усилил социальное расслоение общества. К этому же выводу приводят и исследования д-ра экон. наук И. Караваевой (ИЭ РАН) (1), которая пишет, что введение плоской шкалы на активные (трудовые) доходы физических лиц в 2001 г. явилось своеобразной системой договорных отношений между государством и высокодоходным слоем населения по принципу: «отдайте хотя бы минимум, и мы откажемся от жесткого контроля за уровнем ваших доходов». Этим самым государство не только значительно упростило методику подоходного обложения населения, но и отказалось от реализации социальной направленности налогообложения в этом важном секторе фискальной политики: нет учета дифференциации облагаемых доходов и социального статуса налогоплательщика, так что не учитываются социально необходимые затраты в семьях. В демократических государствах при взимании подоходного налога им облагается доход, уменьшенный на величину таких затрат (например, затраты на содержание нетрудоспособных членов семей, расходы на обучение детей, повышение профессионального уровня налогоплательщика, добровольное медицинское страхование и страхование жизни, выплаты по ипотечному кредиту и т.д.).

В России имеется система налоговых льгот: при приобретении медицинских страховок и оплате расходов на дорогостоящие медицинские услуги; при формировании инвестирования в рамках накопительных ипотечных схем; при налогообложении доходов от ценных бумаг; при налогообложении доходов при покупке и реализации недвижимости и т.п. Подобная система налоговых вычетов, применяемая сегодня в России при начислении НДФЛ, без учета социального положения налогоплательщика (по уровню его доходов, количеству детей и иждивенцев в семье) и при отсутствии прогрессивной шкалы налоговых ставок, превратила эти вычеты, по сути, в механизм предоставления крупных налоговых льгот обеспеченным и богатым людям. Таким образом, еще более усилился «асоциальный» характер плоской шкалы НДФЛ в отечественной фискальной системе.

Исследования, проводимые нами в ЦЭМИ РАН, также подтверждают приведенные выше выводы.

Для корректной макроэкономической оценки реальной эффективности ввода с 2001 г. плоской шкалы подоходного налога необходимо сопоставить динамику официальных и скрываемых доходов населения по РФ в целом. Скрываются доходы как теневые – при теневой, незарегистрированной официально занятости, так и скрытые («в конвертах», так называемые «серые») –

при официальном найме трудящихся или официальной регистрации прочих занятых, условно называемых в целом «предпринимателями». Выявление ориентировочных оценок таких скрыто-теневых видов в составе трудовых и предпринимательских доходов на основе имеющихся официальных статистических данных осуществлено в ЦЭМИ РАН при моделировании финансирования социальной сферы России в рамках многоуровневой информационно-аналитической системы НДП («Население, доходы, потребление») (2, с. 29–36; 3).

Полученные на основе данных государственной статистики РФ в целом, такие оценки «сверху» свидетельствуют о неэффективности ввода плоской шкалы подоходного налога. Она увеличила поляризацию доходов, не оправдав надежды на добровольную легализацию доходов и соответствующий резкий рост налога – этот рост был не реальным (в сопоставимых ценах), а лишь инфляционным» (в текущих ценах). Реальный годовой рост налога на (примерно) 1/5, наблюдавшийся перед вводом плоской шкалы, к 2005 г. упал вдвое, а доля его в активных официальных доходах в 2001–2005 гг. выросла вдвое меньше, чем в 1995–2000 гг. и по прогнозу до 2010 г. расти не будет.

Расчеты в сопоставимых ценах 2000 г. показали намного меньший реальный рост объема налога и его налоговой базы, т.е. основных официальных активных доходов занятых, при подобном же ежегодном росте – на 7–19% в 2001–2004 гг. – скрываемых доходов (рис. 1) вместо ожидаемого снижения их.

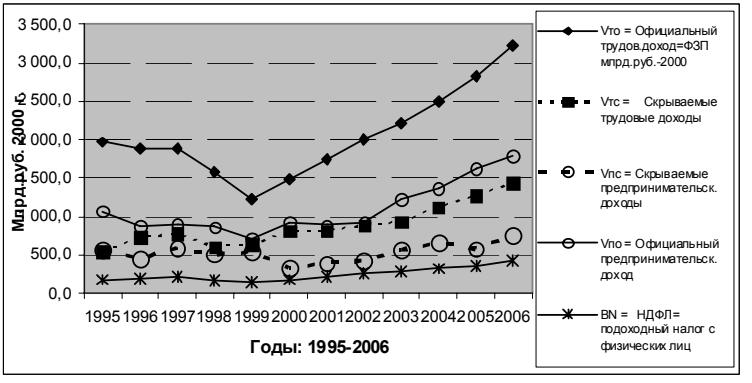

Рис. 1. Динамика активных официальных и скрываемых доходов трудящихся и прочих занятых и налога на доходы физических лиц в 1995–2006 гг. (в ценах 2000 г.).

Некоторой частичной легализации «серых» зарплат помогла не плоская шкала, а деятельность сотрудников налоговых органов с угрозой взимания штрафов с работодателей, если средняя официальная оплата труда на предприятии ниже среднеотраслевой (это признак выдачи скрытой оплаты «в конвертах»), а если ниже минимальной – с угрозой закрытия предприятия.

Плоская шкала к тому же способствовала углублению дифференциации населения, оказавшись наиболее весомой для бедных при практической «невесомости» для богатых, поскольку доля обязательных платежей у первых – в разы выше, чем у вторых. Фактически плоская шкала означает перераспределение доходов не в пользу бедных.

При использовании для анализа параметров социальной политики не макроэкономических данных государственной статистики и корректного расчета соответствующих общих оценок скрываемых доходов, а результатов социологических и социально-экономических обследований населения (т.е. при оценке «снизу»), следует учесть неизбежную ненадежность «фундамента» подобных построений – ответов респондентов о своих доходах. Невзирая на применяемые методы контроля, такие ответы в России часто камуфлируют скрываемую часть этих доходов. Поэтому, в частности, при ежегодных бюджетных обследованиях потребления семей Росстату удается учесть лишь официальную часть потребления, по официальным доходам населения (что также было выяснено), так как скрываемые доходы остаются невыявленными. К тому же не опрашиваются наиболее богатые группы населения, к которым относятся, в основном, самые зажиточные предприниматели, собственники и т.п., имеющие склонность к утаиванию доходов. Все эти обстоятельства, независимо от качества используемых методов расчета, влекут невольное искажение получаемых результатов. Видимо поэтому, по данным опроса семей в рамках РМЭЗ (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения), было выявлено наличие некоторой зависимости роста объема подоходного налога от ввода плоской шкалы (о чем говорилось на XI Международной конференции в ВШЭ в апреле 2010 г.), – зависимости, невозможной по макроэкономическим оценкам, корректно учитывающим динамику скрываемых доходов.

В последние годы неоднократно поднимался вопрос о замене плоской шкалы налогообложения на прогрессивную. Но официальные представители властных структур считают такой переход преждевременным.

Литература

1. Караваева И. Налоговые регуляторы социально-политических преобразований в России (история и современность) // Вестник Института экономики РАН. – М., 2009. – № 3.

2. Тарасова Н.А., Васильева И.А. Результаты моделирования и прогнозирования официальных и скрываемых социально-экономических показателей в системе НДП

(«Население, доходы, потребление»). В книге «Модернизация экономики и глобализация». – М., 2009. – С. 29–36.

3. Тарасова Н.А., Васильева И.А., Сушко Е.Д. Использование системы НДП («Население, доходы, потребление») как инструментария для оценки параметров социальной политики // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 4. Часть 2. – М., 2009. – С. 68–73.

4. Чичелев М.Е. К вопросу об альтернативной плоской и прогрессивной шкале налогообложения доходов физических лиц // Финансовый вестник. – М., 2009. – № 17.

5. Шмелёв Ю.Д. Концепция реформирования принципов налоговой системы Российской Федерации, основанная на реализации принципа справедливости и социальной функции налогов. Автореферат док. дис. – М., 2008.

Н.А. Тарасова, И.А. Васильева, Е.Д. Сушко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ НДП («НАСЕЛЕНИЕ, ДОХОДЫ, ПОТРЕБЛЕНИЕ») ДЛЯ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Тарасова Наталия Андреевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

Васильева Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

Сушко Елена Давидовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

В рамках созданной в ЦЭМИ РАН комплексной многоуровневой системы НДП (3, 5, 6, 8–7) на основе данных Росстата и ряда министерств по предложенному общему методологическому подходу и разработанным методикам, включая методы многоаспектной структуризации населения, были рассчитаны объемы скрываемых и официальных частей занятости, доходов и потребления населения РФ. Скрываемые доходы – это либо теневые, т.е. доходы занятых без всякого официального статуса, либо скрытые («серые») доходы официально занятых лиц.

При этом население четко распределяется на 14 групп (с дальнейшей подецильной разбивкой по социально-экономическим группам) по их социальным ролям, определяемым основными источниками доходов, со статусами: теневой или официальный «чистый» – без совместительства – наемный работник; трудящийся пенсионер или стипендиат; незанятый пенсионер или стипендиат; и т.д. Эти группы на макроуровне составили три пересекающихся (при совмещении ролей) функциональных слоя: трудящиеся, прочие заня-

* *Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-02-00154 а.*

тые (условно – предприниматели) и получатели социальных трансфертов в денежной форме. Соответственно функциональные доходы – это, прежде всего, первичные (активные) доходы занятых, трудовые (заработная плата) и прочие доходы занятых (условно – предпринимательские); третий вид составляют вторичные доходы в виде пенсий, пособий и других социальных выплат. На микроуровне системы социальные группы используются для социально-демографической типологизации семей[1]. На примере полученных на этих «крайних» уровнях результатов (обеспечению достоверности которых уделяется особое внимание) моделирования и прогнозирования доходов и потребления населения проиллюстрируем использование системы НДП как инструментария для оценки параметров социальной политики.

После публикации Росстатом к концу 2006 г. существенно уточненных данных госстатистики – с пересчетом и досчетом по итогам переписи населения 2002 г. с включением трудовых мигрантов и их семей – статистическая база исследования была модернизирована и расширена с 1995 по 2005 г. При этом выяснилось, что рост налогооблагаемой базы подоходного налога (ныне НДФЛ), исходя из официальных доходов занятых, некорректно объяснять вводом с 2001 г. плоской шкалы НДФЛ – этому противоречит выявленный нами подобный же одновременный рост и скрываемых доходов (рис. 1). Ввод 13%-ной шкалы не оправдал надежд властей на резкий рост сбора налога. Ежегодный рост последнего реально не только в 2001–2002 гг., но и в 2000 г. составлял примерно 20%, к 2005 г. упав вдвое, а доля НДФЛ в активных официальных доходах выросла с 2000 г. за предыдущие пять лет вдвое меньше, чем за пять лет (рис. 2).

Прогнозный период (по 2010 г.) выявил на макроуровне нежелательное *принципиальное* изменение – по сравнению с расчетами до указанного уточнения госстатистики – динамики общей функциональной структуры доходов населения, отраженной в таблице 1: относительное снижение (вместо повышения сверх 2/3, что обычно для большинства развитых стран) доли трудовых доходов (и это – при росте численности трудящихся) и существенный постоянный рост доли предпринимательских доходов, которая может составить к 2010 г. уже более трети общих доходов населения – и все это даже без учета возможной недооценки ее. Доля же социальных выплат, важных для основной массы населения РФ, может упасть до 10,7%. При этом сохраняется концентрация трудящихся в «младших» децилях, а предпринимателей – в «старших», т.е. продолжается процесс обеднения трудящихся и «олигархизации» высокодоходных предпринимателей (рис. 3). Правда, в то же время выявля-

1. В последние годы привычный термин «семья» фигурирует в госстатистике (как и в системе НДП) фактически наравне с термином «домохозяйство», включая «одиночек» – домохозяйства из одного человека.

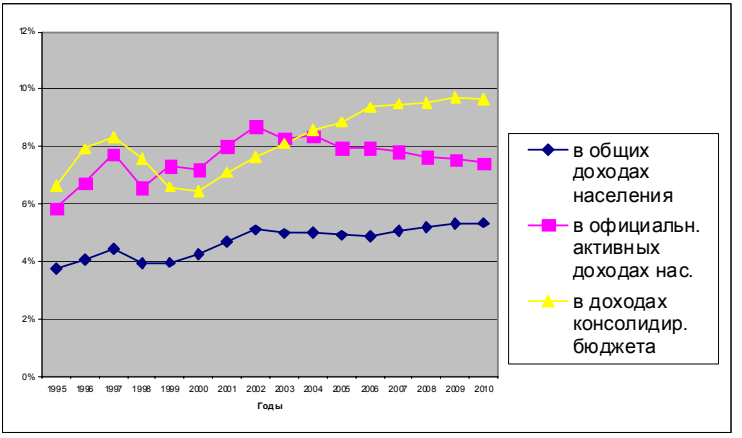

Рис. 1. Доля НДФЛ в доходах, 1995–2010 гг. (%)

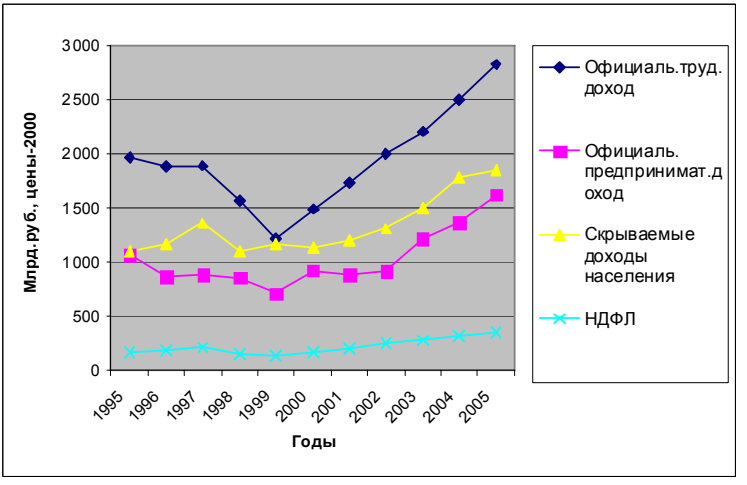

Рис. 2. Динамика НДФЛ и доходов населения.

ется положительная тенденция некоторого снижения степени сокрытия трудовых и предпринимательских доходов (к 2010 г. – на 8–11%).

Таблица 1

ПРОГНОЗНАЯ (2006–2010 гг.) ДИНАМИКА ОБЩЕЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ($V_T/V_П/V_S$) ДОХОДОВ $V = V_T+V_П+V_S$ НАСЕЛЕНИЯ (%)

Доли доходов	*1995*	*2000*	*2001*	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	***2006***	***2007***	***2008***	***2009***	***2010***
V_T	53,0	56,0	56,8	58,1	55,0	56,2	57,1	***57,1***	***56,9***	***56,7***	***56,2***	***56,3***
$V_П$	34,7	30,5	28,4	27,0	31,3	31,5	30,7	***31,2***	***31,5***	***32,0***	***32,7***	***33,1***
V_S	12,3	13,4	14,8	14,8	13,7	12,3	12,2	***11,7***	***11,6***	***11,3***	***11,0***	***10,7***

Источник: Расчеты авторов по уточненным данным госстатистики и прогнозу ВВП от МЭРТ к началу 2007 г. Условные обозначения: V – общие доходы населения, V_T – трудовые доходы, $V_П$ – прочие активные доходы занятых, V_S – социальные выплаты (пассивные доходы).

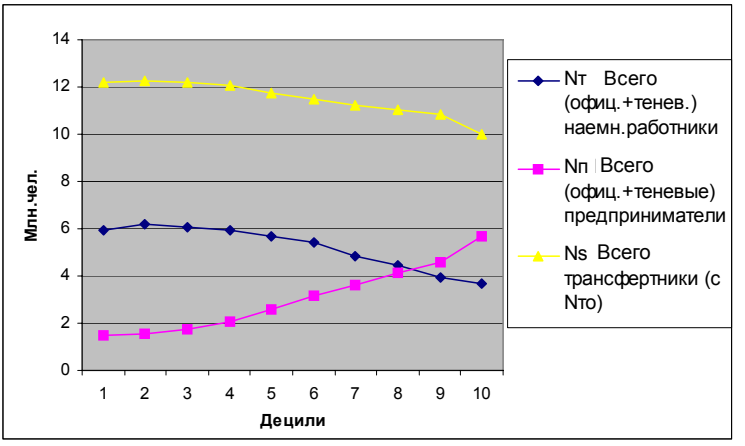

Рис. 3. Численное распределение слоев населения в 2005 г.

При последующей модернизации системы НДП с расширением базового периода по «кризисный» 2009 г. и прогнозного по 2013 г. была выявлена определенная положительная динамика общей функциональной структуры доходов населения (V). Но при этом нарастало, в отличие от трудовых доходов

($V_Т$), преобладание скрываемой части над официальной у прочих активных доходов ($V_П$). Последние характеризуются вообще более высокой степенью сокрытия доходов, чем трудовые.

В этих условиях небезынтересно проследить – на основе оценок ВВП, среднегодовой занятости в экономике (в том числе официально зарегистрированной и теневой) и доходов населения, где выделены скрываемые доходы всех занятых (в том числе теневых с теневыми доходами и официальных со скрытыми доходами) – динамику производительности труда и соотношения ее с заработной платой.

Оценивались три вида показателя производительности труда: наиболее общий и два «официальных» варианта – без всех скрываемых элементов занятости и доходов и без теневых частей занятости и доходов. Базовая и прогнозная динамика всех трех видов (в ценах 2000 г.) отраженная в таблице 2, одинакова: снижаясь с 1995 г. по 1998 г. (на 5–9%), далее они росли (с 2001 г. – ежегодно на 4–8%), увеличившись к концу базового периода на 50%, прогнозного – на 80–100%. При этом почти постоянно оценка минимальна при учете только официальных частей занятости и оплаты труда, максимальна – при учете «серой» зарплаты официально занятых.

Таблица 2

БАЗОВАЯ (1995–2005 гг.) И ПРОГНОЗНАЯ (ПО 2010 г.) ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РФ

Показатели	*1995*	*1998*	*1999*	*2002*	*2005*	***2006***	***2008***	***2010***
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Производительность труда ($П_Т$) (год, тыс. руб. – 2000 на одного занятого)	**88,032**	**79,863**	**88,268**	**108,750**	**128,83**	***133,583***	***146,126***	***158,667***
темпы роста (снижения): в % к предыдущему году		*94,0*	*110,5*	*103,9*	*105,5*	*103,7*	*105,5*	*104,0*
в % к 1995 г.	100,0	90,7	100,3	123,5	146,3	*151,7*	*166,0*	*180,2*
То же – без учета скрываемых доходов и теневой занятости ($П_{ТО}$)	**85,799**	**81,340**	**85,480**	**102,564**	**119,49**	***123,690***	***147,778***	***171,196***

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Темпы роста (снижения): в % к предыдущему году		*100,0*	*105,1*	*103,1*	*106,3*	*103,5*	*110,0*	*106,8*
в % к 1995 г.	100,0	94,8	99,6	119,5	139,3	*144,2*	*172,2*	*199,5*
в % к $П_Т$	97,5	101,8	96,8	94,3	92,7	*92,6*	*101,1*	*107,9*
То же – без учета теневых доходов и теневой занятости	**93,225**	**88,139**	**95,803**	**115,566**	**136,01**	***143,073***	***163,327***	***184,582***
темпы роста (снижения): в % к предыдущему году		*96,6*	*108,7*	*103,9*	*105,5*	*105,2*	*107,8*	*106,0*
в % к 1995 г.	100,0	94,5	102,8	124,0	145,9	*153,5*	*175,2*	*198,0*
в % к $П_Т$	105,9	110,4	108,5	106,3	105,6	*107,1*	*111,8*	*116,3*
в % к $П_{ТО}$	108,7	108,4	112,1	112,7	113,8	*115,7*	*110,5*	*107,8*

Источник: Расчеты авторов в системе НДП.

По второму, не менее важному показателю – отношению производительности труда к заработной плате, фактически определяющему степень эксплуатации труда и названному нами еще в 1996 г. удельной производительностью труда на единицу его оплаты (при выявлении его превышения почти в 3 раза по сравнению с Канадой), расчеты в системе НДП показали нежелательный рост на 4–10% с 1995 по 1999 г. и положительную тенденцию его снижения в 2000–2007 гг. для всех трех вариантов в ценах 2000 г. При расчете в USD-ППС (с учетом паритета покупательной способности) после ряда колебаний он вновь начал расти, в 2005 г. практически совпав с 1995 г.; динамика же первого показателя практически не меняется.

Перейдем теперь к микроуровню системы НДП, где социально-демографические типы семей (СДТС) определяются по числу членов и социальному составу – совокупности социальных ролей всех членов семьи (домохозяйства). Учет социальных групп *всех* членов семьи существенно уточняет обычно используемую типологизацию семей только по статусу главы семьи (или основной супружеской пары), тем более что в наше время термин «глава семьи» становится все более размытым. Но идея такого определения СДТС была теоретически некорректной и практически неосуществимой, пока речь идет об исходных семьях (т.е. фигурирующих в используемых нами данных госстатистики) – их социальный состав, при аморфности демографического, неопределим в принципе.

Для корректного осуществления этой идеи реализован предложенный метод предварительного разделения семей на *сложные* и *простые* (за основу принят практический подход: исходная сложная семья – та, что при возможности разъезда разделилась бы на несколько «порожденных» ею уже простых семей, в основном нуклеарных), для чего используется выборка по семьям московских очередников на муниципальное жилье с соответствующим поправочным коэффициентом. При явном усилении тенденции к дроблению семей, почти восьмикратный рост доли разъездов в исходных семьях из двух человек, видимо, отражает уже максимальное ослабление внутрисемейных связей (особенно у живущих в относительно лучших условиях). Получаемая совокупность только простых семей уже полностью доступна анализу и классификации. С учетом распространенности социальных ролей рассчитываются вероятности тех или иных СДТС, из которых выбираются наиболее вероятные и достаточно близкие (по минимуму отклонений в социальных составах) к наиболее типичным вариантам, определяемым экспертно. Для каждого из полученных СДТС для простой семьи рассчитываются такие экономические характеристики, как функциональные, официальные и скрываемые (теневые или скрытые) доходы и – с использованием средних значений душевых доходов по социальным группам всех членов семьи – прожиточный минимум (ПМ) семьи. Дифференциация доходов гораздо более высока (в 5–8 раз в 2005 г.) в небольших простых семьях из одного-трех человек. В базовом (1995–2005) и прогнозном (по 2010 г.) периодах наибольший среднедушевой доход (обусловленный, как правило, наличием в СДТС «трудящихся-предпринимателей» из наиболее высокодоходной группы) в малых семьях в 3 раза превосходит средний уровень по РФ, а в больших не достигает и 2 раз.

В семье с минимальными доходами таковые вообще не скрываются либо степень их сокрытия минимальна (до 10%); пенсии, пособия и т.п., снижая уровень семейных доходов, повышают степень их легализации. Превышение с 2000 г. степени сокрытия доходов у наиболее вероятных СДТС, где присутствуют «чистые» трудящиеся, над самыми зажиточными объясняется прагматикой определения в Росстате понятия «скрытая заработная плата» в системе национальных счетов, принимаемого нами за весь скрываемый трудовой доход. В силу исходной неточности используемых оценок госстатистики эта величина оказывается фактически верхней границей истинной оценки, что полностью относится к скрытым доходам – наш расчет теневых доходов зависит лишь от уровней официальных активных доходов (4).

Корректная сопоставимость социальных ролей членов семей с официальными градациями видов ПМ позволяет определять точное значение ПМ семьи, «общесемейное» для конкретного СДТС и среднее для семей одного размера. Эти величины могут быть использованы и в будущем (скажем, при учете ПМ семьи в процессе рекомендуемого многими учеными перехода на

прогрессивную шкалу подоходного налога по среднесемейным душевым доходам), и в настоящее время, хотя бы в важнейшей сфере – жилищной. Так, при выборе показателя доступности жилья можно использовать более корректный, динамичный и детализированный показатель, соответствующий ценам каждого года и типам семей, чем, например, рекомендованный Всемирным Банком и Центром по изучению поселений человека при ООН: можно представить семейные доходы в ценах 1 $м^2$ жилья на жилищном рынке для определения того, что могла бы купить на рынке жилья семья (по СДТС) в среднем на весь свой годовой доход, включая скрываемый, – или же, что более показательно, с учетом расходов хотя бы на уровне ПМ семьи. По нашим расчетам, на первичном рынке жилья в 2005 г. для одного члена семьи можно было купить от 3,8 (и менее) до 5,4 $м^2$, а с вычетом соответствующих видов ПМ – от 2,4 (и менее) до 4 $м^2$; в 1998 г. эти величины были вдвое ниже.

Непредсказуемость прогнозной динамики цен на жилье делает невозможными прогнозные расчеты. Но и без прогнозов видно, что – при сохранении инерции базового периода – для семей с минимальным доходом ситуация безнадежна. Так, в 2005 г. такие семьи из трех человек, тратя лишь ПМ семьи, не могли бы купить и 1 $м^2$, так что они вряд ли смогут накопить средства даже на льготные варианты покупки жилья, предлагаемые очередникам.

В 2008 г. Ассоциация строителей России предложила безвозмездно предоставлять жилье семьям, имеющим до 30% уровня доходов среднестатистической семьи в РФ. По нашим расчетам, отношение среднедушевых доходов простых семей к аналогичному по РФ в 2005 г. ниже 30% для семей стипендиатов и пенсионеров, тем более с детьми и / или другими иждивенцами. Но к 2010 г. туда могут попасть и большие семьи, причем и с трудящимся членом семьи, что не препятствует малости и даже минимальности дохода таких семей. Это является одним из весомых аргументов для пересмотра жилищной политики и серьезного изменения политики оплаты труда, неприемлемой для социального государства.

Рассчитываемые среднедушевые значения текущих сбережений населения, НДФЛ, соцтрансфертов в натуральной форме и потребительского (денежного) ущерба населения от реформирования социальной сферы (в том числе – ЖКХ) позволяют оценивать для СДТС объемы чистых доходов и потребления разных видов с выделением скрываемых частей (т.е. оплаченных скрываемыми чистыми доходами) и ущерба семьи от коммерциализации социальной сферы. Рост цен на жилье и жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) с ускоряющимся ростом тарифов – наиболее больной вопрос для населения. Правда, встречаются и довольно оптимистические оценки – например, как утверждается в (4), доля таких расходов увеличилась незначительно. Но согласно данным Росстата и МЭРТ, она выросла почти вдвое (2005 г. к 2000 г.: 180% по ЖКУ при 112,6% – по прочим платным услугам), что существенно

для многих жителей. Рост публикуемых МЭРТ предельных индексов тарифов на ЖКУ продолжается, хотя и замедляющимися темпами, опережая инфляцию и за I кв. 2008 г. составив 13,5% при инфляции 4,8%. Особо болезненно это касается той части населения, для которой уже сейчас оплата этих услуг составляет более половины от совокупного дохода семьи (по федеральному стандарту, допустимый максимум – 22%). Эта группа на 2007 г. составляла 15% населения РФ, поэтому представляется сомнительным и другое утверждение этих авторов, что фактические расходы домохозяйств в целом постоянно и существенно ниже федерального стандарта (тем более что там же приводится оценка необходимого для федерального стандарта–2004 прожиточного минимума в 2243 руб., которого не менее 23% респондентов не имели). Спорно и утверждение о возможности адаптации к новым условиям оплаты жилья и ЖКУ нижних децилей по располагаемым ресурсам – они росли быстрее роста федеральных стандартов по ЖКУ; но здесь игнорируется сверхнизкий исходный уровень этих ресурсов. Еще более сомнительно и следующее высказывание упомянутых авторов: задачу реформирования оплаты ЖКУ уже «в целом удалось решить относительно безболезненно с социальной точки зрения для абсолютного большинства семей». Точнее, высказывание было бы верным, если забыть об отсутствии в указанном большинстве наиболее социально незащищенных и небогатых семей, намного сильнее пострадавших от реформы ЖКХ, т.е. фактически рассуждать не с социальной точки зрения. Тем более что в том же источнике приведены весьма существенные оценки отнюдь не социального характера реформы, подтверждающие наше мнение. А именно: повышенная доля оплаты жилья и ЖКУ у шести нижних децилей населения и пониженная – у оставшихся более богатых 40% (децили 7–10); за период роста этой доли в 1999–2005 гг. прирост ее был вдвое выше в первом дециле, чем в десятом, а в пяти нижних децилях – в 1,4 раза больше, чем в остальных, что не удалось компенсировать соответствующими субсидиями. По расчетам ИСЭПН РАН, льготы и субсидии в 2001 г. составляли 18,3% оплаты ЖКУ. Такие суммы вряд ли могут компенсировать растущую с 1999 г. долю расходов на ЖКУ в потреблении населения из-за роста тарифов ЖКУ без существенного изменения их структуры. Результатом явилось углубление и без того чрезмерной дифференциации населения вследствие осуществления реформ ЖКХ фактически в интересах зажиточных слоев.

В связи с ростом затрат населения на оплату ЖКУ – при невысоком среднем уровне доходов – возникает вопрос о потребительском (денежном) ущербе населения при реформировании ЖКХ и коммерциализации прочих социальных услуг. Для определения размеров ущерба д-ром экон. наук, академиком АКХ Е.Ю. Фаерманом (7) предлагалась схема, видоизмененная позднее нами для системы НДП, где определение пригодных для анализа и

прогноза оценок такого ущерба населения производится на основе рассчитанных в системе объемов общего и среднедушевого потребления населения страны, определяемых его официальными чистыми доходами. Полученные оценки ущерба населения от реформ ЖКХ, в 2001 г. сопоставимые с размером оплаты ЖКУ, к 2005 г. превышают его уже примерно в 9 раз, а к 2010 г. эта величина может возрасти почти до 26 раз[2]. Корректность встречающихся попыток использовать для оценки ущерба понятий потребительского излишка и оптимальности по Парето (когда никого из членов общества нельзя сделать более благополучным, не сделав другого менее благополучным) (1) при самом широком понимании термина «благополучие» для российских условий представляется спорной[3]: принципиально несравнимы – по их социальному значению для бедных и богатых слоев России – последствия реформ таких жизненно необходимых для всех услуг, как ЖКУ. Эта несравнимость вызывается чрезвычайно высокой дифференциацией доходов нашего населения и перекладыванием основного груза реформ ЖКХ на бедняков: по данным Росстата, в первом, беднейшем дециле (куда попадают семьи многодетные и неполные с детьми) в 2002 г. на оплату ЖКУ уходило более 60% оплаты всех услуг, а в десятом – менее 25% (при среднем уровне 33%). В таких жилищных и прочих условиях естественно проявление различных негативных социальных последствий. Все это отрицательно сказывается на социальном и экономическом развитии нашего социального (по Конституции) государства.

Литература

1. Гаврилец Ю.Н. Общественного благосостояния функция // Экономико-математический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 350.

2. Данилов-Данильян В.И. Оптимальность по Парето // Экономико-математический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 364.

3. Доклад Тарасовой Н.А. на конференции «Россия: Ключевые проблемы и решения». – М., ИНИОН РАН, 2008.

4. Смирнов С.Н., Исаев Н.И. Социальные последствия реформы жилищно-коммунального хозяйства. Модернизация экономики и общественное развитие. – М., 2007. – С. 608–613.

2. Член-корреспондент АКХ, канд. экон. наук С.Р. Хачатрян предлагал минимизировать ущерб от реформы ЖКХ с помощью экономически обоснованного тарифа, дифференцируя тарифы в соответствии с качеством жилья и ЖКУ (7), но данные об изменениях цен на отдельные виды ЖКУ, которые необходимы для таких расчетов, пока еще в госстатистике отсутствуют.

3. И не только нам: существуют «сомнения в справедливости и тем самым правомерности предпосылки о паритетности интересов различных ...классов, социальных групп и т.д.» (2). Учитывая российскую специфику, более логичным представляется определение принципа социальной справедливости в данной сфере по Дж. Роулзу (1): максимизация полезности для той группы населения, для которой она минимальна – хотя и этот подход требует более тщательного изучения.

5. Тарасова Н.А.. Моделирование и прогнозирование скрываемых элементов занятости и доходов // Экономико-математические методы. – М., 2006. – № 3. – Т. 42. – С. 16–30.

6. Тарасова Н.А., Васильева И.А., Сушко и др. Оценки параметров социальной политики на основе комплексной модели состава, доходов и потребления населения. – М.: ЦЭМИ. Препринт #WP /2008/248.

7. Фаерман Е.Ю., Хачатрян С.Р. Методы формирования экономически обоснованных тарифов на ЖКУ и определение потребительского ущерба от реформирования социальной сферы // Сборник статей под ред. Н.А. Тарасовой. – М., 2006. – С. 158–171.

8. Tarasova N., Hachatrjan S., Vasiljeva I., Tarasova M. Analyzing Social Policy Alternatives through Modeling and Forecasting of the Consumption, Composition, and Incomes of the Population // Studies on Russian Economic Development, 2007, N 1. – P. 80–93.

О.В. Летов

ПРОГРЕСС НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЗАДАЧА ДЛЯ РОССИИ

Летов Олег Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Как мы знаем, во второй половине XX в. отмечается определенный прогресс в такой области научного знания, как биотехнологии. С самого начала ученые ставили перед собой цель исследовать необратимость изменений генетического материала отдельных клеток, взятых от взрослых животных. В 1970-е годы генетические эксперименты были произведены над мышами, в 1980-е – над овцами, и наконец, в 1990-е – над обезьянами. Эти эксперименты подтвердили, что в ходе их проведения гены претерпевают обратимые изменения.

«Долли» была выращена из клеток ткани шестилетней овцы. Затем эти клетки были смешаны с неоплодотворенными яйцами. В конечном итоге была получена лишь одна особь. Появление Долли открыло революционные перспективы для биологического конструирования животных. Силами ученых была предложена новая технология получения генетически модифицированных животных. Вместо технологии на клеточном уровне, которая обеспечивала воспроизводство лишь 2–3% из общего количества оплодотворенных клеток, технология на ядерном уровне давала более успешные результаты производства генетически модифицированных животных.

После успешного эксперимента с Долли ряд научных лабораторий начал разработку различных применений клонирования животных. Успешно были получены клоны таких животных, как козы, коровы и обезьяны. В настоящее время исследуется вопрос о том, все ли виды животных подлежат клонированию. В ходе научных исследований было выявлено, что чужеродная ДНК может быть «встроена» в структуру генома без какого-либо нарушения генетических связей.

В процессе клонирования животных ученые ставят перед собой следующие научные цели. 1. Генетически модифицированные овцы, коровы и козы

могут быть использованы в качестве биореакторов для производства содержащегося в молоке человеческого протеина. 2. Органы клонов свиньи могут служить в целях ксенотрансплантации для лечения безнадежно больных людей. 3. Трансгенные образцы животных могут служить необходимым материалом для исследования методов лечения человеческих болезней. 4. В ходе клонирования могут быть созданы образцы домашних животных, по тем или иным качествам превосходящие имеющиеся породы. Эти результаты могут быть успешно использованы в области сельского хозяйства. Таким образом, генетическое клонирование животных находит свое применение не только в области медицины, но и в сфере промышленной биотехнологии.

Однако развитие биоинженерии порождает целый ряд этических проблем. Так, клонирование способно разрушить устойчивость вида, нанести урон адаптивным механизмам, сформировавшимся в процессе эволюции. Возникает вопрос, имеет ли человек моральное право претворять в жизнь результаты генетических исследований с их непредсказуемыми последствиями во имя технического прогресса или предполагаемой экономической выгоды? Так, в 1970 г. группа молодых американских ученых после успешно проведенных исследований по выделению фрагмента ДНК, составляющего единый ген, отказалась от проведения дальнейших исследований. В качестве причины подобного поступка указывалось то обстоятельство, что результаты данных исследований могут быть использованы государством и крупными корпорациями, контролирующими науку, в неблаговидных целях (8).

С эпохой модернизма и постмодернизма приходит дух соперничества, «выживания сильнейших», как выражение идеологии свободного рынка. В этих условиях технология способна разрешить многие технические проблемы посредством преобразования природной и социальной среды. За последние 50 лет возможности биомедицины несоизмеримо возросли во многом благодаря развитию технологии. В настоящее время медицина достигла таких высот в вопросах продления жизни и ослабления болевых ощущений, которые ранее казались чудом. Иными словами, в области биомедицины произошли качественные изменения. Долгое время медицина находилась на «дотехнологическом» уровне: она была научной лишь в той степени, в какой опиралась на эмпирические наблюдения, касающиеся возможных причин болезней, видов диет и режима, способствующих укреплению здоровья. Подобные эмпирические наблюдения не позволяли врачу делать точные предсказания о течении болезни, поскольку применяемые методы лечения укладывались в рамки существующего порядка вещей.

С применением биотехнологий в области медицины ситуация существенно изменилась. Если врач обладает знанием причин болезни на генетическом уровне и знанием способов лечения на уровне химического анализа, он способен не только облегчить страдания больного, но и вылечить его. Техно-

логия медицины сохраняет жизнь больному, который в условиях естественного хода вещей был бы обречен на смерть. Таким образом, медицинская технология выходит за рамки естественного порядка.

Технологическая революция вызвала такие потрясения, что возникла угроза сохранения целостности окружающей среды. С одной стороны, биотехнология способствует решению проблем во имя блага человека. С другой стороны, в целях преобразования природы она угрожает самим основам человеческого существования. Изменение мира порождает определенные биоэтические противоречия между автономией и биотехнологией.

Другой наиболее динамично развивающейся областью знания в последней трети XX в. является нанотехнология. Многие философы связывают прорыв в этой области с новой научно-технической революцией XXI в. Нанотехнология представляет собой продукт конвергенции таких научных дисциплин, как физика, биология, информатика, когнитивные науки (психология, эпистемология и др.).

Существует различие между нанонаукой и нанотехнологией. Нанонаука – это фундаментальные исследования явлений и взаимодействий на атомном, молекулярном и сверхмолекулярном уровнях, где материя проявляет новые свойства. Нанотехнология включает в себя описание, производство и применение структур, имеющих новые физические, химические и биологические свойства благодаря контролю над формой и размером на нанометрическом уровне. Нанонаука составляет базис для нанотехнологических исследований. Руководство ведущих индустриально развитых стран рассматривает исследования в области нанотехнологии как важный фактор экономической и технологической конкуренции в XXI в. Некоторые утверждают, что нанотехнология способна привести к новой индустриальной революции. Представители нанотехнологии ставят перед собой такие социально значимые цели, как совершенствование методов медицинского обслуживания, повышение производительности труда, более глубокое понимание природы. Примерами применения продуктов нанотехнологии в будущем выступают особые лекарства, обладающие значительно сниженным побочным эффектом за счет формирования наночастиц, новые биологически совместимые материалы для имплантаций, оптические наноструктуры для сверхскоростных коммуникаций и т.п.

С развитием нанотехнологии отношения между науками становятся более симметричными, в то время как прежде доминировал иерархический, или редукционистский, подход. В рамках редукционизма физика рассматривалась в качестве основы, на которой строилась химия, а биология в свою очередь опиралась на физику и химию. Что касается гуманитарных наук, то они формировались на основе биологии. Главная цель редукционизма – единство науки, в рамках которого высшие уровни иерархии сводились к низшим. Тем самым реальность в идеале могла быть описана лишь в физических терминах.

В эпоху нанотехнологии отношения между науками более симметричны: опираясь на физику и химию, биология и медицина находятся в поисках «молекулярного подхода». Ученые задаются целью интегрировать гуманитарные и социальные науки в рамках единого междисциплинарного подхода на базе нанотехнологии.

Если задача нанотехнологии (НТ) включает в себя формирование нанокомпонентов и последующее включение их в структуру макрообъектов, то целью молекулярной нанотехнологии (МНТ) является создание макрообъектов от начальной до конечной стадии с помощью НТ. Перспективы МНТ обусловлены следующими предпосылками. Во-первых, способностью механически управлять химическими реакциями на молекулярном уровне, или «механохимией». Во-вторых, возможностью создания большого количества наноманипуляторов, работающих в рамках единой системы. Все это должно сопровождаться наличием «нанофабрикаторов», создающих новые фабрикаторы, число которых увеличивается в геометрическом порядке. В отличие от ассемблеров, способных к самовоспроизводству, фабрикаторы не могут порождать себе подобных без посторонней помощи. В этом смысле фабрикаторы менее сложны, хотя и не менее эффективны, и представляют меньшую опасность для окружающих. Конечной целью выступает совместная сборка, когда массы фабрикаторов конструируют на основе наночастиц макрообъекты. По некоторым оценкам, если допустить, что размер частей на каждой стадии удваивается, требуется лишь 30 этапов, чтобы перейти от частей размером в несколько нанометров, к макрообъектам размером около одного метра. Таким образом, для реализации молекулярных нанотехнологических процессов требуется исходный фабрикатор, окружающая среда, способствующая его нормальному функционированию и система контроля. Первые фабрикаторы начнут создавать собственные копии. МНТ позволила бы быстрое воссоздание исходных форм.

Однако сторонники развития МНТ указывают на то обстоятельство, что процессы «молекулярной сборки» в природе происходят непрерывно: дешевые ресурсы (вода и почва) и дешевая энергия (солнечный свет) превращаются в полезные строительные материалы (лес). Как уже отмечалось, представители постпозитивизма подчеркивают особую роль воображения в деятельности ученого. Широкое поле для реализации этой способности предоставляют исследования в области нанотехнологии. Ученый из Массачусетского технологического института Н. Гершенфельд разработал способы «индивидуального производства». С помощью компьютеров сотрудники его лаборатории не только проектируют, но и создают объекты по своему выбору: материнские платы, датчики дизельных двигателей и даже произведения искусства. Обладая лабораторией с недорогим оборудованием, Гершенфельд заявил, что он и его сотрудники близки к созданию такой машины, которая

бы производила любые другие машины. Основанное на МНТ «индивидуальное производство» могло бы осуществить слияние индустриальной и информационно-технологической революции, на основе которого виртуальные проекты превращались бы в объекты реальности. Причем стоимость этих объектов складывалась бы из суммы стоимости сырья и энергетических затрат (9).

Ставка нынешнего российского руководства на модернизацию экономики предполагает широкое внедрение научных инноваций в отечественное производство. Планы преобразований касаются не только науки, но и системы образования. Российское правительство ставит задачу расчистить основу для развития профессионального образования и встроить профессионально-техническое образование в развитие тех процессов, которые идут в стране, прежде всего в процесс модернизации. Ключевым ориентиром должно стать высокое качество подготовки во всех звеньях: и в начальном, и в среднем, и в высшем профессиональном образовании. Бизнес-сообщество должно формировать профессиональный заказ на будущих специалистов. Для этого необходимо завершить разработку профессиональных стандартов, создать систему обязательной общественно-профессиональной экспертизы, обеспечить рынок высококвалифицированными кадрами, теми кадрами, в которых рынок по-настоящему нуждается, которые реально востребованы работодателями и которые подготовлены для участия в модернизации отечественной экономики (2).

Образование и наука тесно взаимосвязаны. Максимальные зарплаты ученым в СССР относительно общесоциального фона реально выплачивались только в период 1940–1950-х годов: старший научный сотрудник с кандидатской степенью получал в 1952 г. 3000 руб. (это было выше примерно в 5 раз, чем оплата неквалифицированного физического труда). В 70–80-е годы условная покупательная способность ученых в СССР была в 3–4 раза выше, чем за рубежом (3). Зарплата профессора в СССР с 1961 до 1991 г. равнялась 500 руб., а в мае 1998 г. приблизительно 1250 руб., т.е. номинально выросла в 2,5 раза. Уровень цен за этот период возрос примерно в 15 раз, т.е. реальная зарплата основной и наиболее ценной категории научных работников снизилась примерно в 6 раз (4). В настоящее время зарплата российского ученого высшей квалификации в 16–46 раз меньше, чем зарплата ученых той же научной квалификации в США. В отечественной науке образовался необратимый возрастной разрыв между поколениями. Он заключается в том, что средний возраст докторов наук в стране – 61 год, а аспирантов – 24–25 лет. Разрыв поколений по отношению к ученым высшей квалификации составляет примерно 36 лет – период, необходимый для того, чтобы аспиранты достигли существующего среднего возраста докторов наук и подхватили научную эстафету. Существуют серьезные опасения, что связь поколений будет разорва-

на безвозвратно. В течение самых ближайших лет, когда потеряют трудоспособность последние известные ученые, выросшие в эпоху советского периода, в науке образуется невосполнимый провал. Научно-техническое отставание России от развитых в этом отношении стран Запада и США может измеряться несколькими десятилетиями (5).

В России известны случаи, когда старшее поколение ученых-физиков добровольно отказалось от повышения зарплаты в пользу молодых специалистов, чтобы последние, демонстрируя высокие нравственные качества, работали в России и не искали счастья за рубежом. Однако подобная жертвенность вряд ли даст ожидаемый результат: с 2003 по 2005 г. зарплата у молодых ученых увеличилась всего... на 15% (6).

Разрыв поколений в отечественной науке оказывается действительно невосполнимым: теряется та «эстафетная палочка», которую ученые призваны передавать из рук в руки. Подобный разрыв способен привести к тому, что Россия может быть отброшена к допетровской эпохе, когда для решения любой серьезной инженерной задачи требовалось приглашение зарубежных специалистов. Но может ли позволить себе это страна в условиях общемирового прогресса новых технологий?

Литература

1. Огурцов А.П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования // http://www.phil63.ru/postmodernizm-v-kontekste-novykh-vyzovov#_edn1
2. http://news.kremlin.ru/transcripts/8786
3. http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/priroda-polyanin.htm
4. http://www.iem.ac.ru/~kalinich/rus-sci/old/zarplata_professora.htm
5. http://skurlatov.livejournal.com/298800.html
6. http://forex.kbpauk.ru/showflat.php/Cat/0/Number/78976/Main/76360
7. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
8. Glad J. Future human evolution: eugenics in the twenty-first century. – Schuylkill Haven, 2006.
9. Vandermolen T.D. Molecular nanotechnology and national security // Air & space power journal – Fall 2006 (http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj06/fal06/vandermolen.html)

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Л.П. Муромцева

МУЗЕИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук, доцент МГУ.

В течение XX в. в российском зарубежье было создано значительное количество музеев, отражающих разнообразные события истории и культуры России. Они различались по тематической направленности и составу своих коллекций, количественным и качественным параметрам собраний, правовому статусу. В их числе существовали музеи общеисторического профиля, где были собраны вещевые и документальные памятники, а также произведения искусства. Наиболее значительным среди музеев такого типа являются Русский культурно-исторический музей в Збарславском замке под Прагой – РКИМ (16, с. 182–194), музей русской культуры в Сан-Франциско и музей общества «Родина» в Лейквуде (США) (15, с. 213–228). Небольшие музеи историко-культурного профиля действовали в различных центрах российской диаспоры в Европе, США и других регионах мира. Они создавались преимущественно по инициативе общественных объединений и ставили своей задачей сохранить те памятники отечественной истории и культуры, которые удастся выявить, приобрести или получить в дар независимо от времени их возникновения, материала и т.п. В большинстве случаев создатели и хранители музеев не могли, да и не ставили своей задачей дать всестороннюю картину покинутой ими Родины с помощью экспонатов. В условиях поспешной эвакуации, отсутствия прочных и постоянных контактов с Россией их подбор носил нередко случайный характер. Весьма схожими по составу, как правило, были полковые музейные собрания. На формирование облика эмигрантских музеев (обычно однотипного и одностороннего по своей сути) часто влияли их идеологические разногласия с большевиками, неприятие новой власти. Так, события Гражданской войны в них показывались исключительно с позиции Белого движения.

Формирование коллекционного фонда российской эмиграции в значительной степени было определено ее психологическими особенностями: «бросая личные вещи, многие беженцы пытались сохранить дорогие им семейные реликвии: фотографии, письма, документы, дневники, мемуары, иконы, награды…» (27, с. 178). Музейные вещи играли роль своеобразных духовных символов, связывавших эмигрантов с покинутой для большинства из них навсегда Россией. Вглядываясь в фотографии однополчан времен Первой мировой и Гражданской войн, рассматривая ордена и медали, наградные знаки, изгнанники свято верили, что когда-нибудь вернутся в родные места.

В зарубежной России создавались различные типы исторических музеев – военно-исторические, церковно-исторические, археологические, мемориальные и др. Российскими эмигрантами предпринимались попытки создания и научно-технических, краеведческих, этнографических и естественно-научных коллекций и музейных объектов. Так, замечательным собранием обладало Общество изучения Маньчжурского края в Харбине.

Наиболее распространенным типом музейного объекта в российском зарубежье в 1920–1930-е годы стали военно-исторические музеи, нередко сочетавшие в себе черты корпоративного и историко-культурного музея. Связано это было, с одной стороны, с разобщенностью эмигрантских политиков и деятелей культуры, а с другой – бóльшей сплоченностью и организованностью военных кругов российской эмиграции. Кроме того, в ходе эвакуации за границу белые армии вывезли значительное количество историко-культурных памятников и архивных документов военной тематики. Вот почему значительная часть эмигрантских музейных коллекций отражала, прежде всего, историю русской армии, Первой мировой и Гражданской войн.

Российская эмиграция послевоенного периода включала множество воинских обществ и союзов, большинство из которых строилось по принципу принадлежности к какому-либо воинскому подразделению, роду войск или военно-учебному заведению. Еще в начале XX в. в Российской армии возникло достаточно активное историко-культурное движение, в ходе которого были написаны полковые истории и созданы полковые музеи. Первая мировая война явилась дополнительным стимулом для образования новых военных музеев и пополнения существующих собраний Артиллерийского, Военно-морского и других музеев, куда уже в 1914–1915 гг. стали поступать военные трофеи и прочие реликвии Первой мировой войны. Часть полковых музеев, прежде всего музеев императорской гвардии, незадолго до Революции 1917 г. была объединена в Военно-Исторический музей (ВИМ), существовавший как самостоятельное учреждение в Москве до 1925 г.

При этом в полках и дивизиях в процессе развития Белого движения продолжалось формирование фонда воинских реликвий (знамен, наградных труб, грамот и т.п.) и текущих служебных архивов, шло составление боевых

летописей, производилась фотофиксация военного быта и т.п. Все это было по возможности вывезено за границу и легло в основу военных музеев российского зарубежья. Так, в основе фондов открывшегося в 1930 г. в Париже Лейб-казачьего музея находились военные реликвии бывшего Лейб-гвардии казачьего его Величества полка, вывезенные из Петрограда после Февральской революции и содержавшие образцы обмундирования и снаряжения, различные предметы, принадлежавшие офицерскому составу, батальонные картины и т.п. (13, с. 15). Инициаторами создания музеев выступали и объединения военных эмигрантов, которые создавались по принципу участия в каком-либо событии или сражении: союзы ветеранов Первой мировой войны, общества галлиполийцев, существовавшие во всех крупных российских диаспорах в межвоенный период, и т.п. При этом тематика их собирательских интересов была достаточно широкой. Так, 31 июля 1926 г. Союз галлиполийцев во Франции приступил к созданию Музея-архива «в целях сохранения всякого рода материалов, могущих иметь историческое значение». В Шанхае Союзом русских военных инвалидов был создан Исторический музей и т.п. (18, с. 11; 28, с. 408).

В условиях изгнания оружие и военное снаряжение, знамена, полковые иконы и т.п. утратили свое практическое значение и перешли в разряд музейных предметов. В то же время они оставались для военных организаций эмиграции не только символами прошлого, но и образом будущего военно-политического реванша. В российском зарубежье, включая военную среду, существовала практика передачи в музеи и архивы личных и семейных историко-документальных собраний на временное хранений (5. Д. 1 Л. 177) (такие меры сохранности предпринимались в России в годы Первой мировой войны и революции, когда многие коллекционеры, владельцы старинных усадеб и особняков отправляли самые ценные старинные вещи и документы в музеи Москвы, Петербурга и других городов). По данным на 1 ноября 1936 г., в Музее русской конницы в Белграде хранилось 515 предметов, из них 325 – составляли собственность Музея, 157 – принадлежали полковым объединениям и 32 – частным лицам (6. Д. 1. 22).

Следует подчеркнуть, что военная история, героика прошлого служили важной частью военного воспитания, поддержания боевого духа войск в Российской армии. В сочетании с общей идеей сохранения историко-культурного наследия, господствовавшей в социально-активной части эмигрантского сообщества, эта особенность менталитета обусловила значительное внимание российского военного зарубежья к теме музейного строительства. В военно-исторических музеях российской эмиграции в Европе, США и на Дальнем Востоке хранились воинские регалии, обмундирование, оружие, документы как периода Гражданской войны, так и дореволюционной императорской армии. В частности, при Первом Русском кадетском корпусе в Югославии

имелся музей военно-учебных заведений, в котором среди хранившихся там 48 знамен были знамена Псковского, Полоцкого, Симбирского и Сумского кадетских корпусов, вывезенные из России (9, с. 56).

Экспозиции эмигрантских военных музеев способствовали не только поддержанию интереса к отечественной истории в эмигрантском сообществе, но и были призваны оказывать определенное идейное воздействие на посетителей. «С биением сердца можно переходить от одного портрета к другому, от одной гравюры к другой, к изображениям атак наших доблестных полков и батарей, а также к изображениям полков и батарей конницы в ее обучении, в ее повседневной жизни и в изображениях ее быта и т.д. Великий Суворов, вереницей за ним герои и партизаны Отечественной войны – Кульнев, Дорохов, Денис Давыдов, Сеславин, Платов и Фигнер, а дальше портреты позднейших по времени к нам начальников, представляющих собой галерею наших вождей, строго глядящих на нас со стен, призывая нас к великому подвигу спасения нашей порабощенной Родины…» (26, 1939, № 236–237, с. 36).

Появление военно-исторических музеев в «столицах» зарубежной России побуждало корпоративные объединения российских военных эмигрантов создавать учреждения историко-культурного назначения в разных странах мира. Так, организация в 1928 г. Музея русской конницы в Белграде стимулировала создание отделов по сбору для него военно-исторических материалов в Бейруте (Сирия), Скоплье и Нише (Югославия), а в 1934 г. было образовано «Общество ревнителей истории русской конницы» в Париже (6. Д. 1. Л. 11).

Музейная работа военных эмигрантов сочеталась, как правило, с научно-исследовательской и публикаторской деятельностью. Один из русских литераторов-эмигрантов Георгий Адамович Гоштовт, писавший на военную тематику, дал весьма точную оценку этой подвижнической деятельности эмигрантской военной интеллигенции: «Мы, находящиеся за рубежом, офицеры Императорской армии, поставившие себе целью – печатным словом увековечить жертвенное боевое служение наших частей, верим и знаем, что своею работой мы выполняем не только долг перед родными старыми полками, но и выполняем выпавшую на нас историческую миссию» (8, с. 8–10).

Самостоятельную группу среди военных музеев составляли хранилища истории и культуры казачества, в коллекциях которых наряду с темой военной истории было достаточно ярко выражено этнографическое направление. Следует отметить также, что в казачьих музеях и частных коллекциях было предоставлено значительное количество ценных предметов и документов XVII–XVIII вв. (атаманские булавы, братины, грамоты, холодное оружие и т.п.). В частности, особого внимания заслуживает Музей Кубанского казачьего войска в США (14, с. 77–86).

Важная роль в создании музейных собраний российского зарубежья принадлежала военно-морской эмиграции. Помимо получивших достаточно широкую известность организаций – Военно-морского союза (ВМС) и Кают-компании морских офицеров в Париже, Общества офицеров российского императорского флота в Америке (Нью-Йорк) и Кают-компании в Сан-Франциско, необходимо упомянуть два замечательных частных собрания. Первое было создано в Тунисе усилиями бывшего капитана-подводника Н.А. Монастырева – автора ряда книг и воспоминаний о Российском военно-морском флоте. Он собственноручно изготовил модели кораблей, в том числе лодок, участвовавших в Первой мировой войне, русские ордена и погоны, холодное оружие, военно-морские флаги, фотографии и т.п. Второе создали в 1930-е годы в Альтенбургском замке (Германия) по инициативе княжны Веры Константиновны Романовой (1906–2001), которая принимала живое участие в историко-культурной работе Российского общевойскового Союза (РОВС) и ВМС. И хотя формально Морской музей в Альтенбурге являлся частной коллекцией, общественный статус его создательницы, безусловно, распространялся и на музей, привлекая к нему внимание и военных моряков-эмигрантов, и всего военного зарубежья (26, 1934, № 116–117, с. 3; № 131–132. с. 18).

Военно-исторические музеи российского зарубежья не были в полной мере публичными, но самые крупные из них, такие как Музей русской конницы в Белграде или Лейб-казачий музей в Париже, были открыты для посетителей. В большей степени они носили характер корпоративных культурных центров и использовались для мероприятий, проводившихся воинскими союзами и учебными заведениями. Так, «в гостеприимных стенах Лейб-казачьего музея в Курбевуа проходят собрания и празднования русской военной эмиграции во Франции» (17, с. 87). Порой военная атрибутика и мемориальные предметы из эмигрантских музеев использовались для оформления залов офицерских собраний, интерьеров военно-учебных заведений и т.п. Например, картины из художественного отдела Музея русской конницы украшали стены Большого зала Офицерского собрания российской колонии в Белграде (6. Д. 1. Л. 23). Фактически, военные музеи русского зарубежья были частью воинской среды эмиграции, одной из важнейших составляющих ее институциональной основы. В то же время их культурно-просветительская активность в значительной степени выходила за пределы корпорации, охватывая широкие круги эмигрантского сообщества, традиционно проявлявшего интерес к истории Российской армии и Белого движения.

Военно-историческое направление коллекционирования выбирали некоторые общественно-политические организации российской эмиграции. Так, Музей воинской славы создавался в Сан-Франциско в Доме святого Влади-

мира – городском центре российских монархистов послереволюционного времени и их потомков.

После Второй мировой войны, как уже отмечалось выше, историко-культурная деятельность в российском зарубежье была во многом возобновлена с нуля: в Европе погибли или были разрознены многие созданные ранее музейные и архивные собрания, погибли и надежды эмиграции на возвращение домой. Тем не менее корпоративные объединения военных эмигрантов, часть которых продолжала свою деятельность во Франции, США и ряде других стран в 1940–1970-е годы, уделяла большое внимание сбору и демонстрации военно-исторических памятников в целях сохранения новыми поколениями эмигрантов их культурной идентичности.

В 1944 г. в Сан-Франциско был открыт музей при Обществе русских ветеранов Великой войны (23, с. 210). Его организаторы писали: «Чем дальше отходили в глубь истории годы Великой и Гражданской войны, тем больше начиналось чувствоваться необходимость сохранять не для себя уже, а для будущего реликвии прошлого и предметы быта Армии… Наш музей мы считаем не просто хранилищем для обозрения интересующейся публикой исторических реликвий и экспонатов из прошлого Русской армии, а памятником отошедшей исторической эпохи, вещественным свидетелем жизни и дел наших дедов и отцов, а также памятником наших лихолетий и Белой борьбы» (20, с. 211). В США были перемещены некоторые особо ценные музейные собрания российской военной эмиграции из Европы. В частности, в США был перевезен музей Николаевского кавалерийского училища, действовавший в межвоенный период в Париже (24, с. 45), а также реликвии Кубанского казачьего войска.

Во Франции в послевоенный период продолжали действовать несколько военно-исторических музеев разного масштаба. Кроме того, российское зарубежье считало своими русские отделы двух крупных европейских военных музеев: Дома инвалидов в Париже и Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе. Оба собрания создавались и развивались при активном участии российской военной эмиграции. «В Бельгийском королевском музее в Брюсселе существует прекрасный Отдел Российской армии, занимающий наиболее почетное место среди всех других иностранных отделов. В Музее особенно хорошо представлены витрины Казачьего е.и.в. полка, кроме них имеются витрины Конногвардейцев, Флота и др. В библиотеке музея находится ряд ценных военных изданий», – писали военные эмигранты в журнале «Часовой» в 1939 г. (26, 1939, № 228–229. с. 35). Редакция журнала обращалась к российским военным эмигрантам с просьбой передавать имеющиеся исторические материалы в Бельгийский Королевский музей: «…у кого остались памятные о российской армии вещи, которые нужно сохранить для будущей России, передавать на хранение в Русский отдел Бельгийского Коро-

левского музея, который с исключительной заботой относится ко всем вещам. Майор Леконт – директор Королевского музея и наш большой друг – гарантирует полную сохранность всех сданных в Музей предметов до восстановления России. Все нужные справки можно получить в редакции «Часового», которая находится в тесном сотрудничестве с администрацией Королевского музея» (26, 1939, № 228–229, с. 35).

Поскольку военная эмиграция оказалась одной из наиболее устойчивых институциональных систем российского зарубежья XX в., в ее структуре продолжает функционировать ряд музейных центров, созданных в 1930–1970 гг. Так, в США до настоящего времени действуют Музей Казачьего Союза, Музей Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско и Музей Общества русских ветеранов Великой войны в Лос-Анджелесе. Из существующих ныне крупных эмигрантских военно-исторических собраний в Европе следует назвать Музей лейб-гвардии Казачьего полка в Париже и частную военно-историческую коллекцию Шапорна дю Ларрэ (Франция / Бельгия).

По мере того как сокращалась численность военной эмиграции послереволюционной волны и снижалась активность ее общественных объединений, возникал вопрос о сохранности принадлежавших им музейных ценностей, в том числе о передаче их в ведение более крупных историко-культурных центров за рубежом, а в 1990-е годы и на родину. Так, в 1974 г. музейная коллекция и архив Общества бывших русских морских офицеров в Америке были переданы обществу «Родина», которое впоследствии осуществило передачу значительной части собрания Российскому фонду культуры, Центральному военно-морскому музею, Российскому государственному архиву военно-морского флота и Центральной военно-морской библиотеке в Санкт-Петербурге (4, с. 2). В 1980-е годы прекратила свое существование одна из ведущих военно-морских организаций Русской Америки «Кают-Компания», после чего часть ее музейного собрания перешла Музею общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско (10, с. 31). В свою очередь, его руководство в 2002 г. приняло принципиальное решение о возвращении собранных коллекций в Россию.

Благодаря многочисленности военной диаспоры и ее активности в историко-культурной сфере, ведущие историко-культурные музеи и историко-документальные центры собрали крупные военно-исторические коллекции, которые с годами постепенно пополнялись. Значительные по объему и ценные в музейном отношении военно-исторические собрания имели, в частности, Музей русской культуры в Сан-Франциско, Музей общества «Родина» в Лейквуде и др. (20, с. 212–215).

Тематически связаны с историей российской армии и Белого движения собрания эмигрантских церковно-исторических музеев. В частности, при

Русском монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), основанном в 1930 г., был создан Музей русской истории, где хранятся коллекции архивных документов РОВС, Штаба Вооруженных сил юга России, большое количество личных фондов общественных и культурных деятелей российской эмиграции в США. Особое мемориальное значение имеют реликвии царской семьи, переданные монастырю княжной Верой Константиновной Романовой незадолго до ее кончины. Среди них апостольник и некоторые личные вещи великой княгини Елизаветы Федоровны, мундир цесаревича Алексея, семейные фотографии, письма (1, с. 4–57). В 2007 г. церковные реликвии из Джорданвилля экспонировались в музейном центре храма Христа Спасителя в Москве (3, с. 185). В составе историко-культурных собраний Русской Америки, имеются также иконы и предметы церковной утвари, отражающие различные аспекты истории российской эмиграции первой и второй волны. Так, в Доме святителя Тихона Задонского в Сан-Франциско в настоящее время размещается иконостас, вывезенный из Китая (11, с. 69). В часовне Казанской Божьей Матери в Вест Хайаниспорт (штат Массачусетс), открытой священником и публицистом Д. Константиновым, была собрана утварь из походной церкви Русской освободительной армии (РОА) и т.п. (11, с. 69).

Старинные иконы и другие культовые вещи находятся в русских православных храмах Парижа, Аньера, Медона и других городов Франции. В православном соборе св. Александра Невского на улице Дарю в Париже, например, можно увидеть икону «Вознесение» (дар императора Александра II), бронзовую икону устюжской школы с эмалью и жемчугом (с медальоном генерала М.Г. Черняева), полковые иконы, русские награды (ордена, медали) в киотах. В крипте православного Свято-Николаевского собора в Ницце разместился своеобразный Музей русской колонии, где хранятся иконы, портреты русских императоров, ордена, медали, знамена, штандарты, гусарский мундир с позументами и прочие реликвии (30, с. 260, 308, 395). Некоторые реликвии российской эмиграции нашли прибежище в действующих православных храмах Югославии и других государствах Центральной и Восточной Европы.

В 1920–1930-е годы за границей оказалось значительное количество художественных ценностей российского происхождения. Как отмечал П.Е. Ковалевский, «в частных руках хранились настоящие сокровища искусства» (12, с. 72). Самостоятельный, многообразный пласт российского художественного наследия XX в. сформировался во Франции, США, на Дальнем Востоке в результате деятельности русских художников и скульпторов. Часть их произведений и творческих архивов пополнила музеи и частные коллекции, созданные российскими эмигрантами.

Помимо собраний произведений искусства, которые входили в состав ведущих историко-культурных центров (РКИМ и др.), в российском зарубежье

начиная с 1920-х годов действовало несколько самостоятельных художественных музеев, таких как Музей им. С.П. Дягилева в Париже, Музей им. Н.К. Рериха в Нью-Йорке и др.

Одним из элементов художественной жизни российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке было частное военно-историческое коллекционирование, которое, утратив дореволюционный размах, все же сохраняло свое качество и культурное значение. Парижский «Кружок любителей русской военной старины», объединяющий многих коллекционеров, систематически публиковал в своем бюллетене сведения о различных коллекциях и о пожеланиях коллекционеров, разыскивающих ту или иную редкую вещь. Воинскими обществами и союзами устраивались выставки предметов, документов, произведений искусства военно-исторической тематики из частных собраний. Так, 17 мая 1931 г. в Союзе донских казаков состоялся показ коллекции старинных гравюр и литографий известного собирателя казачьей старины подъесаула А.Н. Семенчикова. В сентябре того же года на выставке, организованной энтузиастами из числа эмигрантов к десятилетию Сараевского отдела Общества русских офицеров в Югославии, были представлены фотографии боев времен Первой мировой и Гражданской войн в России 1917–1922 гг. Нередко подобные коллекции передавались их владельцами в дар военным музеям российского зарубежья. В музейные собрания поступали также боевые награды скончавшихся в эмиграции бывших российских генералов и офицеров. Фалеристическое наследие зарубежной России отражало не только события военной истории дореволюционной эпохи, но и период Гражданской войны 1917–1922 гг., и начальный период эмиграции. Так, внешним отличием «вынесших не менее шести месяцев пребывания в лагерях являлся учрежденный Врангелем “галлиполийский крест”» (22, с. 146).

Коллекциями произведений искусства в российском зарубежье обладали, как правило, те немногочисленные эмигранты, которым удалось вывезти за рубеж свои капиталы и личное имущество. Со временем предметом коллекционирования стали и образцы нового русского зарубежного искусства – произведения художников и скульпторов-эмигрантов.

Во многих случаях свои частные художественные коллекции российские эмигранты передавали в Русский культурно-исторический музей в Праге, а в послевоенный период – в историко-культурные музеи Русской Америки. Так, в делопроизводстве РКИМ сохранились записи о том, что «сын известного русского художника из далекой Литвы передает Музею на хранение все произведения своего отца, собрание старинной портретной живописи, его ценнейший архив с альбомами зарисовок и эскизов, обширную библиотеку по искусству, старинный русский фарфор и пр. Живущий в Праге русский художник передает Музею свое собрание старинного русского фарфора: около

100 предметов. Из Риги русский художник просит принять его ценнейшее собрание русской старины: гравюры, литографии и произведения М. Врубеля, В. Серова, В. Васнецова, Сурикова и многое другое. Из Берлина желают передать на хранение часть уцелевшего от пожара, некогда обширного собрания, состоящего из библиотеки, портретов, гравюр, литографий, рисунков и пр. (5. Д. 1. Л. 55. Об.).

Некоторые уникальные коллекции, вывезенные владельцами из России после 1917 г., были распроданы. В первую очередь это касается нумизматических коллекций, среди которых было замечательное собрание русских исторических медалей, принадлежавшее великому князю Георгию Михайловичу; выставленная на аукцион в Лондоне нумизматическая коллекция великого князя Александра Михайловича, перешедшая в руки швейцарских антикваров; коллекция видного нумизмата фон Рихтера (12, с. 72; 2, с. 359–360). Частично коллекции русского происхождения переходили в руки российских же коллекционеров за рубежом. Так, ценнейшая часть коллекции (полный набор Петровских золотых медалей) великого князя Георгия Михайловича была приобретена О. Перниковым и находилась на 1953 г. в Париже.

Иногда в деятельности эмигрантских музеев, архивов и частных коллекционеров возникал определенный параллелизм. Причиной его были собирательские интересы большинства историко-культурных центров, тематика и программа деятельности которых выходила в ряде случаев за рамки их уставов. Ведущие архивы и музеи зарубежной России принимали меры к тому, чтобы избежать дублирования функций. Так, организаторы Русского культурно-исторического музея изначально оговаривали, что не ставят своей целью сбор книжных и рукописных материалов по истории участия России в мировой войне или по истории революции и Гражданской войны в России, а также архивов эмигрантских учреждений, поскольку эта задача уже выполняется Русским заграничным архивом в Праге (РЗИА). В ситуации, когда могли возникать сомнения в компетенции музея и архива, сомнения предполагалось разрешать путем взаимного соглашения представителей обоих учреждений (5. Д. 1. Л. 176. Об. – 177). При этом РКИМ охотно принимал на хранение архивы деятелей искусства, писателей, различные документы дореволюционного времени.

Иногда собирательские интересы разных историко-культурных организаций принимали характер соперничества. Например, в 1938 г. профессор Н.Л. Окунев заявил о своем выходе из состава Музейной комиссии Русского Свободного университета (Прага) ввиду того, что деятельность РКИМ по собиранию картин русских художников явилась «нежелательным параллелизмом» с работой «Архива славянского искусства», которым руководил Окунев (5. Д. 2. Л. 62–63).

Увлечение коллекционированием было характерно для российской эмиграции и во второй половине XX в. Об этом свидетельствуют, в частности, циклы передач «Филателия» и «Уголок коллекционера» на радио «Свобода». Их вел в 1960–1970-е годы известный деятель эмигрантского молодежного движения Р.В. Полчанинов (19, с. 390).

У эмигрантов Русской Америки возникло также стремление создать литературный музей. Речь об этом шла еще в 1990-е годы, что, вероятно, связано с формированием в США довольно многочисленного сообщества русскоязычной гуманитарной интеллигенции, которая проявляла интерес к отечественному литературному наследию.

Нередко европейские и американские музеи получали дары от российских эмигрантов, благодаря чему памятники русской культуры и искусства вливались в мировое музейное пространство. Меценатство состоятельных российских эмигрантов позитивно влияло на имидж всей диаспоры. В частности, владелец крупной коллекции фарфора А.Ю. Розенберг передал свое собрание Севрскому музею. В апреле 1929 г. в Севре открылась выставка русского фарфора, ставшая заметным культурным событием в жизни Парижа. На выставке было представлено свыше 900 предметов русского фарфора, изготовленных в 1744–1916 гг. и принадлежавших по большей части собранию А.Ю. Розенберга. Крупный армянский нефтепромышленник, экономист и политический деятель Г.С. Гюльбекян, живший в 1920-е годы в Париже, имел богатейшую коллекцию произведений искусства, на основе которой впоследствии был создан Лиссабонский музей (21, с. 214). При этом в российском эмигрантском музееведении не делается особой разницы между коллекциями русского происхождения, принадлежавшим эмигрантам, и иностранными учреждениями науки и культуры. П.Е. Ковалевский и другие авторы подчеркивают прежде всего историко-культурную значимость созданных российскими эмигрантами собраний. Размещение их в составе фондов и экспозиций европейских и американских музеев справедливо рассматривается ими как дополнительное подтверждение этой ценности. Что касается музеев, принадлежавших зарубежным соотечественникам или их общественным объединениям, то большинство историко-культурных центров, созданных в 1920–1960-е годы, опирались в своей основе на культурные традиции и мотивации «первой волны» и были ориентированы на последующее возвращение своих собраний на родину, в Россию. Частично это намерение было реализовано. Новые институциональные структуры историко-культурного движения российского зарубежья, возникшие в конце XX – начале XXI в., создавались не в целях спасения исторических ценностей, а для удовлетворения культурных потребностей зарубежных соотечественников и востребованы современным российским зарубежьем в США и других странах мира.

Каждая из сбереженных эмигрантами коллекций имела свою неповторимую, порой драматическую историю, свою судьбу и отличалась определенным своеобразием. Но наряду с этим можно выделить немало общих черт, характерных для эмигрантских музейных собраний 1920–1930-х годов (как общественных, так и частных).

Музеи российской эмиграции функционировали в соответствии с законодательством тех стран, где они размещались. Эмигрантские общественные организации, обладавшие статусом юридического лица и официально утвержденными уставами, осуществляли управление и распоряжались средствами центров в рамках правил, которые действовали в той или иной стране в отношении общественных организаций. Так, Русский культурно-исторический музей в Праге входил в систему Русского Свободного университета и управлялся музейной комиссией и директором, назначение которых производилось Советом профессоров РСУ. Финансирование РКИМ также осуществлялось из бюджета университета в форме единовременных субсидий правительства Чехословакии. Примечательно, что формальным основанием для вывоза собраний музея в СССР в 1946 г. явился дар руководства РКИМ (25, с. 189).

Возникнув по инициативе самих эмигрантов, музеи за редчайшим исключением содержались за счет их добровольных пожертвований и не включались в государственный реестр музеев страны пребывания. В большинстве случаев их основателям не приходилось рассчитывать на финансовую поддержку правительственных органов. Весьма скудный бюджет эмигрантских музеев, как правило, не позволял им нанимать штатных сотрудников и закупать ценные раритеты. Их коллекции пополнялись главным образом с помощью добровольных даров соотечественников, оказавшихся за рубежом. Научные критерии отбора материалов и создания экспозиции в большинстве случаев при этом не использовались.

Значительную проблему для создателей и хранителей эмигрантских музеев представлял поиск, наем и тем более приобретение по доступным ценам помещений для создания экспозиции и хранения фондов. Экспозиционная площадь музеев была небольшой и обычно включала один-два зала (а иногда лишь угол комнаты), тесно заставленные шкафами, стендами и увешанные картинками и фотографиями. В ряде случаев это приводило к трудным, порой кризисным, ситуациям с хранением фондов. Так, в материалах Военного музея в Белграде содержится описание знамен XVIII в., свидетельствующие об их плохой сохранности (7. Д. 247. Л. 6–8). В 1990-е годы был фактически законсервирован музей общества «Родина» в Лейквуде (29, www.cultutre.ru).

У эмигрантов не хватало средств для проведения консервации и реставрации раритетов, возможностей для научной обработки и систематизации

материалов. Работа сотрудников музеев велась на общественных началах, жалование получали один-два человека, обычно наемный технический персонал. Тем не менее в музеях осуществлялись разбор и изучение музейных предметов и архивов, готовились выставки и публикации. В рамках культурно-просветительной деятельности российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы составлялись описи военно-исторических коллекций. Например, существует список и описание коллекции оружия полковника Н.А. Плетнева (из описи вещей, принадлежавшим частным лицам и хранящимся в Донском музее) (7. Д. 247. Л. 18. 18–21, 27).

Многие коллекции наших зарубежных соотечественников лишь номинально назывались музеями, будучи по существу несистематизированным собранием экспонатов при каком-либо эмигрантском обществе, объединении, союзе, и не были приспособлены для ежедневного свободного доступа посетителей.

Часто активная собирательская деятельность эмигрантских музеев велась благодаря очень узкому кругу настоящих подвижников либо даже одного из них, после ухода из жизни которого она сворачивалась, а коллекции расходились по рукам. Порой у организаторов, за редчайшим исключением не занимавшихся ранее музейной работой, складывались довольно непростые отношения с государственными органами и, чтобы сохранить все это в целостном виде, им иногда приходилось лавировать, идти на компромиссы и уступки. Благородная, подвижническая деятельность таких энтузиастов временами наталкивалась на непонимание в среде той части соотечественников, которая стремилась как можно быстрее интегрироваться в местную среду, потеряв надежду на возвращение в Россию.

В рамках эмигрантского сообщества в том или ином городе или стране происходило взаимодействие историко-культурных центров и деятелей культуры; эмигрантская профессура, творческая интеллигенция, представители военной элиты были вовлечены в работу музеев и других культурно-просветительных учреждений в Париже, Праге, Белграде, Нью-Йорке, Харбине и других городах мира, где существовали очаги российской эмиграции. В настоящее время наши соотечественники продолжают свою подвижническую деятельность по созданию музеев и коллекций, заслуживающую всяческого признания и уважения.

В перспективе представляется необходимым составление каталога музейных собраний российской эмиграции. Многие из них вызывают значительный интерес и служат ценным источником по истории не только российского зарубежья, но и России в целом.

Литература

1. Айкона Т. Уголки Святой Руси в Нью-Йоркском штате // Православная жизнь. – 2001. – № 12 (623).

2. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания: Две книги в одном томе. – М., 1999. – 528 с.

3. Воробьева О.В. Русская Америка в XX в. Историко-культурный аспект. – М., 2010. – 203 с.

4. Вспоминая Российский императорский флот. К 15-летию РФК. – М., 2001. – 194 с.

5. ГАРФ. – Ф. Р-6784. Русский культурно-исторический музей в Праге при Русском народном университете. – Прага, 1934–1944. Оп. 1.

6. ГАРФ. – Ф. Р-6800. Музей русской конницы в Белграде. 1930–1937. Оп. 1.

7. ГАРФ. – Ф. Р-7030. Русский Заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). 1923–1945. Оп. 2.

8. Гоштовт Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну. – Париж, 1941. – 236 с.

9. Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. – М., 2000. – 251 с.

10. Забелин С.Н. Музей Общества ветеранов // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. – Сан-Франциско, 1993. – № 272.

11. Живет душа Россией. Неизвестные страницы русского зарубежья. Сост. Т.В. Таболина. – М., 2005. – 135 с.

12. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. – Париж, 1973. – 147 с.

13. Муромцева Л.П. Реликвии российской послереволюционной эмиграции во Франции // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 8. – СПб., 2007. – 90 с.

14. Муромцева Л.П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. – М., 2008. – № 3.

15. Муромцева Л.П. Реликвии российской эмиграции в Северной Америке // Россия и современный мир. – М., 2009. – № 3.

16. Муромцева Л.П. В.Ф. Булгаков и русский культурно-исторический музей в Праге // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 3.

17. Немо. Справка: О русских военных музеях в эмиграции // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. – Сан-Франциско: Музей Русской культуры в Сан-Франциско, 1966. – 87 с.

18. Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 гг. – М., 2003. – 336 с.

19. Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья: Воспоминания. 1941–1951. – М., 2009. – 416 с.

20. Попов А.В. Военные музеи и архивы русского зарубежья // Вестник архивиста. – М., 2003. – № 2.

21. Пути и перепутья: Материалы и исследования по отечественному искусству XX в. // Российская академия художеств, НИИ теории и истории изобразительных искусств. – М., 1995. – 321 с.

22. Русская эмиграция на Дарданеллах // Военная мысль и революция. – М., 1923. – Кн. 4. – 217 с.

23. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940: Франция. Т. 1. – Париж, 1995. – 585 с.

24. Сборник 25-летнего юбилея культурно-просветительского и благотворительного общества «Родина». 1954–1979. – Нью-Йорк, 1979. – 174 с.

25. Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. – М., 1999. – 671 с.

26. «Часовой» – орган связи русского воинства за рубежом (Париж, Брюссель, 1929–1988).

27. Челышев Е.П. Российская эмиграция: 1920–1930-е годы: История и современность. – М., 2002. – 280 с.

28. Чжичэн Ван. История русской эмиграции в Шанхае. – М., 2008. – 576 с.

29. Юрьева И., Землякова О. Из истории собрания общества «Родина» // Российский Фонд культуры: Официальный сайт.www.culture.ru

30. Ponfilly R. de. Guide des Russes en France. – Paris, 1990. – 527 p.

И.А. Соков

РУССКИЕ КОРНИ ЛИДЕРА КАНАДСКИХ ЛИБЕРАЛОВ МАЙКЛА ИГНАТЬЕФФА

Соков Илья Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Волгоградского государственного университета.

Майкл Джордж Игнатьефф (род. 12 мая 1947 г.) – один из самых популярных политиков 2009 г., лидер Либеральной партии Канады, лидер официальной оппозиции в канадском парламенте занимал (по версии американского журнала «*Foreign Policy*») в 2008 г. 37-ю строчку рейтинга 100 ведущих интеллектуалов современного мира, которые оказывают наибольшее влияние на человечество[1].

Майкл Игнатьефф известен в Канаде прежде всего как историк и писатель. Он занимал высшие академические посты в университетах Оксфорда, Кембриджа, Гарварда. В 2006 г. был избран в Палату общин от Либеральной партии, а 2 мая 2009 г. на партийном съезде в Ванкувере был избран ее лидером.

Он сын русского графа *Георгия Павловича Игнатьева* (16.12.1913–10.08.1989), семья которого была вынуждена эмигрировать из России в 1919 г. во время Гражданской войны. В его жилах течет и канадская (еще точнее, шотландская) кровь – от матери Элисон Грант (02.02.1916–20.09.1992). Эти канадские корни Майкл Игнатьефф описал в книге «Истинная любовь патриота» (10), презентация которой состоялась 29 апреля 2009 г. в помещении монреальского Музея изобразительных искусств (6). В ней повествуется о предках по материнской линии – это известные в Канаде семьи из интеллектуальной среды Гранты и Паркины, среди которых были историки, философы, руководители высших учебных заведений (4).

1. (http://gtmarket.ru/news/culture/2008/05/08/1633).

Майкл Игнатьефф гордится своим русским происхождением, внимательно изучил свою русскую родословную и в 1987 г. опубликовал о ней книгу «Русский альбом» (9). Несмотря на то, что он только наполовину русский, а воспитание и образование получил в англосаксонской среде и проживал в молодости во франкоязычной среде Квебека, он, как и его семья, придерживается православной религии, посещает почти еженедельно православную церковь, хранит русский язык и русские традиции.

Русские корни М. Игнатьеффа берут начало в истории российских аристократических семей. Здесь есть ученые и дипломаты, военные и гражданские на службе российской монархии, капиталисты, губернаторы и руководители земств, члены организации Красного Креста в Первую мировую войну и послевоенное время.

Широкому кругу российских читателей наверняка известна книга, состоящая из двух томов и пяти книг, советского дипломата и генерала *Алексея Алексеевича Игнатьева* (02.03.1877–20.11.1954) «Пятьдесят лет в строю» (1), автор которой приходится отцу Майкла Игнатьева дядей. А.А. Игнатьев, граф – полковник Генерального штаба; в 1908–1917 гг. – русский военный атташе в Париже, в Скандинавских странах. С 1917 г. – генерал-майор. После Октябрьской революции стал на сторону Советской власти и помог сохранить для СССР принадлежавшие России денежные средства, вложенные на его имя во французские банки. Работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. был инспектором и старшим инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С октября 1942 г. – старший редактор Военного издательства НКО. Находясь с 1947 г. в отставке, занимался литературной деятельностью. Оставил воспоминания, которые содержат сведения о жизни русской и иностранных армий, деятельности военно-дипломатических кругов России в конце XIX – начале XX в., а также о Русско-японской и Первой мировой войнах.

В мемуарах А.А. Игнатьева ничего не сказано о его двоюродном брате графе *Павле Николаевиче Игнатьеве* (1870–1945), эмигрировавшем из России, тем более о его детях и внуках (2). Между тем М. Игнатьефф в «Русском альбоме» указывает на то, что Алексей Алексеевич принял в Париже семью Павла Николаевича и оказал им посильную помощь с устройством, а также помог перебраться в Лондон (9, с. 145).

Георгий Петрович Игнатьев, отец М. Игнатьеффа, был самым младшим, пятым сыном в семье П.Н. Игнатьева и его супруги Натальи Николаевны, в девичестве княгини Мещерской (родилась в 1877 г. и прожила до 1944 г.). Георгий почти не помнил Россию. Как он сам говорил Майклу, последнее яркое детское воспоминание было о том, что он смотрит через окно на улицу, где на фонарном столбе повешен мужчина, а перед ним стоит женщина и

плачет уже несколько дней – это было в Кисловодске в 1918 г. (9, с. 136). Но он хорошо помнил семейные мытарства, связанные с бегством в Новороссийск и затем Константинополь, за которыми последовали Марсель, Париж и Лондон.

Семья Игнатьевых смогла переехать в Канаду из Англии в начале лета 1928 г., после того, как еще в 1924 г. их второй сын *Владимир* побывал в Канаде, работал там в качестве лесоруба, разгружал товарные вагоны, выполнял другую работу. Именно этот 23-летний юноша настоял на том, чтобы семья продала дом и ферму, и переехала на жительство в Канаду.

Надо сказать, что граф П.Н. Игнатьев был известным человеком в России. Имел поместье Круподерницы недалеко от Киева, где внедрял передовые методы земледелия. Своей работой был замечен и в 1895 г. избран уездным предводителем дворянства, в 1904 г. стал председателем Киевской губернской земской управы, 17 февраля 1907 г. был назначен губернатором Киевской губернии. Дальнейшая карьера его связана со столицей. С 13 апреля 1909 г. он – директор департамента земледелия, с 1 января 1912 г. – министр сельского хозяйства Российского правительства, с 9 января 1915 г. – министр народного просвещения (9, с. 100). Выйдя в отставку в январе 1917 г., он осенью того же года был избран почетным академиком Российской академии наук (8).

То, что не указано в российском справочнике, дополняет Майкл Игнатьефф в «Русском альбоме». В начале 1914 г. его дед стал наследником заводов с 20 тыс. работников Юрия Степановича Нечаева-Мальцова (1843–1913), своего родственника и старого холостяка. Кроме того, ему по наследству перешло и попечительство над Русским музеем в Москве, постоянным спонсором которого был покойный Ю.С. Нечаев-Мальцов (9, с. 90).

Прадед Майкла Игнатьеффа – *Николай Павлович Игнатьев* (17.01.1832–20.06.1908) был министром внутренних дел Российской империи. После окончания в 1851 г. Военной академии получил большую серебряную медаль. В феврале-марте 1856 г. участвовал в составе российской делегации на Парижской мирной конференции. В мемуарах А.А. Игнатьева (племянника Николая Павловича) есть упоминание о том, что его дядя «при осмотре военного музея <…> нечаянно положил в карман уникальный ружейный патрон, представлявший собой в то время военную новинку. После этого, конечно, пришлось покинуть Лондон» (2, с. 137).

С мая по декабрь 1858 г. Н.П. Игнатьев с конвоем из 50 человек находился с военно-дипломатической миссией в Средней Азии в целях заключения торговых договоров с Хивой и Бухарой. Несмотря на вероломство хана Хивы, сумел заключить договор с Бухарой, освободить всех русских подданных, томившихся в неволе, и вернуться в Оренбург, где его уже считали погибшим. В марте 1859 г., произведенный в генералы, он был послан в Китай, с

которым возникли недоразумения по поводу нежелания пекинского правительства утвердить Айгунский договор, заключенный годом ранее, и после 11-месячных переговоров добился того, что за Россией был закреплен как левый берег реки Амура, так и река Уссури со всеми приморскими гаванями до бухты Посьета и маньчжурским берегом до Кореи; кроме того, Россия получила право сухопутной торговли в китайских владениях и устройство консульств в Урге, Монголии и Кашгаре.

В августе 1861 г. Н.П. Игнатьев был назначен директором азиатского департамента Министерства иностранных дел, а в 1864 г. – чрезвычайным посланником в Порте Оттоманской. Английские и французские дипломаты прозвали Игнатьева «пашой» за его, по их мнению, безграничное влияние на турецкого султана. Майкл Игнатьефф в «Русском альбоме» объясняет это влияние тем, что прадед имел компрометирующие факты против братьев султана (9, с. 48). Имея в Европе репутацию воинствующего панслависта, граф Игнатьев стал предметом многочисленных сатирических брошюр и памфлетов на всех европейских языках в конце 70-х годов XIX в.

В 1999 г. были изданы письма Н.П. Игнатьева к жене Екатерине Леонидовне. Эти письма по сути дела представляют дневник, в котором достаточно подробно изложены яркие эпизоды Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и время, предшествующее заключению Сан-Стефанского договора (3). 25 марта 1881 г. Н.П. Игнатьев был назначен министром государственного имущества, а затем министром внутренних дел. Однако его излишняя инициативность оказалась наказуемой, 30 мая 1882 г. он был уволен с последней должности. С 1884 г. Игнатьев состоял президентом общества содействия русской промышленности и торговли, с 1888 г. – президентом славянского благотворительного общества. Он закончил жизнь полунищим, разорившись на финансовых авантюрах. Владея 40 имениями, разбросанными по всей России, заложенными и перезаложенными, он был единственным членом Государственного совета, на жалованье которого наложили арест. Скончался граф 20 июня 1908 г. в своем имении Круподерницы под Киевом (5). Славянские народы чтили память Н.П. Игнатьева как защитника их интересов. В книге «Русский альбом» Майкл Игнатьефф пишет об эпизоде, происшедшем во время остановки судна с белым офицерством в Варне по пути в Европу: «Когда просочились новости о том, что сын графа Николая Игнатьева, освободителя Болгарии от турецкого ига 1877 г., находится на борту, прибыл мэр Варны с гражданской делегацией и просил спуститься на берег. “Ваши штыки обагрены кровью?”– спросил Павел. Мэр опустил глаза на свои ботинки и умолял простить нынешнюю Болгарию. Таким образом, Павел Игнатьев и его семья смогли увидеть памятник своему отцу и деду и проститься с ним в последний раз».

Известно, что в благодарность за большую общественную поддержку национального движения болгар, угнетенных Османской империей, и за организацию гуманитарной помощи для них в период Русско-турецкой войны (1877–1878), признательная Болгария назвала в честь графа Игнатьева село Граф-Игнатиево. Ныне имя «Граф Игнатиев» (так пишется его имя на болгарском языке) носят улицы, площади и учреждения во всей этой стране.

Братом прадеда Н.П. Игнатьева был *Алексей Павлович Игнатьев* (1842–1906), тоже известный российский государственный деятель. Он был отцом Алексея Алексеевича Игнатьева, советского дипломата и генерала, о котором говорилось выше.

В 1862 г. А.П. Игнатьев закончил Академию Генерального штаба и уже 1885 г. был назначен генерал-губернатором Иркутской губернии, а в 1889 г. получил назначение генерал-губернатором в Киев. В 1896 г. – назначен членом Государственного совета, в 1898 г. произведен в генералы от кавалерии. В 1905 г. – был назначен председателем «особого совещания для пересмотра установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений» и «особого совещания по делам веротерпимости». 9 декабря 1906 г. был убит в Твери в перерыве губернского собрания эсером Ильинским при обстоятельствах, заставивших семью убитого предполагать соучастие охранного отделения, совершившееся по указаниям из Санкт-Петербурга. Позднее Алексей Алексеевич Игнатьев одной из причин его перехода на сторону большевиков и отказ служить монархии назвал вероломное убийство его отца царским режимом (2, с. 146).

Прапрадедом Майкла Игнатьеффа был *Павел Николаевич Игнатьев* (1797–1879, председатель Комитета министров Российской империи в течение пяти лет (1872–1879).

П.Н. Игнатьев окончил Московский университет, что повлияло на его служебную карьеру. Начинал службу в Преображенском полку, а в 1814 г. вместе с русскими войсками вошел в Париж. Несмотря на свое вольнодумство, сохранил верность данной им присяге и поддержал монархию 15 декабря 1825 г. Капитан Игнатьев вывел первую роту Преображенского полка на Сенатскую площадь в распоряжение нового царя Николая I. Он же арестовал декабристов.

В 1834 г. П.Н. Игнатьев был назначен директором Пажеского корпуса, в 1846 г. – дежурным генералом главного штаба Его Императорского Величества. В 1854–1861 гг. был Санкт-Петербургским генерал-губернатором, в 1872–1879 гг., как указано выше, – председателем Комитета министров Российской империи. Будучи в 1877 г. возведен в графское достоинство, он стал родоначальником всех последующих графов Игнатьевых.

Не менее знатными и именитыми были предки бабушки Майкла Игнатьеффа – фрейлины Натальи Мещерской, которая была дочерью Марии

Александровны Паниной и князя Николая Петровича Мещерского (1828–1901). Как пишет Майкл, «моя бабушка, урожденная фрейлина Наташа Мещерская, родилась в имении (Догино. – *И.С.*), завещанном ее матери императрицей Екатериной Великой в конце восемнадцатого века. Ее семья включала и генерала (Петра Панина. – *И.С.*), канцлера России, который подавил крестьянское восстание Пугачёва и первого современного историка ее страны, Николая Карамзина» (9, с. 8).

Н.П. Мещерский, который одно время был ректором Московского университета (9, с. 21), приходился сыном князю Петру Ивановичу Мещерскому (1802–1876) и Екатерине Михайловне Карамзиной (1809–1867), дочери крупнейшего историка, поэта и писателя Н.М. Карамзина.

Можно было бы продолжить анализ русских корней Майкла Игнатьеффа «вглубь» и «внутрь», но уже видно, что в своем фамильном древе он собрал весь цвет российского императорского общества. Особенностью всех предков Майкла Игнатьеффа по мужской линии было беззаветное служение России на различных военных, дипломатических, административных и культурно-просветительных должностях. Жизнь каждого из них заслуживает отдельного изучения историками и публикаций, которые, будем надеяться, ждут нас впереди.

Для воссоздания своей родословной Майклу пришлось разбираться в оставленных записях-воспоминаниях его бабушки Натальи (более 250 стр.), более официальных записях, которые собирался опубликовать его дедушка Павел, написанных на русском языке в конце 1920-х годов и переведенных на английский, использовать материалы диссертации своего отца Георгия, а также совершить поездки в Константинополь и Болгарию. В 1983 и 1986 гг. Майкл посещал СССР, был в Киевской области, где раньше было поместье Круподерницы, в Санкт-Петербурге и Москве.

Сегодня очень важно воссоединение с прошлым России, прерванным бурным XX в. с его революциями и мировыми войнами. И сохраняемая Майклом Игнатьеффом память о своих предках лучший тому пример.

Литература

1. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю // Игнатьев Алексей Алексеевич. – М.: Воениздат, 1988. – 752 с.

2. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2 т. Т. 2., книги 4–5. – М., 1989. – 448 с.

3. Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 г.: Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. – М., 1999. – 336 с.

4. Кубышкин А.И., Соков И.А. Кто вы, мистер Дж.П. Грант? // Переосмысление Канады: Кросс-культурные размышления о канадском обществе: Сб. ст. Вып. 6. – Волгоград, 2009. – С. 17–60.

5. Правительственный Вѣстникъ. – 25 июня (8 июля) 1908. – № 138. – С. 2.

6. Пружанская Л. Майкл Игнатьефф: Еду я на Родину... и другие новости из Квебека. (http://canadetz.blogspot.com/2009/05/blog-post_04.html).

7. Соков И.А. Роль Дж. Гранта в расширении общенационального поиска пути развития канадской либеральной традиции во второй половине XX в. // Переосмысление Канады: Кросс-культурные размышления о канадском обществе: Сб. ст. Вып. 6 Волгоград, 2009. – С. 149–167; см. также: The Grants (http://www.queensu.ca/secretariat/cataraqui/grant.html).

8. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биографический справочник. – СПб., 2001. – С. 266–268.

9. Ignatieff M. The Russian album. – N.Y., 1987.

10. Ignatieff M. True Patriot Love. – Toronto, 2009. – 211 p.

В.В. Леонидов

ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОСТОКОВЕД Ю.Н. ЗАВАДОВСКИЙ

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, главный библиотекарь Дома русского зарубежья.

В Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына открылась выставка, посвященная столетию со дня рождения крупнейшего ученого-востоковеда Юрия Николаевича Завадовского (ноябрь 2010 г.).

Когда Алов и Наумов снимали свой легендарный фильм «Бег», то консультантом они пригласили именно его. И это неслучайно. Великий русский исход 1920 г. Юрий Николаевич пережил сам вместе с матерью, незадолго до этого окончившей Киевский институт благородных девиц. Им удалось попасть на один из последних пароходов в Новороссийске. Но, в отличие от большинства других беженцев, Юрий Николаевич сумел сразу обеспечить хлебом и себя, и мать. Англичане, помогавшие при погрузке, обратили внимание на русского мальчика, свободно говорившего на нескольких языках. Зарплату ему выдавали армейским пайком, который он с гордостью приносил маме.

Через много лет Юрий Николаевич жаловался близким, что режиссеры, воссоздававшие булгаковский шедевр, отошли от точных исторических подробностей. Так, устроитель тараканьих бегов в исполнении Басова проводил свои соревнования в огромном манеже. На самом же деле все происходило в маленьких фанерных коробках, тихо, на местных базарах и прикрывалось сразу же при появлении полиции.

Точность, тщательность, уважение к фактам всегда были свойственны Завадовскому. Да и вряд ли он мог обойтись без этих качеств при создании своих работ, сделавших его одним из самых известных арабистов мира. «Арабские диалекты Магриба», «Тунисский диалект арабского языка», «Берберский язык» и ряд других исследований поставили русского ученого в ряд ведущих лингвистов XX столетия. Причем никакие обстоятельства не могли

вынудить Завадовского прервать работу. Он мотался по Сахаре, искал старинные надписи на камнях, выискивал кочующие племена, чтобы выяснить развитие того или иного диалекта. Занятие это было совсем не безопасное. В оккупированной немцами Франции Завадовскому с семьей пришлось бежать к партизанам. При этом единственной ценностью, которую они взяли с собой, были карточки для словаря арабского языка.

Черты русской, европейской и восточной культуры тесно переплетались в его натуре. В своих записках, которые он оставил дочери уже в Москве, ученый много размышлял об этом. «Коль скоро я начинаю остро воспринимать Запад, становлюсь даже не западником, а просто западным человеком, вроде бы французом, хотя я меньше всего себя именно им чувствую, я перерождаюсь и переселяюсь в иную шкуру, в иную плоть… Но вот, как только я иду на Восток и вгрызаюсь в него, врастаю в его плоть, я становлюсь опять-таки другой личностью, телесно и душевно, ибо каждое такое перерождение меня по косточкам перетряхивает…» И при всем том он прежде всего оставался русским, который сумел помочь многим русским беженцам во время своих бесчисленных странствий. Благодаря этому удивительному человеку многие русские эмигранты получили работу в компании «Шелл», которая вела разработки нефти в Сахаре. В Тунисе он выручал русских моряков, оставшихся там после прихода в Бизерту в 1920 г. Русской эскадры.

Родился Юрий Николаевич в Варшаве 16 октября 1909 г. Его отец, Николай Осипович Завадовский, командовал там полком Императорской конной гвардии. Один из предков Завадовских – граф Петр Завадовский был какое-то время всесильным фаворитом Екатерины II. Мать Юрия Николаевича, Александра Александровна, урожденная Белолюбская, родилась в Беловежской Пуще. Там отец Александры Александровны, инженер, прокладывал в ее непроходимых чащах железную дорогу.

Жизнь в Варшаве больше напоминала светскую хронику. Военные обязанности не особо утруждали Николая Осиповича, и супруги много общались с польской знатью. Впоследствии его перевели в Царское Село. Сохранилась уникальная фотография, где Завадовский и последний русский император, сидя на лошадях, пожимают друг другу руки.

А потом началась война, затем революция, затем еще одна война – Гражданская. Отец будущего арабиста погиб в составе Добровольческой армии, а сам Юрий, как уже говорилось, оказался на чужой земле. И лишь почти через 50 лет он снова оказался в России, которая, правда, уже называлась СССР.

В Константинополе Александра Александровна стала сразу работать в госпитале, а сын поступил в скаутскую школу – одно из немногих учебных заведений, где могли учиться дети русских беженцев. В госпитале Александра Александровна познакомилась с монахом Алексием, чудом ускользнувшим от большевиков после разгрома Новоафонского монастыря. Отец Алек-

сий любил детей и стал наставником одного из скаутских отрядов, а Юрий Завадовский – его воспитанником, «волчонком», как называли себя скауты. Потом судьба не однажды будет сталкивать Алексия, в конце своего жизненного пути ставшего архиепископом Виленским и всея Литвы, и Завадовского, умершего в Москве признанным ведущим ученым Института востоковедения.

Но вернемся в Константинополь. Когда французские власти разрешили русским беженцам поселиться во Франции с так называемыми паспортами Нансена, Анна Александровна без колебаний, уехала с сыном в столицу мира. В Париже работала кассиршей, потом переводчицей у известной французской гадалки. Но затем счастье улыбнулось ей, и она открыла школу иностранных языков. А Юрий, получая стипендию за погибшего отца от Союза Белого Воинства, окончил русскую гимназию и поступил в Национальную школу живых восточных языков, расположенную в одном из самых красивых зданий старинного университетского квартала Сорбонны. Стать востоковедом посоветовал ему друг матери, великий русский сказочник в живописи – Иван Яковлевич Билибин. «Нет, искусство не кормит, пусть идет по востоковедению», – сказал мастер.

Завадовский всегда дорожил честью своего имени, во время учебы никаких других оценок, кроме «отлично», не получал, и после окончания высшей школы французский МИД предложил ему принять гражданство для того, чтобы Юрий Николаевич смог участвовать в конкурсе для поступления на дипломатическую службу. Этот конкурс Завадовский выдержал с блеском.

Началась жизнь дипломата. Иран, Ирак, Тунис, Турция, Египет. Он выполнял дипломатические поручения и наряду с ними с огромным энтузиазмом изучал восточные языки. Довольно быстро приобрел авторитет ученого мирового уровня. В своих работах Юрий Николаевич показал истоки формирования языков, сложнейшие связи древнеаравийских племенных говоров с берберскими и суданскими языками. При этом он великолепно обосновал роль жеста в восточных наречиях.

В 1934 г. Завадовский женился на Галине Васильевне Сасс-Тисовской, происходившей из украинского гетманского рода. Ее отец, агроном, совершенно случайно был назначен министром сельского хозяйства в правительстве Скоропадского. Естественно, ему пришлось бежать. Впоследствии они с женой и дочерью создали большое фермерское хозяйство на юге Франции. В 1935 г. у Завадовских родилась дочь Светлана, делающая сегодня все возможное для сохранения памяти об отце. Она уже опубликовала о нем ряд статей и устроила вместе с мужем выставку в Доме русского зарубежья.

В 1937 г. в Тунисе в Институте исламских исследований был подготовлен фундаментальный арабо-французский словарь, в 1940 г. – словарь берберского языка, оба словаря составил Юрий Николаевич.

Вторая мировая война застала Завадовских в Анкаре. Там же оказалась и Анна Александровна, приехавшая погостить к сыну. Ходили слухи, что англичане заминируют Дарданеллы, и они решили ехать во Францию. Потом Завадовские вспоминали обо всем с юмором, но во время плавания им было не до шуток. Немцы атаковали пароход, бомбы рвались у самой палубы. Но что значит настоящее мужество показала Анна Александровна – она открыла над головой зонтик, взяла на колени внучку и сказала: «Под этим зонтиком и с молитвой с нами ничего не случится». Так они доплыли до Марселя. Франция была уже оккупирована, а вишистскому правительству русский дипломат был не нужен. Всю войну Завадовские прожили на ферме Сен-Жан у родителей Галины Васильевны. Юрий Николаевич не скрывал своих симпатий к воюющей России, открыто повесил дома карту, где красными стрелками отмечал наступление советских войск. Однажды его даже избили до полусмерти профашистски настроенные соотечественники. Несмотря на военное время, Завадовский сумел издать серию статей по истории ислама, культуре Туниса и продолжал готовить огромный арабский словарь. Между тем продукты доставать становилось все сложнее, родился сын Николай, и скоро оставаться на ферме стало просто опасным. Всей семьей бежали к партизанам.

После войны Юрий Николаевич снова окунулся в свою стихию. Его целиком и полностью захватила египтология. Он находит множество доселе неизвестных следов древних цивилизаций и разрабатывает уникальную систему дешифровки старинных надписей. В Египте, не боясь пересудов, подружился с советским атташе по культуре Михаилом Коростовцевым, будущим знаменитым египтологом. Однажды Михаил Александрович исчез. Оказалось, что его арестовали агенты НКВД, отправили в СССР, а затем – в лагерь. Юрий Николаевич узнал об этом только в Советском Союзе. Там же, в Египте, Завадовский снова встретил своего старого друга по Константинополю – отца Алексия, ставшего уже епископом. Впоследствии египетские власти арестовали владыку, обвинив его в просоветских симпатиях. Завадовскому с огромным трудом удалось вытащить его из тюрьмы. Вся эта история стоила Юрию Николаевичу дипломатической службы.

Но остановить его не могло ничто. Он добивается возможности уехать в Ватикан, чтобы там работать с арабскими рукописями. А затем ему предложили возглавить кафедру в одном из университетов США. Одновременно Завадовского зовут в Прагу, и он выбирает город на берегах Влтавы, чтобы быть поближе к России.

В СССР после долгих и унизительных просьб о гражданстве ученый приезжает в 1953 г. В Москве и Ленинграде бывшему эмигранту, естественно, жить запрещено. Его направляют в Ташкент, и он снова оказывается в объятиях столь любимого им Востока. Там Юрий Николаевич начинает работу над новой темой – наследием Авиценны.

Ему с женой и детьми пришлось жить в маленьком, совершенно необустроенном доме, но эта мазанка быстро стала одним из неофициальных духовных центров Ташкента, городе ссыльных и эвакуированных. Дочь Завадовского Светлана вышла замуж за художника Валерия Волкова, сына замечательного живописца Александра Волкова, сумевшего уловить какую-то удивительную тайну красок Востока. Сам Юрий Николаевич работал в Институте востоковедения. Однажды по доносу в одночасье его перевели в младшие научные сотрудники. Но сдаваться Завадовский не собирался. Он, ученый с мировым именем, второй раз защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал множество трудов по творческому наследию Ибн-Сины, Бируни и Аль-Фараби.

С наступлением оттепели держать в Ташкенте такого специалиста было уже невозможно, и его старый друг Михаил Коростовцев, ставший заведующим отделом Института востоковедения, вызвал его в Москву.

Последние годы (ученый ушел из жизни 3 января 1979 г.) были для него, наверное, одними из самых плодотворных. Завадовский дешифрует западноливийские надписи, исследует мероитские иероглифы. Одна за другой выходят книги. К нему, человеку другой культуры и эпохи, тянутся бесчисленные ученики. И еще он писал свои воспоминания и размышления, которые тоже местами зашифровал. Недаром всей его жизнью владели Восток и любовь к стране, которую он всегда считал единственно своею, – России.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

А.М. Кулегин

МУЗЕЙ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ

Кулегин Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, заведующий редакционно-издательским сектором Государственного Музея политической истории России.

В историческом центре Санкт-Петербурга, на перекрестке Кронверкского проспекта и улицы Куйбышева, находится знаменитый особняк Матильды Кшесинской – главное из зданий, составляющих ныне центральную площадку Государственного музея политической истории России (ГМПИР). Созданный в разгар Гражданской войны в Петрограде 9 октября 1919 г. как Государственный музей революции (ГМР), он затем трижды менял название и место расположения.

За свою более чем 90-летнюю историю первый в России и на всем постсоветском пространстве историко-политический музей переживал периоды бурного расцвета и глубокого кризиса, когда он был обласкан народом и удостоен доверия высших лиц государственной власти, и годы почти полного забвения. Его награждали орденами и подвергали репрессиям.

Идея создания Музея революции родилась более века тому назад на волне Первой русской революции одновременно у представителей различных политических партий и общественных движений – от народников до большевиков. После Февральской революции замысел создания такого музея, казалось, стал стремительно обретать реальные черты. Но Октябрь 1917 г. и начавшаяся затем Гражданская война несколько отодвинула реализацию проектов музея, посвященного «Великой российской революции». Лишь в начале мая 1919 г. в голодном Петрограде, находившемся на осадном положении в связи с угрозой наступления войск генерала Н.Н. Юденича, у наркома просвещения А.В. Луначарского состоялось совещание инициативной группы по созданию Музея революции. На нем присутствовали А.М. Горький, В.Н. Фигнер, историк П.Е. Щеголев и будущие руководители

петроградского музея С.К. Исаков и М.Б. Каплан. Разработанные на совещании предложения получили полное одобрение председателя Петроградского совета Г.Е. Зиновьева. Его торжественное открытие состоялось в залах Зимнего дворца 11 января 1920 г. Целевая установка Музея революции, сформулированная его первой коллегией, в которую входили представители различных течений – от народовольцев до кадетов, от масонов до большевиков (тогда такой плюрализм мнений еще был возможен!), гласила: созданный музей должен стать «центральным музеем, могущим полностью и всесторонне осветить ход и развитие революционных движений в мировом масштабе»[1].

Среди первых экспонатов, составивших основу коллекции музея, памятники истории революционного движения, сведения о жизни и политической деятельности политкаторжан и ссыльнопоселенцев, издания русской подпольной и зарубежной «вольной» печати, собранные народовольцами, узниками Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, большевиками. В числе первых собирателей музейного собрания – шлиссельбуржец М.В. Новорусский, библиограф Академии наук В.И. Срезневский, академик С.Ф. Ольденбург, скульптор И.Е. Гинзбург, писатель М. Горький, руководитель боевой технической группы большевиков Л.Б. Красин, деятели культуры А.В. Луначарский, Н.Е. Буренин, другие политические и общественные деятели того времени.

Уже к середине 1920-х годов наиболее ценными реликвиями музея стали библиотека декабристов, материалы о деятельности четырех Государственных дум, истории Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, часть архивов организаций «Земля и воля» и «Народная воля», большевистские воззвания и листовки небольшевистских партий, рукописи Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, Н.П. Огарёва и многое другое. Мечты строителей новой справедливой жизни запечатлены в уникальных документах, знаменах, лубках, плакатах, открытках и транспарантах первых лет советской власти[2]. С первых лет своей деятельности коллектив музея активно включился в создание коллекции о «революционных движениях в мировом масштабе». В орбите его научных интересов находились Великая французская революция, революции в Германии и других странах Западной Европы, деятельность Коминтерна, МОПРа. К середине 1930-х годов сформировалась целая сеть филиалов Музея революции: Трубецкой бастион Петропавловской

1. Артемов Е.Г., Кулегин А.М. Рожденный трижды. Государственному музею политической истории России 90 лет (1919–2009). – СПб., 2009. – С. 11.

2. Об истории и содержании коллекции ГМПИР подробнее см.: Артемов Е.Г. Столетие, вместившее века // «Изъятию не подлежит… Хранить вечно!» 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907–2007. – СПб., 2007. – С. 7–23; Ходаковская С.А. Истории застывшие мгновения // Там же. – С. 27–30.

крепости, Шлиссельбургская крепость, «Шалаш» и «Сарай» в Разливе, музей В.И. Ленина в Смольном, усадьба графа А.А. Аракчеева в Грузино и др.

В первое десятилетие жизнь музея бурно развивалась, проводилась активная экспозиционная и выставочная работа. Но в тоталитарном государстве длительный «роман» исторического музея и власти без ущерба для музея и исторической науки оказался невозможен. Серьезные трудности начались уже на рубеже 1930-х годов. По стране прокатилась волна свертывания музеев, особенно досталось «буржуазному краеведению». Постепенно закрылись все «исторические комнаты» в Зимнем дворце, в которые ранее были превращены покои российских императоров с сохранившейся обстановкой. «Гром» окончательно грянул вскоре после убийства С.М. Кирова. На заседании бюро Ленинградского горкома ВКП(б) 22 мая 1935 г. были вскрыты «серьезные методологические ошибки» в экспозиционном показе истории революционного движения и коммунистической партии. Музей закрыли на шесть месяцев. Основные причины коренной перестройки экспозиций лежали в необходимости трансформации всего музейного показа через призму пресловутой «теории двух вождей революции» – Ленина и Сталина, а также в связи с переходом целого ряда партийных лидеров и деятелей революционного движения в разряд противников советской власти, а то и просто «врагов народа»[3].

С этого времени и все последующие годы из экспозиции музея изымались и отправлялись в «спецхран» музея неугодные власти экспонаты. Из документов и фотографий в массовом порядке вымарывались «не заслуживающие исторической памяти» фамилии и лица, какие-то экспонаты фальсифицировались или просто уничтожались. Ценнейшие свидетельства политической жизни страны заменялись в экспозициях на пропагандистские материалы о всемирно-историческом значении победы социализма в СССР. Изымались из экспозиции целые разделы, отражающие революции в Европе. Уничтожение экспонатов проводилось зачастую без обязательных описей, целыми пачками, коробками, ящиками.

6 января 1945 г. президиум Ленгорисполкома принял роковое для судьбы музея решение о передаче всех занимаемых им помещений в Зимнем дворце Государственному Эрмитажу. В течение последующего десятилетия основной площадкой деятельности ГМР стала Петропавловская крепость. Этот период стал одним из самых сложных и трагических в судьбе музея. После так называемого «Ленинградского дела» вновь начались бесконечные чистки фондов от «порочных и политически вредных материалов». Их жертвами

3. Артемов Е.Г. К вопросу о периодизации истории музея Великого Октября // Первый историко-революционный. Материалы конференции, посвященной 70-летию музея. – Л., 1989. – С. 31–32.

стали десятки тысяч уникальных музейных предметов, прежде всего документов, фотографий, листовок и плакатов небольшевистских партий, Белого движения, а также пресловутых «врагов народа». Сохранив большую часть своего собрания в годы «большого террора», сумев уберечь их под снарядами и бомбами в период блокады, ГМР в первое послевоенное десятилетие лишился более 110 тыс. своих экспонатов. Отдельные коллекции сократились более чем в 2 раза. Так, только за 1950–1952 гг. музейное собрание листовок уменьшилось с 34 376 до 9850 единиц. Сейчас, к сожалению, почти невозможно с точностью установить название и содержание большинства включенных в эти списки листовок, документов и других материалов. Почти все они сопровождаются стандартными аннотациями: «контрреволюционная, клевета на большевиков, П.С.Р.» (партия социалистов-революционеров. – *А.К.*), «воззвание против Ленина», «меньшевистская, антикоммунистического содержания». Фактически значительная часть музейных материалов была утеряна безвозвратно. На ряде списков имеется типовой штамп экспертно-проверочной комиссии архивного отдела Управления МВД по Ленинградской области «Разрешается уничтожить»[4].

Лишь хрущёвская «оттепель» создала благоприятные возможности для возрождения музея. В декабре 1954 г. Ленгорисполком, наконец, принимает решение о передаче музею двух зданий на Петроградской стороне – особняков М.Ф. Кшесинской[5] и В.Э. Бранта[6].

Началось возрождение, а точнее – второе рождение музея. 5 ноября 1957 г. практически заново был открыт Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции. Более 6 тыс. экспонатов отражали историю ее подготовки и свершения, а также период социалистического строительства в СССР. Это время открыло для научных сотрудников музея новые возможности формирования коллекции. После первых политических реабилитаций в фонды стали поступать материалы из семейных архивов, документы о политических процессах, репрессиях, лагерях. В дар музею передавались уникальные экспонаты от реабилитированных «врагов народа», от детей и родственников видных государственных и политических деятелей, деятелей культуры и науки.

4. Артемов Е.Г., Кулегин А.М. Рожденный трижды. Государственному музею политической истории России 90 лет (1919–2009). – С. 24.

5. Об истории особняка М.Ф. Кшесинской подробнее см.: Бобров В.Д., Кириков Б.М. Особняк Кшесинской. – СПб., 2000.

6. История особняка, принадлежавшего лесопромышленнику-миллионеру Василию Эммануиловичу Бранту, до сих пор изучена недостаточно. Одним из первых специальных исследований, посвященных этой интересной теме, стала большая статья С.С. Александровой в недавно вышедшем сборнике материалов научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России (СПб., 2010, с. 178–194).

Научные экспедиции по сбору экспонатов осуществлялись по всему Советскому Союзу. В 1960-е и 1970-е годы в коллекцию поступили новые уникальные экспонаты о восстановлении разрушенного войной народного хозяйства страны, о достижениях в социальной сфере, в области науки, культуры, искусства. Фонды пополнились ценнейшими свидетельствами истории становления Советского Союза.

Непосредственно на площадках грандиозных всесоюзных ударных строек, таких как Байкало-Амурская магистраль (БАМ), газопровод «Уренгой – Помары – Ужгород», Ленинградская атомная электростанция, Волжский автомобильный завод в г. Тольятти и других, собирали подлинные свидетельства этих реальных достижений.

В музее формировалась замечательная коллекция по освоению космоса из материалов С.П. Королёва, М.К. Янгеля, Ю.А. Гагарина, В.В. Терешковой. Поступили в музей и материалы выдающихся ученых, деятелей литературы и искусства: Л.О. Утёсова, В.П. Марецкой, Н.А. Черкасова, Ю.Х. Темирканова, К.Ю. Лаврова. Достижения тех лет запечатлены в фотографиях, афишах, билетах, программах театров «Ленком», «Современник», театра на Таганке, в материалах о художественных выставках и поэтических вечерах. Позднее, в годы перестройки, было сформировано обширное собрание «самиздатовской» и «тамиздатовской» литературы, «неформальной печати», материалов по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР[7].

В середине 1970-х годов музей пополнился двумя филиалами: зданием бывшей Лесновско-Удельнинской подрайонной думы на Болотной улице, 13, где в ночь на 16 октября 1917 г. на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) было окончательно принято решение об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, и Мемориальным музеем-кабинетом Ф.Э. Дзержинского в знаменитом здании на Гороховой, 2. В настоящее время оба эти филиала преобразованы: первый – в Детский музейный центр исторического воспитания, второй – в Музей истории политической полиции и органов государственной безопасности России XIX–XX вв.

Происшедшие в конце 1980-х – начале 1990-х годов перемены в общественно-политической жизни страны поставили музей перед необходимостью осмысления его нового общественного предназначения.

Музейщикам уже давно набили, что называется, оскомину постоянный партийный диктат и усиливающаяся запретительная тенденция строгих советских цензоров. Например, никак нельзя было убедить в необходимости

7. Об истории «диссидентской коллекции» ГМПИР, насчитывающей ныне свыше 500 экспонатов, подробнее см.: Шаврукова М.В. «Диссидентская коллекция» ГМПИР (содержание, источники и проблемы комплектования) // Политическая история России. Теория и музейная практика. Сб. науч. трудов. Вып. VI. – СПб., 2008. – С. 107–120.

показать министров Временного правительства не в виде карикатуры Кукрыниксов, а на имеющихся в музейной коллекции подлинных фотографиях. А снимок, на котором юнкера и офицеры во время встречи на Александровском вокзале несут на руках приехавшего на Государственное совещание в Москву генерала Лавра Корнилова, вызывал просто однозначную реакцию: «Нельзя в экспозиции пропагандировать контрреволюцию!» Никакие ссылки сотрудников на то, что эта фотография не раз уже была опубликована в советское время в различных изданиях, в расчет не принимались. Нельзя, потому что… нельзя.

Уже в самом начале перестройки коллектив без одобрения «сверху» ликвидировал «спецхран» музея и стал включать в экспозиции и выставки материалы, запрещенные ранее к показу. Желание музея пойти навстречу общественным запросам воплотилось в создание в 1988 г. выставки «Разрешается к обозрению!» Публике были представлены ранее неизвестные материалы о деятельности В.М. Пуришкевича, В.М. Чернова, А.Ф. Керенского и «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, анархистов; диссидентов советской поры, документы и фотографии так называемых советских «невозвращенцев» и многие другие впервые публикуемые материалы. Экспозиция, название которой воспроизводило разрешительный штамп советской цензуры, вызвала тогда у горожан огромный интерес. К находящемуся рядом со Смольным зданию Дома политического просвещения, где проходила выставка, наверное, в первый и последний раз в его истории, выстраивались длинные очереди.

После этого успеха коллектив окончательно поверил в себя и твердо взял курс на показ отечественной истории без изъятий и купюр. Переосмысление коллекции, активная собирательская работа и новая научная концепция музея позволили создать ряд знаковых для музея выставок, одни названия которых прежде расценивались бы властью как антисоветские. Среди них такие проекты как «Сталинизм в судьбах людей», где впервые было открыто рассказано о репрессивной политике сталинского времени и представлены материалы узников ГУЛАГа; «Трудные пути демократии», на которой мы в первый раз показали документы о многопартийных выборах в Советы и Учредительное собрание. На выставке «Я выбираю свободу…» впервые в музейной практике были представлены материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР. Не могли мы обойти стороной и такое новое явление как развитие в период перестройки забастовочного движения. Массовой забастовке угольщиков была посвящена выставка «Жаркое лето Кузбасса», материалы для которой были собраны непосредственно в ходе самой акции.

14 августа 1991 г. за неделю до августовского путча последний министр культуры СССР Н.Н. Губенко по ходатайству коллектива принял решение об изменении статуса музея и его переименовании. Уникальная коллекция и

опыт сотрудников в новых условиях позволили преобразовать прежний музей одной партии в Государственный музей политической истории России (ГМПИР) с показом в экспозиции широкого спектра политических сил России прошлого и современности. Символично, что первая выставка музея в новом качестве и с новым названием открылась в разгар путча ГКЧП 21 августа 1991 г. и называлась «Демократия или диктатура? Политические партии и власть в России от самодержавия до перестройки». Эта выставка в течение последующих десяти лет выполняла функции главной стационарной экспозиции ГМПИР. Особенно большой интерес проявляли к ней посетители в первой половине 1990-х годов, когда в России шел бурный процесс образования новых политических партий и движений. Зачастую единственным источником сведений для партийного строительства оказывались материалы музейной экспозиции, где были представлены программные документы всего спектра «исторических» партий России: от ультралевых до крайне правых[8]. Поэтому на выставке в те времена часто можно было видеть функционеров новых политических образований, старательно конспектирующих свидетельства деятельности их предшественников.

Новые условия и связанные с ними социальные надежды побуждали сотрудников музея активизировать усилия по пополнению его коллекции. Они собирали материалы в самый разгар путча ГКЧП на баррикадах среди защитников Мариинского дворца и в еще дымящихся после обстрела и пожара помещениях Белого дома в Москве в октябре 1993 г. Коллекции обогатились редкими материалами о советской эпохе и новейшей истории России, столетней истории российского парламентаризма и деятельности современных политических партий и движений. Одно только перечисление имен политических и государственных деятелей советской и постсоветской эпохи, чьи материалы сегодня хранит музейная коллекция, говорит само за себя. Она включает документы и личные вещи Н.С. Хрущёва и А.И. Микояна, Г.М. Маленкова и А.Н. Косыгина, Е.А. Фурцевой и Г.В. Романова, М.С. Горбачёва и Н.И. Рыжкова, Л.Н. Зайкова и А.А. Собчака, Г.А. Явлинского и Г.В. Старовойтовой, Е.Т. Гайдара и И.М. Хакамады, В.В. Жириновского и С.М. Миронова, а также других видных деятелей прошлого и современности.

К ним следует добавить документы и вещи, принадлежащие последнему российскому императору Николаю II, другим членам династии Романовых, видному реформатору С.Ю. Витте, депутатам Государственной думы, известным революционерам.

8. Подробнее о выставке «Демократия или диктатура?» см.: Государственный музей политической истории России. Путеводитель. – СПб., 1995. – С. 48–57.

За последнее десятилетие музей осуществил целый ряд выставочных проектов по истории государственных дум дореволюционной и современной России[9]. С большим успехом проходила демонстрация выставок по истории парламентаризма в колыбели российской демократии – Таврическом дворце. Подлинные исторические памятники были призваны показать, что без органа государственной власти, в котором представлены выборные представители от всех групп населения страны, невозможно развитие гражданского общества. Редко кто из посетителей пройдет мимо таких раритетов, как колокольчик председателя Государственной думы, который звучал также на бурном единственном заседании Всероссийского Учредительного собрания, или картина художника В.В. Полякова, запечатлевшая торжественный прием императором Николаем II депутатов I Государственной думы в Зимнем дворце 27 апреля 1906 г.»[10] В 2006 г. к 100-летию Первой Государственной думы музей выпустил содержательный каталог-путеводитель по этой уникальной коллекции[11].

Сегодня в фокусе интересов музейных историков находятся проблемы взаимоотношений власти и различных социальных групп. Они нашли свое отражение в ходе реализации долгосрочного выставочного проекта «Власть и общество», представляющего собой серию последовательно сменяющих друг друга выставок «Культура и политика»[12], «Мода и политика» (эти две выставки вызвали большой интерес у посетителей), «Бизнес и политика», «СМИ и политика» и других важнейших составляющих жизнедеятельности российского общества.

Ослабление в конце 1980-х – начале 1990-х годов духовных и морально-этических устоев общества, а также резкое сокращение форм организованного досуга детей, подтолкнуло музей к поиску новых форм работы с детско-юношеской аудиторией. Так родилась идея создания одного из первых в

9. Подробнее о проектах ГМПИР, связанных с историей российского парламентаризма, см.: Калмыков А.Г. Научное и экспозиционное освоение думской коллекции Государственного музея политической истории России в 1991–2006 гг. // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы. Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. – СПб., 2006. – С. 347–358.

10. Об этих уникальных предметах из музейной коллекции см.: «Изъятию не подлежит… Хранить вечно!». 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907–2007. – СПб., 2007. – С. 109–110.

11. История российского парламентаризма. Коллекция Государственного музея политической истории России: Иллюстрированный путеводитель / Под ред. А.Г. Калмыкова, А.М. Кулегина. – СПб., 2006.

12. Об экспонатах, определивших содержание выставки «Культура и политика: От обличения до любви», см.: Смирнов А.П. К чему вам политика, мастера культуры? (Обзор музейной коллекции по теме «Творческая интеллигенция и политика») // Политическая история России. Теория и музейная практика. Сб. науч. трудов. Вып. VI. – СПб., 2008. – С. 72–92.

России детского исторического музея (ДИМа). ДИМ существует как пространство свободного и естественного общения детей с музеем, где «экспонаты трогать руками разрешается». В этом музее были созданы музейно-педагогические пространства «Земская школа» и «Городская гимназия» второй половины XIX в.; а также «Кабинет музейного историка» – своеобразная кладовая древностей, наполненная различными видами музейных предметов.

В Детском музейном центре исторического воспитания на улице Болотной, 13, который стал развитием концепции ДИМа, сегодня работает экспериментальная площадка детских музейных программ «Россия в океане истории», где идея государственности предстает в символическом образе корабля, отправившегося в дальнее плавание. Таким образом, успешно решается главная задача ДИМа – восхождение подрастающего поколения к более сложному уровню восприятия отечественной истории, формирование у него чувства исторической связи времен, толерантности и в конечном счете политической культуры россиян, патриотов своего Отечества. Ведь перемены в обществе происходят тогда, когда происходят перемены в детях[13].

Уход музея от навязывания готовых политических оценок, как это делалось ранее, значительно увеличил доверие к музейным экспозициям. Выставки, основанные на подлинных свидетельствах исторических событий, повышают научный авторитет музея и обеспечивают ему общественную поддержку. Стационарная экспозиция «Советская эпоха: между утопией и реальностью», выстроенная на подлинных экспонатах, по замыслу ее авторов, предлагает посетителю, ни на миг не забывая о безвинных жертвах и человеческих трагедиях тоталитарного режима, оценить достойные признательности деяния нескольких поколений советских людей.

Подтверждением нового подхода к показу истории России является деятельность филиала музея «Гороховая, 2», где прежде размещались управления Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции, а затем ВЧК. Популярность, которой пользуется ныне Музей истории политической полиции и органов государственной безопасности России XIX–XX вв. «Гороховая, 2», завоевывалась на выставках «От голубого мундира жандарма до черной маски спецназа», «Органы государственной безопасности России против шпионажа и терроризма», «Погоны чекиста на женских плечах». Сегодня с большим успехом осуществляется перспективный выставочный проект «КГБ СССР: люди, судьбы, операции». Впервые среди открытых для широкой аудитории музеев демонстрируются уникальные рассекреченные документы о наиболее громких операциях советских спецслужб против

13. Артемов Е.Г., Кулегин А.М. Рожденный трижды. Государственному музею политической истории России 90 лет (1919–2009). – СПб., 2009. – С. 43–45.

шпионов и террористов, личные вещи и документы участников событий в таких «горячих точках», как Афганистан и Чечня. Все это, несомненно, способствует выработке у посетителей критического объективного взгляда на прошлое, без глумления над жизнью старших поколений, без отождествления отношения к политическому режиму с отношением к своему Отечеству.

Успех у публики достигается новыми подходами к созданию экспозиций по самым злободневным и противоречивым проблемам российской истории. Даже в трудные 1990-е годы в условиях почти полного отсутствия финансирования научный коллектив не ослабил своего творческого поиска. Результатом явилось создание целого ряда новаторских экспозиционно-выставочных проектов. На экспозиции «Воспоминание о будущем? Россия в 1917 и начале 1990-х гг.» мы впервые в музейной практике применили метод исторических параллелей. Сопоставление двух переломных кризисных эпох способствовало лучшему пониманию реалий как прошлого, так и современности. Выставка-инсталляция «Кто убил Николая II?» создавалась в 1998 г. как юбилейный проект к 80-летию гибели семьи последнего российского императора и торжественному перезахоронению ее останков в Петропавловском соборе и не планировалась для длительного экспонирования. Однако она неожиданно даже для организаторов стала чемпионом по посещаемости среди других экспозиций ГМПИР, и по настойчивым просьбам посетителей, особенно учителей и преподавателей, ее работа несколько раз продлевалась и длилась почти пять лет.

На рубеже веков музейщики взялись за совершенно необычный проект «Дьявол или пророк? Г.Е. Распутин в судьбе России». Музей располагает рядом раритетов, связанных с этой скандальной личностью (в их числе, например, фотографии «старца» с его автографом, следственный фотоальбом «Смерть Распутина-Новых» или подлинный рукописный акт о сожжении тела Распутина в марте 1917 г.). Дополнив их архивными разысканиями, авторы сумели создать оригинальное музейное произведение, где главным стал анализ феномена распутинщины как социального явления. Выставка несколько лет демонстрировалась на основной площадке музея, а ее «разъездной вариант» мы с успехом показали посетителям ряда российских городов.

Обращенность к личностям отличает все лучшие выставочные проекты ГМПИР последних лет. В их числе состоящий из четырех выставок проект «Образы советских вождей. Реальность. Утопия. Критика» (2009); выставка «Раиса (к юбилею Р.М. Горбачёвой)», которую ГМПИР подготовил совместно с «Горбачёв-фондом» и семьей первого президента СССР (2009). Вообще, выставки персонального характера, рассказывающие об известных деятелях прошлого и современности, – это один из «коньков» музея. Персонажами на них становились граф Сергей Витте и Григорий Распутин, Галина Старовойтова и Анатолий Собчак, Лев Троцкий и Георгий Гапон. Выставка «посеяв-

ший бурю», посвященная 140-летию Г.А. Гапона, с успехом проходила весной 2010 г. Самое удивительное, – на выставку откликнулись даже родственники Гапона из ближнего зарубежья.

В постоянном диалоге с посетителем музей не избегает обращаться к самым трудным и болезненным проблемам. Подтверждением тому служит открывшаяся в конце 2010 г. большая выставка: «Смертная казнь: за и против», в центре внимания которой роковой для нашей страны вопрос о цене человеческой жизни. Аргументы сторонников и противников ее применения представлены на выставке в книгах и судебных речах, в цитатах из теоретических трудов и публицистических произведений писателей, журналистов, криминологов, юристов, общественных деятелей и простых людей. Среди них – знаменитое «Не могу молчать» Л.Н. Толстого (1908). Правовые акты, тексты приговоров, предсмертные письма приговоренных к высшей мере, мемуары узников, свидетельства палачей, личные истории казненных, в том числе С.Л. Перовской (1881) и начальника Морских сил Балтийского флота адмирала А.М. Щастного (1918).

Накопленный за последние годы опыт позволил коллективу музея приступить к реализации, не имеющей аналогов в России, уникальной по содержанию и оригинальной по образному решению экспозиции на тему «Личность и власть в России. Российская империя. Советский Союз. Российская Федерация (конец XVIII – начало XXI в.)». Она представит посетителю обзор важнейших событий и переломных этапов жизни российского общества на протяжении последних двух веков и призвана сыграть роль своеобразного «ядра» во всей системе действующих сегодня, создаваемых и будущих экспозиций и выставок. Возможно, создание этой экспозиции станет началом очередного этапа в судьбе музея, откроет новую главу в его биографии как принципиально нового историко-политического музея XXI в.

Активная творческая позиция музея получает высокую оценку общественности. Неоднократно ГМПИР становился призером Всероссийского фестиваля «Интермузей», а в 2004 г. получил его главный приз и был назван лучшим музеем. В 2010 г. ГМПИР принял участие в борьбе за премию «Музейный Олимп» – своеобразный аналог музейного «Оскара», учрежденную Комитетом по культуре Санкт-Петербурга и Межведомственным музейным советом. Музей единственный среди всех участников стал победителем сразу в двух программах: «Номинации года» (ей стал наш выставочный проект «Другая война», посвященный 65-летию Победы), и «Музейная книга». Приз достался подготовленному ГМПИР научно-популярному иллюстрированному изданию «Судьбы людей. “Ленинградское дело”»[14].

14. «Судьбы людей. “Ленинградское дело”». – СПб., Норма, 2009.

Музей сегодня – экспозиции, выставки, научные конференции, круглые столы по наиболее актуальным и острым проблемам, научные командировки и экспедиции. Все формы музейной работы обращены к посетителю различных категорий – от дошкольника до пенсионера. Конечно, главный «клиент» ныне – это школьники, студенты, курсанты военных училищ.

Когда-то на рубеже 1980-х посещаемость достигала 500 тыс. человек в год. Музейные залы работали тогда буквально на пределе своей пропускной способности. Посещение Музея Октябрьской революции было обязательным атрибутом основных туристических маршрутов, турпоездов, экскурсионных автобусов, речных круизных теплоходов. Сегодня эти цифры держатся стабильно на уровне чуть выше 100 тыс. в год.

В последние десятилетия музейные выставки экспонировались не только во многих городах России, но и в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки.

В основе всех экспозиционно-выставочных проектов – богатейшая коллекция ГМПИР, которая ныне насчитывает около полумиллиона экспонатов и продолжает постоянно пополняться.

В настоящее время хронологически она охватывает период российской истории, начиная от царствования Екатерины II до самых последних событий политической жизни сегодняшней России и ее формирование не прекращается ни на один день. Иначе говоря, Государственный музей политической истории России – это современный историко-политический музей с открытым финалом.

П.М. Шульгин

ВОЛОГДА – СТОЛИЦА РУССКОГО СЕВЕРА

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Русский Север как целостное явление российской культуры представляет собой особый регион российского и культурного наследия, уникальный памятник мировой культуры. До настоящего времени Русский Север сохранил во многом нетронутым пласты народной культуры и народного творчества. Здесь сконцентрированы выдающиеся архитектурные памятники – замечательные образцы деревянного зодчества, десятки монастырских ансамблей, исторические города. Русский Север сохранил также традиционную систему сельского населения и облик старинных древнерусских сел, исторические промыслы и традиционные формы природопользования. Здесь по-прежнему существуют природные ландшафты, естественное культурно-ландшафтное окружение большинства старинных сел и городов, сохранилась естественность и красота северной природы.

Именно Русский Север сберег для современников величие истории наших предков – их былины, сказы, песни, традиционные ремесла и промыслы. Но еще важнее то, что Русский Север представляет регион живой традиционной культуры, территорию, хранящую самобытное культурное и природное наследие России. Наследие Русского Севера представляет собой уникальный феномен мирового культурного наследия, во многих аспектах не имеющий аналогов в мировом культурном развитии.

В традиционном понимании пространство Русского Севера включает территорию Архангельской и Вологодской областей, севера Кировской и северо-востока Ленинградской областей, восточной части Карелии и юга Мурманской области. На представительские центральные (столичные) для Русского Севера функции, как правило, претендуют два города – Вологда и

Архангельск. Другие крупные города этого региона, например Петрозаводск и тем более Мурманск, вряд ли можно назвать «столицами Русского Севера» – из-за менее древней истории их основания, меньшего массива исторических событий, связанных с историей освоения Севера и историей российского государства в целом. Петрозаводск и Мурманск к тому же имеют небольшое число памятников истории и культуры, относящихся именно к традициям русского северного зодчества; этим они значительно проигрывают в культурном восприятии и не осознаются как «столица Русского Севера».

Многие небольшие города, которые, несомненно, являются выдающимися архитектурными и градостроительными шедеврами севера России, например, такие как Великий Устюг, Тотьма, Каргополь, Сольвычегодск, Соликамск, Чердынь также невозможно назвать столицами в связи с небольшим их населением и региональным статусом в системе регионального разделения функций. Скорее, правильно называть их жемчужинами Русского Севера в бесценном ожерелье малых и средних исторических поселений этого региона.

Именно Вологда и Архангельск сыграли самую заметную роль в освоении Севера, они были губернскими центрами и крупными городами с экономическими и культурными функциями, несомненна и их культурная роль в развитии окружающих территорий.

Сравнивая Вологду и Архангельск, нельзя не отметить следующее:

– Вологда была основана в 1174 г., уже на раннем этапе развития русского государства этот город играл важную роль в жизни всей страны, Архангельск был основан только в конце XVI в.;

– в Вологде сохранились несколько десятков церквей, традиционные жилые кварталы деревянной застройки, другие многочисленные памятники истории и культуры; в современном Архангельске сохранилось всего несколько старинных церквей, старая городская деревянная застройка практически исчезла, многие памятники истории и культуры, к сожалению, были разрушены;

– с Вологдой тесно связана история монастырского освоения всех северных земель, духовное и культурное начало освоения Русского Севера;

– в Вологде действовала региональная иконописная школа, ряд традиционных промыслов, включая знаменитое кружевное производство (Вологодские кружева), особые северные культурные традиции как кулинарии (например, вологодское масло), так и производства (например, льняные ткани).

Эти факторы позволяют говорить о Вологде как о реальной культурной столице Русского Севера. Это утверждение находит множество доказательств:

– Вологде планировалось предоставить столичные функции в период правления Ивана Грозного, когда он начал сооружать здесь самый северный в России кремль и думал перенести сюда свою резиденцию;

– в 1918 г. Вологда исполняла столичные посольские функции – в городе разместились посольства большинства крупных стран мира, находящиеся в то время в России, после переезда их из Петрограда;

– Вологда долгое время была фактически северными водными воротами страны: через Вологду шли в Россию первые английские (и другие заморские) торговые пути; через Вологду Петр I начал освоение севера; через Вологду по Северной Двине к Белому морю и обратно, а позже через систему каналов в Санкт-Петербург шли речные торговые караваны;

– Вологда стала главным столичным железнодорожным центром Русского Севера, соединив столичные города России (Москву и Санкт-Петербург) со многими северными районами;

– культурные, образовательные традиции Вологды и даже политическая ссылка связали этот город с множеством великих людей российского государства.

Действительно, исторические, экономические и политические факторы переплетались в Вологде, как ни в одном другом крупном северном городе. Даже короткий период пребывания здесь зарубежного посольского корпуса оставил след не только в вологодской летописи, но и в истории всей страны.

Идея столичности, на которую претендует Вологда, требует своего образного подтверждения в городском пространстве. Разнообразные особенности Русского Севера в той или иной степени воплощаются в достопримечательных местах Вологды, в ее отдельных площадях, кварталах. Причем не только какие-нибудь памятные знаки, стелы, а именно исторические участки городской среды. Например, комплексы уникальных архитектурных памятников или же традиционные для Вологды кварталы деревянной городской застройки, отражающие общую для Русского Севера особенность активного использования дерева в жилой архитектуре, характеризующие типы построек и уникальный декор деревянных домов. Подобные участки городской среды Вологды были названы «локусами столичности». Каждый такой «локус» представляет собой небольшую городскую территорию, которая ассоциируется с тем или иным элементом северной столичности.

Наиболее важным и ценным культурно-ландшафтным районом города служит комплекс Вологодского кремля с окружающей территорией (Кремлевской площадью, Кремлевским садом, Соборной горкой и примыкающей набережной). Основные ресурсы столичности этого локуса следующие:

– история места – возможность перенесения сюда столицы русского государства во времена Ивана Грозного и начало строительства здесь огромного кремлевского комплекса;

– кремлевская архитектура (Успенский собор Московского Кремля как прототип Софийского собора в Вологде);

– Вологодский музей-заповедник как один из музеев высокого уровня не только общероссийского, но и мирового значения (по богатству коллекций, опыту реализации международных и российских проектов);

– новый Музей кружева – единственный в мире значительный музей подобной специализации (его открытие усиливает столичный статус этого локуса).

Для локуса характерна кремлевская топонимика: кремль, Кремлевская площадь, Кремлевский сад, Соборная горка. Окружение кремлевского комплекса составляют красивые церковные здания (церковь Михаила Архангела, церковь Покрова на Торгу), памятник поэту К.Н. Батюшкову, хорошо сохранившийся ландшафт этого места – парковая зона вокруг Кремля и выход на реку Вологду. Парки заложены на месте городских укреплений во времена Ивана Грозного (важное свидетельство столичности). За последний год эта территория приобрела ухоженный и даже изысканный вид. Проведена реставрация многих архитектурных объектов и, в частности, всех зданий, окружающих Вологодский кремль. Обновлено мощение территории и осуществлено ландшафтное благоустройство. В результате весь кремлевский комплекс и окружающая его территория приобрели вид, абсолютно не уступающий уровню благоустройства исторических центров знаменитых европейских городов.

Еще один весьма ценный исторический участок – это целостный фрагмент старинного Верхнего посада Вологды (район улицы Засодимского). Впечатление, которое он производит, позволяет заключить: «деревянная Вологда – образ Русского Севера». В центре этого культурно-ландшафтного района находятся два классических для своего времени храма – шатровая церковь Ильи Пророка на Каменье XVII в. и церковь Варлаама Хутынского XVIII в. Храмы доминируют над хорошо сохранившейся деревянной застройкой, в основном второй половины XIX в., которая отличается большим разнообразием форм и стилей. При этом полтора десятка деревянных зданий относятся к памятникам архитектуры. Небольшая часть зданий занята учреждениями культуры – Домом актера, замечательным музеем «Мир забытых вещей», который воссоздает городскую атмосферу второй половины XIX в.

Неправильно дугообразная форма улицы Засодимского – уникальна для прямоугольной регулярной планировки города. Своеобразный образ старого города подчеркивает восстановленная булыжная мостовая. Именно здесь предполагается сохранить и восстановить участок северного деревянного губернского города, разместить в старинных домах новые музейные экспозиции, приспособить часть из них под малые гостиницы для туристов. В целом этот локус может быть подан как «типичный северорусский городской квартал XIX века».

Другим примером «локуса столичности» Вологды может быть назван Домик Петра I с окружающей территорией. Петровский домик был построен в конце XVII в. Первоначально он принадлежал голландскому купцу И. Гутману, который вел широкую торговлю аптекарскими товарами в Москве, Вологде, Архангельске и других русских городах. С 1694 по 1724 г. в его доме не раз останавливался Петр I во время своих посещений Вологды. В 1872 г. в связи с 200-летним юбилеем со дня рождения Петра I сильно обветшавшее здание, используемое под склад, было приобретено в собственность городом, и в 1885 г. в нем был открыт мемориальный музей (в настоящее время – филиал Вологодского музея-заповедника). Это старейший музей Вологды и всего Русского Севера (в 2010 г. ему исполнилось 125 лет).

Дальнейшая архитектурно-реставрационная деятельность в этом районе должна подчеркнуть роль Вологды как главного исторического пути на Север, как начала петровских преобразований и выхода России к морям. В этом районе много лет находились главные речные причалы Вологды. Сегодня предполагается восстановить судоходство по реке Вологде, притоке Сухоны; рассматривается интересная идея реконструкции кораблей петровского времени и организации в одном из них музейной экспозиции.

Еще одним из «локусов столичности» может быть названа Привокзальная площадь. Она должна восприниматься не как вокзальная площадь региональной столицы, а как своего рода вокзал «столицы Русского Севера». Должен быть разработан нестандартный проект преобразования площади, в котором Вологда представила бы себя безусловным лидером среди столиц северных регионов Европейской России.

Старая привокзальная площадь (ныне площадь Бабушкина) может стать местом своеобразного форума – общественной площади, воротами в исторический город и одновременно воротами на Север России. Этому способствуют сохранившиеся здесь несколько интересных памятников истории и культуры. Действующий вокзал Вологды практически не менял своего облика с начала XX в., сохранилось также и старое деревянное здание еще более раннего вокзала. В вокзальный комплекс входят многие архитектурные и инженерные исторические сооружения, среди которых есть уникальные объекты, такие как металлическая ажурная гиперболоидная водонапорная башня конструкции инженера Шухова (автора шаболовской радиобашни в Москве). Грамотный проект реконструкции привокзальной площади может придать ей запоминающийся облик, здесь будет организован Музей исторического железнодорожного транспорта.

Образ этой площади может быть подкреплен установкой памятного знака, олицетворяющего роль Вологды как транспортной столицы Европейского Севера. Им может стать монумент «Средокрестие путей Русского Севера», в котором идея транспортного освоения Севера будет выражена с помощью

карты речных, шоссейных и железнодорожных путей, скульптурными изображениями транспортных средств разных эпох (конная повозка, паровоз, автобус, дирижабль).

Система локусов столичности (их может быть выделено около десяти), или система городских территорий, в наибольшей степени соответствующих идее столицы Русского Севера, при рациональной организации помогут Вологде сформировать оригинальный «столичный ландшафт», станут своеобразными участками музея под открытым небом и одновременно привлекательными территориями для развития туризма.

Особую роль в придании городу столичности должна сыграть система культурных мероприятий. В настоящее время Вологда чрезвычайно активный в культурном отношении город. Здесь проводятся как общероссийские, так и международные встречи, различные фестивали. Среди них высокую оценку получили музыкальный международный юношеский конкурс имени Валерия Гаврилина и Международный театральный фестиваль «Голоса истории». В городе устраиваются писательские и поэтические встречи («Рубцовская осень», «Шаламовские чтения»), проводятся театральные и кинофестивали. Примером могут служить театрально-концертный проект «Лето в Кремле» и международный фестиваль молодого европейского кино «Voices». Развита система местных праздников: «День города», «Масленая неделя» и др.

Культурная жизнь города все больше приобретает «северный акцент». Так, с открытием нового оригинального Музея кружева была подана заявка на вступление в Международную организацию коклюшечного и игольного кружева. В 2011 г. намечалось принять мастеров кружевного искусства из разных стран мира, которые будут плести единое кружево в Вологде на конгрессе этой организации. Возможно проведение регулярных международных встреч специалистов и мастеров по кружеву в Вологде.

Очень интересными могут стать международные музыкальные встречи на базе конкурса имени Валерия Гаврилина. В частности, планируется провести *фестиваль северной музыки*, пригласив на него исполнителей и авторов Севера России и северных европейских стран. Музыка Сибелиуса, Грига, Гаврилина будет широко звучать на этом фестивале.

Весьма перспективной может стать идея проведения в Вологде Дней северной литературы и поэзии. Эти мероприятия неплохо бы совместить с «Шаламовскими чтениями» и «Рубцовской осенью», где может быть представлено не только творчество выдающихся скандинавских писателей (Ибсен, Гамсун и др.), но и творческий потенциал Русского Севера (от Ломоносова до Абрамова). Вологодская земля с плеядой своих знаменитых писателей и поэтов (Батюшков, Шаламов, Яшин, Рубцов, Белов и др.) занимает в этом ряду очень достойное место.

Возможно проведение под знаком «Вологда – столица Европейского Севера» и других мероприятий, таких, как творческий конкурс специалистов по реставрации памятников деревянного зодчества (именно страны Северной Европы и России имеют подобных специалистов); международный кулинарный конкурс «Рецепты северной кухни». На 2018 г. целесообразно запланировать акцию, посвященную 100-летию пребывания в Вологде посольств зарубежных государств.

Сегодня вполне реальной задачей становится позиционирование Вологды как столицы Севера всей Европы. Действительно, интересно рассмотреть вопрос, какой город может быть назван северной столицей Европы. На эту роль, например, могли бы претендовать столицы скандинавских государств – Финляндии, Швеции, Норвегии. Однако и Хельсинки, и Стокгольм, и Осло мало связываются с образом северного города: здесь нет суровых зим, зима здесь скорее дождливая, чем снежная, как у большинства приморских городов. Северные традиции этих стран больше связываются с лапландскими снегами и оленями, с родиной Деда Мороза в финском Рованиеми, с заполярными фьордами и северным сиянием. Но играющие важную роль в туристском предложении Северной Европы скандинавские достопримечательные места, такие как Нордвик – вблизи самой Северной точки Европы, Рованиеми и другие небольшие населенные пункты не могут ни в коем случае претендовать на статус северной столицы Европы в связи с их небольшим населением и отсутствием каких-либо столичных функций. Складывается впечатление, что, пожалуй, никакой другой город Европы кроме Вологды, не может претендовать на это славное имя.

Северное положение Вологды как одного из немногих действительно крупных городов, ее культурные традиции, ее столичность, а также ее исторические связи с Европой (как северные ворота в Россию, как бывший посольский центр) – позволяют говорить о возможной роли Вологды как своеобразной северной столицы всего единого европейского сообщества. Реализация подобного плана потребует, конечно, много времени и усилий, но, на наш взгляд, он вполне осуществим.

В связи с этим интересно предложение создать в Вологде «*площадь Севера*». Эту функцию может взять на себя участок проспекта Победы, бульвар перед выходом его к кремлю. Это очень важное в градостроительном плане место, с него открывается вид на сооружения Вологодского Кремля (Архиерейского двора), на красивый современный комплекс Кремлевской площади.

Представляется, что в центральной части этого бульвара могут быть установлены несколько стел, посвященных регионам Русского Севера (Архангельской, Мурманской областей, Республики Карелия), и северным странам Европы (Финляндии, Швеции, Норвегии). Эти памятные знаки должны быть спроектированы архитекторами и скульпторами каждого из названных ре-

гионов и стать своеобразной визитной карточкой этих стран и российских регионов в Вологде. С этого памятного места могут начинаться различные дни и праздники Севера, стелы могут стать местом начала торжественных двусторонних мероприятий, встреч представителей городов-побратимов и пр. В этом смысле символично расположение подобной «площади Севера» вблизи стен Вологодского кремля.

Вологжане поставили перед собой очень интересную задачу по освоению культурного наследия города. Осознание Вологдой своего значения как столицы Русского Севера находит отражение в перспективной стратегии культурного и социально-экономического развития.

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ 2011

1. Risques mondiaux 2011. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_ExecutiveSummary_2011_FR.pdf

2. Davos: un forum où les problèmes ne sont pas réglés. – Mode of access: http://french.ruvr.ru/2011/01/28/41707712.html

В январе 2011 г. Всемирный экономический форум (ВЭФ) опубликовал шестой доклад «Глобальные риски 2011», в котором подчеркивается, что мир не в состоянии противостоять новым экономическим шокам. С одной стороны, нынешний финансовый кризис ослабил мировую экономику и обострил геополитическую напряженность. С другой стороны, кризис показал, что позиции правительства и общества перед лицом социальных противоречий и планетарных вызовов как никогда слабы. В то же время уровень рисков в мировых масштабах не перестал расти, при этом особое беспокойство вызывает риск заражения в условиях высокой взаимозависимости систем.

Наиболее серьезными рисками являются два: экономические диспропорции и провалы в мировом управлении. Эти риски оказывают влияние на многочисленные другие планетарные риски и определяют границы решения глобальных проблем.

Глобальные условия рисков в 2011 г. обусловлены парадоксом, присущим XXI в.: «чем больше мир концентрируется, тем больше он разделяется» (plus le monde se concentre, plus il se divise). Глобализация, порождая экономический рост, ремоделирует мир, делая его все более взаимосвязанным и взаимозависимым. Но выгоды от глобализации распределяются неравномерно, что приводит к изменению соотношения экономических сил между странами и росту диспропорций.

Проблемы экономических диспропорций и неравенства не теряют своего значения как на национальных, так и на международном уровнях. В области политики наблюдаются признаки возрождения национализма, популизма и даже социальной фрагментации.

Для успешного противостояния этим вызовам необходимо мировое управление. И здесь проявляется второй парадокс нашего времени: обстоятельства, которые обусловливают настоятельную необходимость мирового управления, – конфликты интересов, противоречивые намерения, несогласия в отношении норм и ценностей, – одновременно затрудняют и осложняют его организацию. Об этом свидетельствуют провал переговоров Доха-раунда в рамках ВТО и отсутствие согласия в от-

ношении решений Копенгагенской конференции по изменению климата.

Кроме указанных выше двух рисков, авторы доклада выделяют три группы рисков.

Первая группа рисков связана с макроэкономическими диспропорциями: напряженность между ростом богатства и влияния развивающихся стран, с одной стороны, и значительным ростом задолженности некоторых промышленно развитых стран – с другой. Это определяет совокупность таких экономических рисков, как макроэкономические дисбалансы, волатильность валютных курсов, бюджетные кризисы и падение цен активов. Диспропорции между сбережениями и торговлей (как внутренней, так и внешней) оказывают все большее долгосрочное давление на бюджеты. Согласованные на мировом уровне действия позволили бы устранить эти диспропорции, однако конфликты интересов между различными странами мешают этому.

Вторая группа рисков связана с нелегальной экономикой: растущая уязвимость государств, незаконная торговля, организованная преступность и коррупция. Усиливающаяся взаимозависимость стран, отсутствие мирового управления и экономические диспропорции способствуют расширению преступной деятельности. В 2009 г. объем незаконной торговли в мире оценивался в 1300 млрд. долл. Указанные риски создают для легальной экономики значительные издержки, а также – что еще хуже – ослабляют и дестабилизируют государства, угрожают развитию и удерживают многие развивающиеся страны в состоянии постоянной бедности и нестабильности. Все это обусловливает настоятельную необходимость расширения международного сотрудничества.

Третья группа рисков связана с комплексом «вода – продовольствие – энергия», т.е. с важнейшими мировыми ресурсами. Тогда как спрос на эти ресурсы в ближайшие 20 лет возрастет на 30–50%, он вряд ли сможет быть удовлетворен при сохранении нынешних условий и экономических диспропорций. Нехватка ресурсов может вызвать усиление социальной и политической нестабильности, геополитической напряженности и ухудшение состояния окружающей среды. Любые стратегии, не учитывающие взаимосвязь и взаимозависимость указанных рисков, могут привести к серьезным последствиям.

Помимо выше перечисленных трех групп глобальных рисков, авторы выделяют еще пять рисков, «подлежащих надзору». К числу таких рисков относятся следующие:

– информационная безопасность: от все более активной киберпреступности до пока плохо осознаваемой угрозы тотальной цифровой войны (guerre digitale totale);

– демографический вызов, усиливающий давление на бюджеты развитых стран и создающий серьезные риски для социальной

стабильности в развивающихся государствах;

– безопасность в области обеспечения ресурсами, потенциальные колебания мировых цен на энергоносители и сырье из-за несоответствия спроса и предложения на рынке сырья;

– отказ от глобализации в связи с проведением популистских решений для устранения экономических диспропорций;

– оружие массового уничтожения и особенно распространение ядерного оружия.

Все перечисленные риски являются неотъемлемой частью нынешней архитектуры мировой экономики, и их устранение означало бы демонтаж мировой системы. Те, кто соглашаются на такие риски, по сути, изыскивают средства для того, чтобы заморозить проблемы, «переложив их на плечи будущих поколений». Точно так же большинство современных проблем возникло не сегодня и даже не в последнее десятилетие, о многих из них было известно еще в начале 1970-х годов, когда им были посвящены работы Римского клуба.

Экономисты не всегда находят средства для устранения препятствий экономическому росту, но предлагают средства, позволяющие компенсировать истощение ресурсов – сырья, рабочей силы и т.д. в развитых странах. Достаточно «перевести проблемы» из одной части планеты в другую, например из Европы в Азию, т.е. воспользоваться преимуществами глобализации. Однако решение одних проблем порождает другие, так как требует развития транспортной инфраструктуры и торговых сетей и способствует дальнейшей монетизации экономики. В результате появляются финансовые суперструктуры, которые намного превосходят потребности реальной экономики. Авторы доклада, с одной стороны, указывают на истощение потенциала мировой экономики, а с другой – призывают любой ценой поддерживать глобализацию, которую они рассматривают не только как инструмент получения денег, но и как главную ценность современного мира.

Л.А. Зубченко

БОРЬБА С ОТМЫВАНИЕМ КАПИТАЛОВ

1. Le FMI et la lutte contre le blanchiment des capitaux et le financement du terrorisme. – Mode of access: http://www.imf.org/external/np/exr/facts/fre/amlf.htm

2. Les fonds volés par les dictateurs. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/economie/article/2010/06/09/

3. Le rapport annuel 2009 de Tracfin. – Mode of access: http://www.tracfin.bercy.gouv.fr/pdf/rap2009.pdf

Отмывание капиталов («грязных» денег) или иного имущества, приобретенных преступным путем, представляет собой их легализацию, т.е. перевод из *теневой (неформальной) экономики* в официальный оборот. При отмывании происходит сокрытие истинного источника доходов, подмена реальных сделок поддельными. В условиях глобализации для отмывания денег часто используются офшорные центры и налоговые убежища, финансово-банковские системы которых обеспечивают анонимность и конфиденциальность операций клиентов-бенефи-циаров.

По оценке МВФ, масштабы отмывания капиталов составляют 2–5% мирового ВВП. Конечно, эти данные находятся за пределами официальной статистики, и потому к ним следует подходить с осторожностью. По имеющимся оценкам, ежегодные доходы от торговли наркотиками составляют 300–500 млрд. долл., от проституции – 80 млрд., от торговли поддельными лекарствами – 12 млрд., от торговли контрафактной продукцией – 159–500 млрд., от нелегальной иммиграции – 7 млрд., от торговли женщинами – 4 млрд., от экспорта загрязняющих веществ – 12 млрд. и от нелегальной торговли оружием – 1500 млрд. долл. Важным источником «грязных» денег является коррупция, доходы от которой, по оценке Всемирного банка, составляют не менее 1000 млрд. долл. в год.

Еще одним источником «грязных» денег являются прямые хищения государственных средств высшими руководителями и чиновниками, в основном развивающихся стран. На международной конференции, состоявшейся 8–9 июня 2010 г. в Париже с участием банкиров, министров и регуляторов и организованной по инициативе ООН и Всемирного банка, на тему «Нет убежищам для незаконно приобретенных благ» отмечалось, что сумма украденных государственных средств, по оценке Всемирного банка, составляет от 20 млрд. до 40 млрд. долл. в год. В то же время в беднейших странах 100 млн. долл. позволяют еже-

годно лечить 600 тыс. больных СПИДом или снабжать чистой водой 250 тыс. семей. По свидетельству «Transparency International», незаконно присвоенные средства в странах Юга, как правило, находят убежища в странах Севера. Так, клану президента Габона Омара Бонго принадлежат во Франции 30 домов и квартир класса люкс и 70 банковских счетов. Понятно, что все эти блага не могли быть приобретены за счет легальных доходов президента и его близких.

Способы отмывания капиталов многообразны и постоянно развиваются, поскольку воображение преступников, отмывающих деньги, поистине безгранично. Со временем к таким наиболее простым способам отмывания, как объединение мелких банковских вкладов, подключение банковских сотрудников к преступным операциям, злоупотребления в пунктах обмена валют и приобретение дорогостоящих благ за наличные, присоединяются современные способы, связанные с электронными платежами и многократными переводами средств (в том числе международными), использованием оффшорных зон, либерализацией и дерегулированием международного движения капиталов требует организации борьбы с отмыванием денег и с финансированием терроризма на международном уровне. Разработка надежных механизмов борьбы с отмыванием капиталов и финансированием терроризма является одной из главных опор международной системы регулирования и надзора и вписывается в усилия, предпринимаемые сегодня для обеспечения стабильности мировой финансовой системы. В операциях по отмыванию капиталов используются различия в законодательствах разных стран, в первую очередь касающиеся финансового регулирования и надзора. Капиталы отмываются в странах, где контроль над перемещением капиталов наиболее слаб или неэффективен. Именно поэтому разработка единого подхода и общих принципов организации борьбы с отмыванием капиталов приобретает особое значение. Такую задачу решают многие международные организации и в первую очередь межправительственная *Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег* (Financial Action Task Force on Money Laundering, FATF), включающая сегодня 35 стран-членов. Ее цель – разработка мировых правил и стратегии борьбы с отмыванием капиталов и финансированием терроризма, для чего она сформулировала 49 рекомендаций. В настоящее время основной задачей FATF является распространение механизмов борьбы с отмыванием капиталов в странах, не являющихся членами этой организации. Этим занимаются региональные отделения.

Для эффективной борьбы с отмыванием денег во многих странах были созданы специализированные государственные «подразделения финансовой разведки»

(ПФР). В 1995 г. для расширения обмена финансовой информацией, повышения квалификации персонала, содействия развитию каналов связи с использованием новых технологий ПФР создали неформальную организацию – «Группу Эгмонт» (названную по месту первой встречи во дворце Эгмонт-Аренберг в Брюсселе). На 31 декабря 2009 г. членами «Группы Эгмонт» были ПФР 116 стран.

В последнее время МВФ стала естественной платформой для обмена информацией, разработки совместной стратегии и распространения стандартов и правил борьбы с отмыванием капиталов и финансированием терроризма. Опыт МВФ позволяет ему оценивать, в какой мере национальные власти соблюдают нормы борьбы с отмыванием капиталов, и помогать им в разработке соответствующих программ. В 2006 г. МВФ утвердил принцип, в соответствии с которым любая программа оценки финансового сектора и офшорного финансового центра должна включать оценку механизма борьбы с отмыванием капиталов и финансированием терроризма. Недавно МВФ создал мультидонорский фонд «Multi-Donor Trust Fund» для финансирования технической помощи в борьбе с отмыванием капиталов. Это первый из серии специализированных фондов МВФ, начавший функционировать с 1 марта 2009 г. Страны – члены МВФ обязались внести в него 30 млн. долл. в течение пяти лет. В первый год существования фонда в его финансировании участвовали 11 стран.

В соответствии с рекомендациями FATF обо всех подозрительных сделках следует сообщать в такие национальные органы, как действующее во Франции Ведомство по регистрации данных и действиям по борьбе с незаконным финансовым оборотом (Traitement du renseignement et action contre les circuits financiers clandestins – TRACFIN). В 2009 г. TRACFIN получил 18 104 деклараций о подозрениях в отмывании денег против 8719 в 2002 г. и 11 500 – в 2005 г. Из общего числа деклараций 17 310 поступили от профессиональных организаций, 185 – от органов власти и 609 – от иностранцев. В 2009 г. выросла доля деклараций, поступающих в нематериальной форме, которая составила 21% против 12% в 2008 г. и 11% в 2007 г. Среди главных профессиональных организаций, посылающих декларации в TRACFIN, первое место занимают банки – 12 254 декларации, за ними следуют пункты обмена валют – 2249 и страховые компании – 1007 деклараций. Уголовный кодекс Франции предусматривает наказание тюремным заключением сроком на пять лет и штраф в 375 тыс. евро за действия по отмыванию денег.

В условиях нынешнего финансово-экономического кризиса появились новые риски, связанные с введением новых правил регулирования, ростом анонимности при проведении финансовых операций и развитием новых способов и

инструментов расчетов. Для 2009 г. характерна тенденция к повышению роли расчетов наличными в связи с падением доверия к банковскому сектору в условиях кризиса и ростом подпольной экономики, что приводит к параллельному увеличению оборота наличных средств, ускользающих от контроля финансовых органов, под влиянием таких факторов, как способность криминальной среды и злоумышленников адаптироваться к меняющимся условиям; изменения коммерческой практики как в легальной, так и в нелегальной (теневой) экономике; расширение нелегальной экономики, в рамках которой расчеты, как правило, ведутся наличными.

Эффективность борьбы с отмыванием капиталов в первую очередь зависит от предупреждения различных преступлений, являющихся источниками нелегальных доходов. Поскольку многие операции по отмыванию капиталов имеют транснациональный характер, актуальной остается проблема координации политики на международном уровне. Не случайно вопросы борьбы с отмыванием капиталов и финансированием терроризма входят в повестку дня заседаний «группы 20» (G20).

Л.А. Зубченко

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НА СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

The impact of the financial crisis on the Central and Eastern European countries // Month. bull. of ECB. – Frankfurt a. Main, 2010. – N 7. – Mode of access: http://www.ecb.int/pub/pdf/mobu/mb201007en.pdf

В статье, опубликованной в «Ежемесячном бюллетене Европейского центрального банка», рассматриваются факторы, объясняющие различное влияние глобального финансового кризиса на экономику стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

Страны ЦВЕ – члены ЕС были серьезно затронуты глобальным финансово-экономическим кризисом. Однако влияние кризиса на рост ВВП восьми стран ЦВЕ (Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Чехии, Эстонии) было различным: тогда как Польша оказалась единственной страной ЕС, в которой в 2009 г. темпы роста ВВП были положительными, в семи остальных странах ЦВЕ наблюдалось значительное снижение объема ВВП. При этом различались не только масштабы влияния кризиса на экономику стран ЦВЕ, но и временные рамки его проявления, а также скорость этого процесса.

Чтобы понять, почему влияние кризиса на экономику стран ЦВЕ было различным, необходимо изучить их макроэкономические диспропорции в докризисный период. В странах Балтии высокие темпы роста сопровождались появлением внутренних и внешних диспропорций. Вследствие значительного притока капиталов и увеличения кредитов в условиях поддержания очень низких (а иногда и негативных) процентных ставок, во многих странах ЦВЕ было зарегистрировано существенное повышение цен активов, особенно на недвижимость. В Болгарии, странах Балтии и Румынии повышение заработной платы в частном секторе сопровождалось быстрым ростом зарплаты в государственном секторе, что вызвало усиление издержек и темпов роста.

Значительное замедление темпов роста ВВП в странах ЦВЕ с сентября 2008 г. объясняется одновременно падением экспорта и внутреннего спроса. К тому же изменение поведения инвесторов привело к снижению транснациональных потоков капитала, что, в свою очередь, затруднило процессы финансирования, ухудшило перспективы экономического развития и значительно замедлило рост кредитов. Все это привело к снижению производства во многих странах ЦВЕ, в которых в докризисный период финансирование экономического роста опиралось в

основном на внутренние, а не внешние источники, объем кредитов снизился в меньшей степени. Темпы роста кредитов продолжали замедляться и в первом квартале 2010 г. во всех странах ЦВЕ, за исключением Румынии, где они несколько возросли. В странах Балтии они составляли (–5%) и в Венгрии – (–7,5%). Во всех странах ЦВЕ, за исключением Чехии и Польши, сокращение внутреннего спроса привело к значительному падению частного потребления. В наибольшей степени спрос сократился в секторе услуг, что негативно повлияло на рост ВВП, особенно в странах Балтии и Румынии.

В большинстве стран ЦВЕ уменьшение внутреннего спроса привело к снижению импорта, причем в некоторых странах импорт снизился в большей степени, чем экспорт. Довольно высокий уровень открытия экономики стран ЦВЕ создает дополнительный канал влияния кризиса на экономику этих стран. В период с третьего квартала 2008 по третий квартал 2009 г. экспорт всех стран ЦВЕ снизился, в том числе экспорт Литвы на 16,5% и Румынии – на 3,7% (см. табл.). Этот разрыв между странами ЦВЕ частично связан с различиями в режимах валютных курсов. Страны, в которых было зарегистрировано значительное снижение эффективных номинальных или реальных курсов национальных валют (Венгрия, Польша и Румыния), испытали наименьшее снижение объема экспорта. В то же время страны Балтии, в которых действует режим фиксированных валютных курсов, зарегистрировали в среднем наиболее сильное падение экспорта среди стран ЦВЕ. Таким образом, реальное обесценение валюты в отношении более сильной валюты может помочь стране ограничить снижение экспорта. Отраслевая структура внешнеторгового обмена может также частично объяснить различные результаты в динамике внешней торговли стран ЦВЕ в последнее время.

Таблица

ИЗМЕНЕНИЕ ЭКСПОРТА И ЭФФЕКТИВНОГО НОМИНАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ВАЛЮТНОГО КУРСА С ТРЕТЬЕГО КВАРТАЛА 2008 ПО ТРЕТИЙ КВАРТАЛ 2009 г., %

	Экспорт товаров и услуг	*Эффективный валютный курс*	
		номинальный	*реальный*
Болгария	–6,7	1,0	1,8
Эстония	–9,6	1,8	0,6
Латвия	–14,7	2,9	3,8
Литва	–16,5	2,9	5,1
Чехия	–7,7	–4,7	–4,8
Венгрия	–6,9	–12,2	–8,0
Польша	–9,0	–20,5	–17,0
Румыния	–3,7	–14,4	–10,1

Географическая концентрация экспорта также играет роль в различных достижениях стран ЦВЕ в области внешней торговли. Большая часть экспорта (от 80 до 90%) этих стран приходится на долю других европейских стран. В зону евро направляется основная часть экспорта Болгарии, Чехии, Польши, Венгрии и Румынии. Страны Балтии торгуют в основном между собой, с Польшей и странами СНГ. Тесные внешнеэкономические связи между странами Балтии объясняют негативное влияние снижения внутреннего спроса в этих странах на их экономическое развитие.

Реакция бюджетной политики на кризис в странах ЦВЕ была различной. В Латвии, Венгрии и Румынии программы финансовой поддержки со стороны ЕС и МВФ потребовали осуществления мер по оздоровлению бюджетов. Цель этих мер – снизить государственные расходы за счет уменьшения численности и оплаты труда государственных чиновников и других социальных расходов. Кроме того, предусматривались меры по расширению налоговой базы для увеличения бюджетных доходов. Шесть из десяти рассматриваемых стран ЦВЕ получили в начале 2010 г. рекомендации от Совета ЕС в области оздоровления бюджетов. Европейская комиссия констатировала, что в 2010 г. только Болгария и Эстония будут иметь дефицит госбюджета, приближающийся к нормативу в 3% ВВП, установленному в Пакте стабильности и роста, тогда как в остальных странах ЦВЕ будет сохраняться высокий дефицит. Во всех странах ЦВЕ, за исключением Венгрии, доля государственных расходов в ВВП в 2008–2010 гг. значительно возросла. В то же время Венгрия является единственной страной ЦВЕ, у которой отношение государственной задолженности к ВВП превышает 60%, а Польша и Латвия приблизятся к этому показателю в 2011 г.

В странах ЦВЕ, в которых денежно-кредитная политика не была подчинена цели поддержания валютного курса, падение реального производства во время кризиса было меньшим, чем в странах с режимом фиксированных валютных курсов, в частности в Болгарии и странах Балтии. Эти страны обладают ограниченным полем для маневров для того, чтобы использовать меры денежно-кредитной политики для борьбы с кризисом. В странах, проводящих стратегию таргетирования инфляции, – в Венгрии, Польше, Чехии и Румынии – накопление диспропорций и использование внешнего финансирования в докризисный период были гораздо меньшими, чем в Болгарии и странах Балтии, что ограничивало уязвимость экономики. Банковый кризис серьезно повлиял на эффективность монетарной политики большинства стран ЦВЕ, поскольку способствовал значительному увеличению премий за риск и ликвидность на межбанковском рын-

ке. С учетом нарушения функционирования механизмов передачи денежно-кредитной политики некоторые центральные банки приняли дополнительные меры, чтобы смягчить условия на рынках и избежать ограничения кредитов. Некоторые страны решили проблему нехватки ликвидности в иностранной валюте с помощью заключения соглашений о свопе с национальными финансовыми институтами.

Различия влияния глобального финансового кризиса на экономику стран ЦВЕ объясняются многочисленными факторами: наличием макроэкономических диспропорций в докризисный период, неодинаковым падением внутреннего спроса, разной зависимостью от внешнего спроса и т.д. Для будущего развития стран ЦВЕ важно то, сумеют ли они избежать нового появления макроэкономических диспропорций и гарантировать процесс конвергенции. Они должны взять на себя обязательство усиливать действие противоциклических механизмов, чтобы лучше противостоять шокам, а также облегчить перевод ресурсов из одного сектора в другой и не допускать чрезмерного роста кредитов, питаемого внешним финансированием. Денежно-кредитная политика центральных банков стран ЦВЕ должна быть направлена на обеспечение долгосрочной стабильности цен.

Л.А. Зубченко

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

Ю.С. Пивоваров. К вопросу о методологии понимания России
Yu.S. Pivovarov. On Methodology of Understanding Russia

Ключевые слова: Россия, отечественная история, методология исторического исследования, формационная теория, цивилизационная теория, место России в мире.

Key words: Russia, domestic history, methodology of historical study, formation theory, civilization theory, Russia's place in the world.

У каждого поколения, у каждой эпохи существует потребность в историческом самоопределении, собственном ви́дении прошлого. Сейчас же в
России эта потребность ощущается особенно остро. Попытки понять исторический путь России исходя из различных теоретических оснований предполагают поссибилитистский подход, создающий возможности выбора места в мире и модели, обеспечивающий свободу выбора идентичности. Свобода выбора идентичности (Россия эксклюзивна, Россия вместе с Европой, Россия между Европой и Азией, Россия между Европой и Евразией) и есть онтология историософии, самопознания.

Each generation and each epoch need historical self-definition, their own visions of the past. This need is especially acute in nowadays Russia. Attempts at understanding Russia's historical path based on various theoretical grounds presuppose an approach which creates a possibility to choose a place in the world and a model and ensures freedom of choosing an identity. The freedom to choose an identity (Russia is exceptional, Russia joins Europe, Russia is between Europe and Asia, Russia is between Europe and Eurasia) is exactly an ontology of historiosophic knowledge and self-cognition.

В.А. Ковалёв. Нормальный русский национализм
(К вопросу об идеологии демократического государства в России)
V.A. Kovalev. Normal Russian Nationalism (On the problem of ideology of the democratic state in Russia)

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., национализм, патриотизм, демократия, государство, общество.

Key words: Russia, early 21st century, nationalism, patriotism, democracy, state, society.

Без развитого национализма русские обречены на исчезновение. Рост русского национализма в России практически неизбежен. Но каким он будет? Национализм – это нормальная и респектабельная идеология, а вовсе не прибежище для лузеров. Важно, чтобы русская молодежь поняла, что можно и нужно быть националистами, участвуя в легальных мероприятиях, демократических выборах, публичных спорах. Национализм не должен ассоциироваться с военизированными организациями, ксенофобией и насилием.
Нормальный русский национализм будет основой для демократической политики, принятия государственных решений в интересах большинства.

Without a developed nationalism Russians are doomed to disappearance. The growth of Russian nationalism in Russia is practically unavoidable. But what will it be? Nationalism is a normal and respectable ideology, not a harbor for losers. It is important for the Russian youth to understand that they can and must be nationalists taking part in legal undertakings, democratic elections and public debates. Nationalism should not be associated with militarist organizations, xenophobia and violence. Normal Russian nationalism will form a base for democratic policies and government decisions in the interests of the majority.

Ю.А. Нисневич. Россия-2010 в зеркале исследований межгосударственных и неправительственных организаций
Yu.A. Nisnevich. Russia-2010 in the Mirror of Interstate and Non-governmental Organizations

Ключевые слова: Россия, 2010 г., государство, политика, экономика, международные оценки.

Key words: Russia, 2010, state, politics, economy, international ratings.

Представленные в 2010 г. по результатам исследований 18 межгосударственных и неправительственных организаций оценки 28 различных характеристик и параметров современного государства и складывающийся из них образ России не соответствуют характеристикам и образу государства, претендующего на достойное место среди ведущих государств мирового сообщества. Такая ситуация определяется в первую очередь низким качеством и низкой эффективностью государственного управления и высоким уровнем коррупции.

The ratings of 28 various state characteristics and parameters made by 28 international non-government organizations in 2010 present an image of Russia which does not correspond to the characteristics and image of the state pretending to hold a worthy place among leading world powers. Such a situation is explained mainly by a low quality and low effectiveness of the state management and high level of corruption.

А.В. Шентякова. Федеральная элита: Качественный состав «президентского резерва»

A.V. Shentyakova. The Federal Elite: On the Quality of the «President's Reserve»

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., государственное управление, политическая элита, рекрутирование, «президентский резерв».

Key words: Russia, early 21st century, Federal state management, political elite, recruitment, «President's reserve».

В президентском списке больше всего чиновников федерального уровня власти – 36%, а чиновников из регионов значительно меньше – всего 23%. Из интеллигенции в президентском списке только 9%. Большой удельный вес администраторов представляется нелогичным, если данный резерв планируется использовать для проведения курса модернизации. Анализ показывает, что у власти нет четкой и продуманной позиции в вопросе необходимости смены управленческой элиты.

The President's reserve includes a majority of Federal officials (36 percent) while regional officials are represented much less (23 percent). Only 9 percent of nominees belong to intellectual elite. Great number of administrators does not seem logical if the reserve is needed to fulfill the declared modernization. The conclu-

sion follows that the Federal authorities do not have a clear and rational view of the necessity to change the managing elite.

С.А. Королёв. Постсоветская фирма как микросоциум власти
S.A. Korolev. The Post-Soviet Firm as a Micro-Socium of Power

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., коммерческая фирма, производственные отношения, управление предприятием, производственная дисциплина, субординация.

Key words: Russia? Early 21st century, commercial firm, enterprise management, production relations, labor discipline, subordination.

Постсоветская фирма рассматривается не как экономическая, производственная ячейка, а как специфическая дисциплинарная структура. В ней дисциплина как таковая – это не односторонняя зависимость и не произвольно выстраиваемый набор мер и санкций, а фундаментальная, базовая реакция на *взаимо*зависимость, язык, на котором власть общается с *теми-кто-под-властью*.

A post-Soviet firm is regarded not as an economic production unit, but as a specific disciplinary structure. Discipline inside it is not a one-sided dependency or a freely arranged set of measures and sanctions, but a fundamental response to *inter*dependency, a language in which the authorities speak with those beneath them.

Е.А. Сидорова. Бюджетная политика как отражение социально-экономических проблем современной России
E.A. Sidorova. Budget Policy as a Reflection of Social and Economic Problems in Nowadays Russia

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., государственный бюджет, бюджетная политика, экономика, модернизация, социальные проблемы.

Key words: Russia, early 21st century, federal budget, budget policy, econom, modernization, social problems.

Первоочередной задачей для бюджетной политики России в настоящее время является повышение благосостояния населения, борьба с бедностью.

К сожалению, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения не сокращается, а, напротив, возрастает, и кризис усугубил этот разрыв. Экономическая рента от природных ресурсов (прежде всего нефти и газа) должна аккумулироваться правительством более эффективно, чем сейчас.

Presently the prime task of the Russian budget policy is the rise of the population's welfare, fighting poverty. Unfortunately the gulf between the richest and the poorest does not lessen but, on the contrary, it grows while the crisis made it greater. The economic rent from natural resources (oil and gas above all) must be accumulated by the government more efficiently than now.

Г.А. Антипов. Об историческом опыте в современном социально-проективном мышлении

G.A. Antipov. On Historical Experience in Current Socio-Projective Thinking

Ключевые слова: исторический опыт, русская история, русская философия, историческое знание, социальное проектирование, «Русская идея».

Key words: historical experience, Russian history, Russian philosophy, historical knowledge, social projecting, «Russian idea».

Одна из особенностей всех современных обществ состоит в том, что мы сознательно выбираем и составляем проекты, которые призваны усовершенствовать наши социальные институты. Рассуждают об «имперском проекте», «проекте Россия», «национальном идентификационном проекте», «модернизационном проекте» и т.п. Коллизию между проективным и собственно научным контекстами хорошо иллюстрирует судьба проекта «Русская идея». Поиски ее, как известно до сих пор пребывают в бесконечном тупике.

One of specific features of all modern societies is that we consciously choose and construct projects to improve our social institutions. There are contemplations about an «imperial project», «project Russia», a «national identification project», a «modernization project» etc. The collision between projective and scientific contexts is well illustrated by the destiny of the «Russian idea» project. As is known, the search of it has long come to the dead end.

Ж. Людвиг. Беспокойный треугольник: ЕС, Россия и их общие постсоветские соседи

Zs. Ludwig. Troublesome Triangle: The EU, Russia and Their Common Post-Soviet Neighborhood

Ключевые слова: отношения ЕС–Россия, постсоветские государства, экономическая интеграция, европейская политика соседства, восточное партнерство, Украина.

Key words: EU–Russian relations, post-Soviet states, economic integration, European neighbourhood policy, Eastern partnership, Ukraine.

В последние годы соседские отношения с государствами постсоветского пространства стали предметом более или менее явного соперничества между Россией и Европейским союзом. Это стало особенно очевидным после волны так называемых цветных революций. Сейчас отношения ЕС–Россия в стадии перезагрузки, и это один из наиболее трудных вопросов, которые двум партнерам предстоит решать. Проведенный анализ подводит к вопросу, является ли соперничество между ЕС и Россией неизбежным, или его может сменить сотрудничество, отвечающее интересам всех сторон.

For the past few years a more or less open competition has evolved between Russia and the European Union over their 'common neighbourhood' in the post-Soviet space. This has become extremely obvious since the wave of so-called colourful revolutions. Now that EU-Russian relations are on the eve of reset, this is one of the most troublesome issues to be solved by the two partners. This analysis raises the question whether rivalry is a real must between the European Union and Russia or co-operation can replace it, since it is in the interests of all affected parties.

Т.В. Чубарова. Социальная ответственность бизнеса: Россия на фоне мирового опыта

T.V. Chubarova. Social Responsibility of Business: Russia Against the World Background

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., бизнес, корпоративная социальная ответственность, благотворительность, социальные инвестиции.

Key words: Russia in early 21st century, business, corporate social responsibility, charity, social investments.

Дается общая теоретическая постановка проблемы, рассматриваемой в рамках концепции корпоративной социальной ответственности. Особое внимание уделено благотворительности как одной из форм социальной ответственности бизнеса. Анализируется роль российского бизнеса в решении проблем социального развития российского общества.

The problem is analyzed against a theoretical background, in the framework of the concept of corporate social responsibility. Special attention is given to charitable activities as one of the forms of business social responsibility. Also considered is the role of Russian business in the solution of the social development problems in the Russian society.

Х.Ф. Бингол. Российский вектор в энергетической стратегии Турции
H.F. Bingol. The Russian Vector in Turkey's Energy Strategy

Ключевые слова: российско-турецкое экономическое сотрудничество, начало XXI в., проблемы энергетики, газопроводы, Турция и Запад.

Key words: Russian-Turkish economic cooperation, early 21st century, energy problems, gas pipelines, Turkey and the West.

До начала 1990-х годов энергетическая проблематика не привлекала внимания Турции, так как она не была кризисным импортером или экспортером энергоносителей. Благодаря достижениям в экономическом, политическом и социальном развитии в последующий период она превратилась в сильную и стабильную страну. В последние годы наблюдается положительная динамика в развитии отношений между Турцией и Россией, в том числе в энергетике.

Up to the beginning of the 1990's energy problems did not attract much attention in Turkey, as it was not a crisis importer or exporter of energy. Due to the social, economic and political achievements in the following years Turkey became a strong and stable developing country. In the last years positive dynamics is observed in Russian-Turkish relations including energy.

А.Л. Литвин, А.А. Сальникова. Проблема сталинского террора в новейших зарубежных исследованиях
A.L. Litvin, A.A. Salnikova. Stalin's Terror in Recent Foreign Studies

Ключевые слова: история России XX в., сталинизм, террор, историография.

Key words: Russian history, 21st century, stalinism, terror, historiography.

Истории советской карательной политики и террору посвящена огромная литература, и тем не менее эти проблемы продолжают привлекать внимание исследователей. Среди новейших работ зарубежных историков можно назвать, в первую очередь, книгу Н. Наймарка о сталинском геноциде, а также сборник статей о сталинском терроре в странах Восточной Европы, изданный под редакцией британских исследователей Кевина МакДермотта и Мэттью Стибба.

Although enormous literature is devoted to the Soviet repressive policy the problem still attracts scholars. Among recent foreign works first and foremost one must mention the American book by Norman Naimark on Stalin's genocide and a collection of articles on Stalinist terror in the East-European countries edited by British researchers Kevin McDermott and Matthew Stibb.

С.А. Ермолаев. Западный феодализм и русский общественный строй (Полемика с А.А. Горским)
S.A. Yermolaev. Western Feudalism and the Russian Social Order (Polemics with A.A. Gorsky)

Ключевые слова: средневековая Русь, Россия и Запад, феодализм, русское государство, общественный строй России.

Key words: medieval Russia, Russia and the West, feudalism, Russian state, Russian social order.

Для средневековой России был характерен не западноевропейский, германо-романский общественный синтез, а иной, представляющий «рекомбинацию» древнерусских и восточных порядков. Это кардинальное различие проявилось не к концу XVI столетия, как полагает современный российский исследователь А. Горский, а раньше. Россия, лишенная схожего с Европой феодального фундамента, на многие века погрязла в вотчинничестве.

Medieval Russia was marked not by a West-European social synthesis of German and Roman origin, but a different one representing a recombination of ancient Russian and Eastern order. This cardinal difference reflected itself not by the end of the 16th century, as the Russian scholar A. Gorsky believes, but earlier. Having no feudal basis similar to the European one Russia was condemned to serfdom for centuries.

И.А. Васильева. Плоская шкала налогообложения доходов физических лиц: Оценки «сверху» и «снизу»

I.A. Vasilyeva. The Flat Scale of the Physical Person Income Tax: Appraisals from Above and Below

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., налоговая система, НДФЛ, плоская шкала.

Key words: Russia, early 21st century, tax system, income tax, flan scale.

С момента ввода НДФЛ (плоской шкалы подоходного налога) экономисты и политики разделились на два лагеря. Одни считают, что такая шкала позволила вывести высокие доходы физических лиц из теневого оборота, т.е. легализовать их. Другие доказывают, что это отрицательно повлияло не только на собираемость налога в бюджет, но и нарушило принцип справедливости в налогообложении.

Since the introduction of the flat income tax economists and politicians have been divided in two camps. Some think that such a scale allowed to draw high personal incomes from a shady turnover and thus legalize them. The others prove that this not only negatively affected tax collection into the budget but also violated the principle of justice in taxation.

Н.А. Тарасова, И.А. Васильева, Н.Е. Сушко. Использование системы НДП («население, доходы, потребление») для оценки социальной политики

N.A. Tarasova, I.A. Vasilyeva, N.Ye. Sushko. Employment of the PIC System («Population, Income, Consumption») for the Evaluation of Social Policy

Ключевые слова: *система НДП, теневые и скрытые доходы, типы семей, прожиточный минимум семьи*.

Key words: PIC system, shady and hidden incomes, family types, family subsistence minimum.

Расчеты на основе комплексной многоуровневой системы НДП показали неэффективность ввода плоской шкалы НДФЛ. Инерционное прогнозирование (с учетом «докризисной» динамики развития) выявило снижение доли трудовых доходов и существенное постоянное увеличение предпринимательских доходов. Социальные выплаты сокращаются, продолжается процесс обеднения трудящихся и «олигархизации» высокодоходных предпринимателей.

Calculation based on a complex many-level PIC system showed inefficiency of the flat income scale introduction. Inertia prognostication (starting from the «pre-crisis» dynamics) made evident the reduction of the labor income portion and constant significant rise of business incomes. Social payments are getting less, the working people become poorer, while highest profits create new oligarchs.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П.
К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: market@inion.ru

Россия и современный мир № 3–2011 (72)

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 28.08.2011 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 24,0 Уч.-изд. л. 15,0
Тираж 900 экз. Заказ № 145

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9